

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
[118]

СЕРИЯ IV
БИОБИБЛИОГРАФИИ
(5)

Редакционный совет:

д. иск., проф. И.И. Тучков (председатель);
академик РАН, д. и. н., проф. С.П. Карпов (основатель серии);
член-корреспондент РАО, д. и. н., проф. Л.С. Белоусов;
д. и. н., проф. Н.С. Борисов;
член-корреспондент РАН, д. и. н., проф. Л.И. Бородкин;
д. и. н., проф. А.Г. Голиков; д. и. н., проф. С.В. Девятков;
д. и. н., гл. н. с. Л.В. Кошман; д. и. н. А.Р. Канторович;
академик РАН, д. и. н., проф. Ю.С. Кукушкин;
к. и. н. Н.В. Литвина; д. фил. н., проф. О.В. Раевская;
д. и. н., проф. Г.Ф. Матвеев; д. и. н., проф. С.В. Мироненко,
д. и. н., член-корреспондент РАН Е.И. Пивовар;
д. и. н. А.В. Подосинов; к. и. н., доц. Ю.Н. Рогулев;
д. и. н. С.Ю. Сапрыкин; д. и. н., проф. В.В. Симонов;
д. иск., член-корреспондент РАН, проф. В.В. Седов;
к. и. н. О.В. Солопова; к. и. н. А.А. Талызина;
д. и. н., проф. Д.А. Функ

МОСКВА
2018

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
Исторический факультет

**ТРУДЫ КАФЕДРЫ
ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ**

Выпуск V

Кафедре древних языков исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова — 80 лет

**OPVSCVLA CATHEDRAE
LINGVARVM ANTIQVARVM**

Fasc. V

Москва 2018

УДК 378.4(470-25).096:94:81'02(091)(082)
ББК 74.483я43 + 81.04я43
Т 78

*Печатается по решению Ученого совета
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
от 19 апреля 2017 г. (протокол № 2)*

Рецензенты:

д. и. н., заведующий кафедрой истории древнего мира исторического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова С.Ю. Сапрыкин
д. и. н., заведующий отделом полевых исследований Института
археологии РАН, проф. А.А. Масленников

Редакционная коллегия:

д. и. н. А.В. Подосинов (ответственный редактор),
к. и. н. И.Ю. Шабага

Т 78 Труды кафедры древних языков. Вып. V: Кафедре древних языков исторического факультета МГУ — 80 лет / Отв. редактор А.В. Подосинов. — М.: Индрик, 2018. — 272 с. — (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 118; Сер. IV. Биобиблиографии: 5).

ISBN 978-5-91674-490-3

В книге, посвященной 80-летнему юбилею кафедры древних языков исторического факультета МГУ (1937–2017), собраны материалы, в том числе архивные, ранее не публиковавшиеся, об истории кафедры, ее преподавателях и заведующих, а также избранная библиография научных и учебных работ, написанных сотрудниками кафедры за всё время ее существования. В качестве Приложения приведена подборка наиболее забавных образцов перевода, которые иногда давали студенты, изучавшие латинский и древнегреческий языки.

ББК 74.483я43 + 81.04я43
УДК 378.4(470-25).096:94:81'02(091)(082)

ISBN 978-5-91674-490-3

© Исторический факультет МГУ, 2018
© А.В. Подосинов
(ответственный редактор), 2018
© Коллектив авторов, 2018

И.И. Тучков

«ПОСЛАНИЯ К ДРЕВНИМ», ИЛИ ВАЖНОСТЬ КЛАССИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Славен метрический стих, что не терпит поспешных ответов,
Думать велит, от оков «я» избавленье несет.

У.Х. Оден. «Коротко, П».

Эпиграф к данному тексту, представляющий строки из почитаемого Иосифом Бродским Уистена Хью Одена, взят из одного позднего эссе Бродского. Оно носит весьма примечательное название — «Письмо Горацию» (1995) и связано с другим, чуть более ранним текстом, близким ему концепционно, со столь же звучащим, особенно для нашей темы, заголовком «Дань Марку Аврелию» (1994). Оба эти эссе продолжают мысли раннего очерка «Вергилий» (1981). Частота обращения Бродского к наследию классического мира (мы указали только на малую толику его текстов, есть еще и поэзия, и другие прозаические тексты, и пьеса «Мрамор» (1982)), свидетельствует о его жизненной и творческой важности для автора. В этом первом эссе, начинающемся многозначными словами приветствия «Мой дорогой Гораций», наш современник, размышляя об «искусстве поэзии», а это именно та тема, с которой и надо начинать беседу с владельцем «скромной» сабинской виллы, находит много общего между собой и античным автором. Он подводит читателя к мысли об идентичности и тождественности между двумя разнесенными во времени поэтами и, конечно, об их творчестве, даже о некотором внешнем сходстве между ними, поскольку «с тобой у меня больше общего метрически», «я постоянно отвечаю тебе» и, напоследок, усиливая все сказанное, Бродский несколько утопически замечает: «Кто знает, может, я еще вызову тебя сюда, может, ты еще материализуешься в конце концов даже отчетливее, чем в моих стихах»¹.

Сама возможность, более того, насущная необходимость появления такой темы у поэта второй половины XX столетия коренится в

¹ *Иосиф Бродский. Письмо Горацию // Иосиф Бродский. Сочинения Иосифа Бродского. СПб., 2000. Т. VI. С. 362, 370.*

одной основополагающей особенностью всей европейской цивилизации, причем не только в этот конкретный период ее существования и не только у представителя искусства словесности. Она совершенно естественно может возникнуть на каком бы то ни было этапе развития той или иной культурной эпохи, при всем ее культурном, видовом, жанровом единстве и разнообразии. Обращение к идеям, образам, формам античного мира отмечает и порубежные моменты эволюции творческой личности, представляющей любой момент постантичной европейской истории, шире — цивилизации. Последнюю отличает (и это ее родовая и очень приметная, даже знаковая черта во всем ее наполнении и во все времена длительной эволюции) творческое и вдохновляющее присутствие классической традиции. Она неизменно проглядывает сквозь живую ткань современности, без усилий или с некоторым напряжением, но весомо и ощутимо прочитываясь во всех проявлениях бытия человеческого духа. Классическая составляющая может быть явлена во всей силе своего масштаба и образности, своей созидающей энергии, или только исподволь просматривается и угадывается через опосредованные намеки и полутона. Но повторим, постоянное бытование классической традиции есть ключевая основа европейской жизни, культуры, цивилизации. Различные формы проявления этой традиции можно смело назвать классическим языком, на котором мы и сегодня продолжаем общаться, подразумевая под ним не только непосредственно древнегреческий или латынь, но и вполне конкретный язык архитектуры, искусства, культуры.

После трагической гибели античного мира, какие бы хронологические границы этих событий ни были бы нами избраны, классическая традиция или во всей своей полноте, или отдельными, но столь же выразительными элементами неизменно присутствовала в цивилизации Запада. Стремление соприкоснуться с античным прошлым подспудно существовало и никогда не исчезало даже в средневековой Европе, несмотря на все неблагоприятные для нее обстоятельства. А по сути, представляло, в силу пространственного географического единства и принципов наследования, преемственности, последовательности, всегда приметную отличительную особенность цивилизации средневекового Запада. Во многом она естественно продолжала традиции, категории, формы, идеи, образы, бытовые реалии классического мира от представлений о государстве и норм права до языка Церкви и учености, вплоть до отдельных типологических принципов, иконографических схем, разного строя и формальных приемов средневекового искусства. К нему и обратимся. Визуальный образ наиболее нагляден и действ-

нен, он на первый взгляд не требует дополнительных душевных и умственных усилий, доходчив и очевиден и, в силу этого, крайне поучителен в любой избранной системе доказательств. И, аргументируя вышеизложенное, достаточно вспомнить легко постигаемую взглядом «классичность» миниатюр «Парижской псалтыри» (X век), этого яркого явления македонского ренессанса. Или пластическую насыщенность и детализированную тщательность композиционных приемов, проработки объемов и одеяний скульптурной группы «Встреча Марии и Елизаветы» (около 1230 года) из декорации собора в Реймсе.

Использование идей и образов классического мира во всем их удивительном многообразии и сложности, когда к ним, осознав окончательный разрыв с античным миром, обращаются уже специально, с пытливостью и восторженностью неофитов, конечно, присуще эпохе Возрождения. Ее название, подчеркнем, это было самоназвание (от времен Петрарки до Вазари), говорит само за себя. Классическая традиция по-новому, последовательно и ярко заблестала в ренессансной культуре, естественно включенная в саму ее структуру. И здесь, лишь упоминая о значении *studia humanitatis* для европейской политики, культуры, педагогики и науки, помня о том, как по-новому зазвучали языки древних и как они обогатились благодаря тщательному труду комментаторов, переводчиков, книгоиздателей, следует опять обратиться к зримой ценности визуальной реальности. Радостный и игривый дельфинчик с якорем на издательском знаке у Альда Мануция «поспешает медленно» («festinat lente»). Столь же неспешен и величествен Марк Аврелий, выезжая на своем бронзовом коне с Капитолия. Он помещен в его центр гением Микеланджело, и вымостка Капитолийской площади недвусмысленно напоминает, кроме имени и многозначной истории самого римского холма, о том, что он обретается в центре Мира. Отныне Марк Аврелий вечно приветствует нас жестом руки с неизменными словами: «Urbi et Orbi».

И в Новое, а затем и в Новейшее время «классицизм» и «классицизмы» получают новые оттенки и особенности в трактовке античности, обогащая тот «диалог культур», который столь необходим для поступательного развития европейской цивилизации. Это никогда не исчезавшее и постоянно подпитывающее последующие эпохи стремление восстановить разрушенную связь с классической традицией приводит к высочайшим достижениям человеческого духа. Оно сопровождается желанием как можно больше узнать, а затем и использовать в своих собственных целях основы и принципы классического знания и особенно классической образности, её

совершенный формальный язык во всем его удивительном разнообразии и духовной глубине. Ведь «классика» и «классическое» — это просто образец, который всегда существует перед глазами творца. С таким образцом сверяют свои замыслы и итоги, за ним следуют в поисках наилучшего решения, зачастую с ним спорят и пытаются опровергнуть или превзойти, но это тот образец, который непременно помнят, к нему обязательно прибегают и его почитают. В этом отношении европейская культура до Винкельмана и Гете, и после этих корифеев, сумевших найти возможности для создания собственной подлинно классической образности в творчестве, уже с романтической восторженностью или, позднее, с позитивистской сдержанностью и высокомерностью, была единодушна. «Классика», как бы она иногда ни представляла в иных блеклых очах иссушенным, мертвенным и навсегда отошедшим в мир теней прошлым или некоей «нейтральной действительностью» в сопоставлении с современным миром и его художественной традицией, всегда есть нечто живое. И опыт показывает, что она вечно востребованное и созидающее начало². «Классика» — тот общий фундамент, который есть всегда у нашей цивилизации. О нем можно постоянно думать и помнить, можно не обращать на него внимания в самонадеянной убежденности собственной революционности, но от этого все сущее не перестает опираться на него. И Александр Бенуа с его художественным вкусом, тактом и чуткостью был удивительно прав, когда писал: «Классика — не Древняя Греция... а художественный язык, имеющий неотъемлемое свойство быть понимаемым всеми, быть уместным всюду, вдобавок настолько гибкий и мудрый, что он допускает самые решительные изменения в зависимости от самых разнообразных условий времени, места и даже расовых особенностей»³.

Это столь же истинно даже тогда, когда для существования классической темы уже нет, казалось бы, никаких оснований, когда она предстает прошлым и прошлым отжившим⁴. Или с ней последовательно борются, пытаясь «сбросить с парохода современности». Специально не обращаясь к неоклассическим поискам, продиктованным политическими мотивами прошлого века, можно вспомнить отдельные частности из примет античного мира в мире со-

² *Бахтин М.* Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 46.

³ Александр Бенуа размышляет... М., 1968. С. 130.

⁴ *Аверинцев С.С.* Образ античности в западноевропейской культуре XX века // Новое в современной классической филологии. М., 1979. С. 5–40.

временном, от государственных институтов до большинства форм жизни общества, его культуры и искусства. Наследие античности — первое, что окружает человека, его среду обитания, — гипподамовы формы генерального плана Васильевского острова и Манхэттена или продолжающие свою естественную жизнь с римскими *cardo* и *decumanus* городские структуры старых европейских и прочих городов *Rex Romana* (Павия, Бейрут). И далее, оно никогда не расстается с нами даже в современных реалиях: архитектурные принципы новаторов XX столетия (Ле Корбюзье, Роберт Вентури, Рикардо Бофилл), литературная ткань произведений традиционалистов и многих «ниспровергателей основ» в истории словесности (Томас Манн или «Улисс» Джеймса Джойса), творческое наследие скульпторов (Генри Мур) или живописцев (Пикассо, Дали) и многое, многое другое, перечень нескончаем. И, конечно, нельзя обойти стороной такую основу человеческого общения, как европейские языки, со всей очевидностью демонстрирующие жизненность и актуальность классического наследия в современном мире.

Классическая традиция присутствует в европейском сознании, но необходим диалог с ней, общение, то есть беседа, разговор, эпистола, с чего мы и начали. И это общение может облекаться в разные формы и «одежды», что иногда приводит к парадоксальным, а зачастую и курьезным решениям и поступкам. Хотя они и могут проистекать из «справедливого и доблестного рвения». Экстравагантность ситуации должна не заслонять, а наоборот — наглядно высветить подлинность и живую страсть в увлечении древностью для европейских культурных и даже бытовых реалий. Как это случилось, к примеру, с флорентинцем Коппо ди Боргезе Доменики, который, читая о римских матронах, выступавших за отмену закона против роскоши, у Тита Ливия, настолько впал в агитацию, что перепутал древность и современность. О чем с иронией и повествует Франко Саккетти в LXVI новелле своего сборника⁵. Столь же поучительна история с известным флорентийским гуманистом Никколо Никколи, автором небольшого трактата о латинской орфографии, чем и исчерпывается его вклад в гуманистическую образованность. Но его известность и авторитет заключались совсем в другом. В быту он одевался в тогу, говорил на латыни, подражая Цицерону, собирал классические памятники искусства и рукописи, что у современного биографа вызывало восторженную оценку, настолько он был «античный» и это доставляло

⁵ *Франко Саккетти. Новеллы* / Перевод с итальянского В.Ф. Шишмарева. М.: Л., 1962. С. 104–105.

всем, имевшим возможность лицезреть его в обыденной обстановке, «благородное удовольствие». Поэтому к древним обращаются и напрямую, преодолевая вековые разрывы и неумолимость законов Природы. Высокая эпистолярная культура европейского прошлого, как и собственно классическая традиция, делает такое обращение возможным. Петрарка будет писать письма Цицерону и Вергилию, другим известным римлянам. Поэтому «Письмо Горацию» Бродского — устоявшийся жанр, позволяющий продемонстрировать наибольшую близость автора к классической традиции, показать всю степень творческой заинтересованности и искренней авторской привязанности к ней. К древним можно не только писать, можно с полным правом ожидать и их ответа, соответствующей реакции на собственное обращение. Никколо Макиавелли после сельской таверны, с низменностью ее быта и человеческого окружения, специально переодевается в античные одежды, вступая в свой дом, и беседует с античными мудрецами, а они, в свою очередь, его слушают, отвечают, дают советы. В письме о своих деревенских досугах к Франческо Веттори от 10 декабря 1513 г., написанном в имении под Флоренцией, где Макиавелли несколько лет пребывал в ссылке, скрашивая тяготы изгнания работой над своими основными сочинениями («Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и «Государь»), он писал: «С наступлением вечера я возвращаюсь домой и вхожу в свой кабинет, у дверей я сбрасываю будничную одежду, запыленную и грязную, и облачаюсь в платье, достойное царей и вельмож; так должным образом подготовившись, я вступаю в старинный круг мужей древности и, дружелюбно ими встреченный, вкушаю ту пищу, для которой единственно я рожден; здесь я без стеснения беседую с ними и расспрашиваю о причинах их поступков, они же с присущим им человеколюбием отвечают. На четыре часа я забываю о скуке, не думаю о своих горестях, меня не удручает бедность и не страшит смерть: я целиком переношусь к ним... я записал все, что вынес поучительного из их бесед...»⁶.

Наиболее показательным примером наследия Древнего мира, всегда востребованным, вошедшим в плоть и кровь современной цивилизации, остаются древние языки. Именно они и дают возможность для упомянутых выше «общений», «бесед», «посланий», помогая сохранить живую трепетность и непосредственность связи с классическим миром. «Благородная простота и спокойное величие» отличает не только памятники греческой пластики, но и словес-

⁶ Сочинения великих итальянцев XVI в. / Составление, вступительная статья, комментарии доктора исторических наук, профессора Л.М. Брагиной. СПб., 2002. С. 48-49.

ность древних⁷. И знаменитая формула Винкельмана, отточенная им в очерке «Мысли о подражании произведениям греческой живописи и скульптуры», по-прежнему сохраняет свое значение. Ведь латинский язык, к примеру, в том числе и благодаря этому своему качеству, если следовать одному старому учебному пособию, «победил мир»: «Важно и чинно, сильно и мощно, как римский легионер, следуют периоды один за другим; весь их колорит напоминает загорелое лицо римского воина, их величественное речение — его гордую и властную осанку. Оба они — язык и воин — победоносно выступили из своего отечества и победили мир»⁸.

Но победив мир, классическая образованность в современном мире нуждается в защите, в осознании обществом ее непререкаемой важности и необходимости. И ее необходимость, и в первую очередь преподавание и знание древних языков — не только важнейшая составляющая классического образования в высшей школе там, где ее обязательность функциональна (юриспруденция, медицина, филология или история и т. д.). Но и вспомним эпитафия к настоящим заметкам — его значение гораздо более универсально, ведь «метрический стих славен» и он «велит думать». И именно знание языков древних помогает сохранить классическую традицию, эту важнейшую основу европейской цивилизации, не опустившись до нового «варварства».

Здесь уместно вспомнить слова Фаддея Францевича Зелинского, много сделавшего в свое время для пропаганды и сохранения преподавания древних языков в системе отечественного образования и метафорически определившего эту классическую традицию как «гольфстрём античности»: «Есть два течения в реках океана. Одно легко бросается в глаза: это то, которое производят дующие над поверхностью вод ветры; его направление меняется с каждым днем, рассчитывать на него невозможно, но считается с ним тому, кто в него попал, необходимо... А между тем, незаметно для глаза под ним проходит другое, мерное и надежное течение; таково то, которое, начинаясь у раскаленных берегов Мексиканского залива, вместе с его голубыми волнами уносит на север и благодатную теплоту юга. И вот в то время, как от бурных вод того первого течения не останется и следа и на заре завтрашнего дня, — благодаря этому второму побережья Шотландии и Норвегии покрываются

⁷ *Винкельман И.И.* Мысли о подражании произведениям греческой живописи и скульптуры // И.И. Винкельман. История искусства древности. Малые сочинения. СПб., 2000. С. 317.

⁸ *Вейзе О.* Опыт характеристики латинского языка / Пер. А. Кедринского. М., 1901. С. 17.

несвойственную их широтам зеленью, в домах их жителей ютятся поразительная для столь дальнего севера культура.

[...] Есть два течения и в той величавой реке, которую мы называем всемирной историей. Одно — верхнее; это то, о котором говорят и пишут все, в котором желали бы участвовать все; это оно, обуреваемое ветрами общественного мнения, вздымает партийные страсти, заливая ими и порой топя министерства и престолы — зрелище грозное и внушительное, не спорю... хотя бы даже в заре следующего дня от него ничего не осталось, кроме ила и тины, выкинутых на берег из глубины народной души. Второе течение шума не производит и поэтому мало обращает на себя внимание людей; заметное лишь исследователям, а не деятелям, оно тихо и надежно исполняет свою великую, мировую задачу, перенося живительную теплоту античного мира дальним широтам современного северного человечества. И вот, благодаря ему, и наши края покрываются роскошной зеленью — не южною, разумеется, а тою, которая способна вынести производимое нашим северным небом охлаждение. Это последнее обстоятельство окончательно смущает людей, заставляя их сомневаться в существовании и действительности нашего второго течения; в самом деле, там пинии и кипарисы, а у нас ели да дубы — где же тут сходство, где воздействие? Они не понимают того, что не будь постоянного воздействия этого гольфстрёма античности — то не дубы и ели, а мхи и лишай были бы показателями современной культуры.

Но оно живет и действует, это могучее подводное течение, согревая против их воли и тех, кто по незнанию его отрицает, и тех, кто по недомыслию желал бы его остановить»⁹.

Классическая традиция в современном культурном пространстве, преподавание и знание древних языков, помогают избавиться ото «мхов» и «лишаев», делают возможным «материализацию» Горация или, по крайней мере, предоставляют право на послание к нему, как и на использование Вергилия в качестве проводника в своем прохождении через Ад и Чистилище¹⁰.

⁹ *Зелинский Ф.Ф.* Античный мир в поэзии А.Н. Майкова [1899] // Ф.Ф. Зелинский. Из жизни идей. СПб., 1905. Т. I. С. 206–207.

¹⁰ *Иосиф Бродский.* Вергилий // Иосиф Бродский. Сочинения Иосифа Бродского. СПб., 2001. Т. VII. С. 86.

С.П. Карпов

ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ В ПОЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Среди инструментария историка языки всегда занимали важное место. Недаром долгие годы сам наш факультет был историко-филологическим. Современная коммуникативная среда со всей настоятельностью предполагает владение иностранными языками и потому, что без них нельзя понять «образ другого», и хотя бы потому, что английский язык уже давно занял место эсперанто, став, по сути, языком международного общения. Впрочем, это не британский или американский, а некий унифицированный, стерилизованный язык, вобравший в себя немало слов и выражений из других языков.

Нечто подобное было и со средневековой латынью, языком международного научного, университетского, политического, да и в целом межкультурного общения на огромном хронологическом отрезке, по меньшей мере с IV до XVII века, и на пространствах от Атлантики до Балтики. Изучение этого времени историками невозможно без знания латыни, латыни особой, и похожей, и непохожей на классические образцы своего золотого века. Не буду повторять банальности о роли латыни как истока современных романских языков (на которых говорит сейчас добрая треть человечества), подчеркну ее общекультурное значение как некоего драгоценного ларца достижений человеческой цивилизации. И не случайно профессор и преподаватели латыни и в императорской России, и в России советской, и ныне являются культуртрегерами (простите за заимствованную лексику, но не подберу более точного определения).

Всегда с благодарностью вспоминаю своих учителей древних языков — Андрея Чеславовича Козаржевского, Сергея Сергеевича Аверинцева и его супругу Наталью Петровну. Все, кто знали Андрея Чеславовича, помнят его изумительные лекции о культуре речи, его экскурсии по Москве и иным городам и весям. Это не только прививало любовь к истории, но и заставляло слушателей припадать устами к чистым родникам подлинной культуры. А ком-

ментарии греческих и византийских классиков, написанные Сергеем Сергеевичем, — разве они сами не явление мировой культуры? Кстати о греческом. Хотя византийцы были большими пуристами и блюли аттическую красоту литературного языка, они, признавая духовное превосходство эллинской речи над всякой другой, не стремились в своей духовной миссии утвердить свой монолог на христианизированных территориях, где и литургия, и вообще словесность развивались на собственных, славянском и других языках. Но переводы греческих текстов стали первым краеугольным камнем православной цивилизации Восточной Европы, как и все кирилло-мефодиевское наследие. Это я пишу не для того, чтобы еще — в который раз — составить энкомий красоте и совершенству древних языков. В этом из-за самоочевидности нет нужды. Равно как и нет нужды говорить о необходимости древних языков для античников и медиевистов.

Я отвечаю на простой вопрос: почему в стенах исторического факультета многие годы на первом курсе изучение латыни является обязательным и почему столь важное место во всей системе преподавания имеет кафедра древних языков? Заметьте, это происходит при неуклонном разветвлении самой исторической науки, при появлении все новых обязательных или предписываемых для изучения дисциплин. Ответ прост: это не только знание, но и живая, непосредственная связь с мировой культурой, ее истоками, сейчас нередко бездумно замутненными процессами глобализации. И пусть не стесняются наши первокурсники, заучивая латинские глаголы или речения древних авторов, думая, что это обременительная самоцель их академической аттестации. Нет, прежде всего — это путеводная ниточка к познанию культуры, новый опыт иного подхода, иного метода познания. Это прикосновение к неким основам лингвистики, к тем возможностям источниковедения, о которых они ранее не ведали.

И еще об одном. Мы утверждаем, что готовим аналитиков. Без логики нет аналитики. Но нет ничего лучше вырабатывающего логическое мышление, чем математика и древние языки. Они организуют мысль, заставляют решать уравнения, доказывать теоремы, потому что расшифровка древнего текста кардинально отличается от подхода к современным языкам. Она подобна решению математической задачи. А все это развивает ум. Потому и надо историкам учить древние языки.

А.В. Подосинов

КАФЕДРА ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ — ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Восемьдесят лет — почтенный возраст для любого учреждения. Что касается кафедры древних языков, то ее историю творили многие люди — основатели кафедры, ее руководители, многочисленные сотрудники, сменявшие друг друга на кафедре и жившие в совершенно разные периоды жизни факультета, университета, страны. 1937 год — год основания кафедры — это не только год страшного политического террора, это еще и, как ни странно, год новых инициатив в антиковедении. Я имею в виду, что, наряду с основанием нашей кафедры, в том же году началось издание академического журнала «Вестник древней истории», который до сих пор является ведущим антиковедческим журналом страны, известным также и во всем мире.

Исторический факультет был образован в составе МГУ в 1934 г., а тремя годами позже существовавшая на кафедре истории древнего мира комиссия по древним языкам, которую возглавлял известный грецист, историк философии и переводчик Александр Владиславович Кубицкий (в нее входили также Н.И. Новосадский и С.И. Соболевский), была преобразована в отдельную кафедру древних языков; ее возглавил замечательный антиковед, чл.-корр. АН СССР, проф. Николай Иванович Новосадский.

В 1942 г. в связи с организационными сложностями военного времени кафедра опять вошла в состав кафедры истории древнего мира, и только в 1949 г. была восстановлена как самостоятельная структурная единица истфака МГУ; в таком качестве она существует и по сей день.

В 1949–1967 гг. кафедру возглавлял проф. Виктор Сергеевич Соколов, затем, в 1967–1995 гг., — проф. Андрей Чеславич Козаржевский, в 1996–2008 гг. — проф. Игорь Сергеевич Чичуров. Руководители кафедры, по воспоминаниям их коллег и учеников (см. ниже архивные и мемуарные материалы), были блестящими преподавателями, выдающимися учеными и замечательными людьми. За 80 прошедших лет кафедра стала неотъемлемой частью факультета — зна-

ние древних языков необходимо всем историкам, а также юристам и историкам религии, которым сотрудники кафедры также преподают латинский язык. За это время было подготовлено к печати и издано несколько учебников греческого и латинского языков, большое количество учебных пособий и методических разработок по древним (в том числе по древнееврейскому и древнеирландскому) языкам, много переводов античных, средневековых и возрожденческих текстов и комментариев к ним, написано множество научных трудов, защищено несколько диссертаций (избранную библиографию трудов сотрудников кафедры за все годы ее существования см. в третьем разделе книги).

* * *

Итак, основателем кафедры в 1937 г. выступил **Николай Иванович Новосадский** (1859–1941) — выдающийся филолог-классик, палеограф и эпиграфист-эллинист. Вот перечень его официальных званий: доктор греческой словесности (1901), доктор литературоведения (1935), профессор Варшавского (1888–1906) и Московского университетов, заслуженный профессор Московского университета (с 1916), член-корреспондент Российской академии наук (1917; с 1925 г. АН СССР), Германского археологического института (1886), Академии художественных наук, заслуженный деятель науки РСФСР (1939). Подробнее о жизни и деятельности Н.И. Новосадского, сыгравшего ключевую роль в создании кафедры, можно узнать из публикации архивных материалов о нем, которые помещены ниже.

Как было отмечено, во время войны кафедра древних языков на историческом факультете прекратила на несколько лет свое существование. Это было связано с восстановлением в МГУ филологического факультета и слиянием его с ИФЛИ (Институтом Философии, Литературы и Искусства).

Новый период истории кафедры наступил в 1949 г. С этого года по 1967 г. ею заведовал **Виктор Сергеевич Соколов**, уже работавший на кафедре в первые годы ее существования и практически возродивший ее после нескольких лет перерыва. Замечу, что В.С. Соколов в 1913 г. закончил историко-филологический факультет Московского Императорского Университета (ниже публикуется его Диплом), так что преподавание древних языков (филология) для историков как нельзя лучше подходило его квалификации. Насколько явствует из архивных данных, опубликованных ниже, при В.С. Соколове кафедра процветала. Уже в то время для студентов-историков были отработаны основные программы по латинскому и древнегрече-

скому языкам, античной и средневековой, в том числе византийской литературе, античной историографии, велась научно-методическая работа по преподаванию древних языков, публиковались учебники, хрестоматии: большая работа велась по переводу античных и средневековых авторов. Сотрудниками кафедры в это время были опытные преподаватели, среди которых следует упомянуть А. Ч. Козаржевского, Е. В. Федорову, Д. А. Дрбоглава, Л. М. Попову, И. А. Миرونю, Л. П. Богоявленского, Г. М. Кесаева, Ф. К. Арнольда, Е. Б. Веселаго, М. Н. Петлина, А. Л. Саккетти, Л. А. Годовикову, К. А. Морозову, Г. Г. Козлову, Н. Г. Ткаченко (о многих из этих преподавателей ниже публикуются мемуарные заметки).

В 1967 г. кафедру возглавил **Андрей Чеславич Козаржевский**, который начал работать на ней еще в 1953 г. и руководил ею до своей смерти в 1995 г. О нем как о прекрасном специалисте и преподавателе красноречиво свидетельствует тот факт, что учебники латинского и древнегреческого языков, написанные им специально для студентов-историков, выдержали несколько переизданий и до сих пор успешно используются в обучении студентов. Помимо преподавания древних языков, Андрей Чеславич читал открытые лекции по истории Москвы, по памятникам мировой истории и культуры, по мастерству устной речи; на эти лекции стекалось много слушателей, которые потом многие годы вспоминали о них с благодарностью и восхищением.

Игорь Сергеевич Чичуров руководил кафедрой с 1996 по 2008 г. Закончив кафедру классической филологии МГУ, Игорь Сергеевич много лет работал в Институте российской истории и затем в Институте всеобщей истории РАН, став выдающимся византинистом. На кафедре доктор исторических наук, профессор И. С. Чичуров вел занятия по средневековому греческому (византийскому) языку и по греческой эпиграфике, воспитав целую школу византинистов, среди которых много кандидатов и докторов наук.

С 2008 г. руководить кафедрой было поручено мне.

В разное время на кафедре работали, помимо упомянутых выше преподавателей, Н. П. Зембатова (Аверинцева), М. А. Кондратьюк, Е. И. Светилова, Т. С. Нагайцева, Б. А. Макеев, Е. Ф. Шичалина, Н. Г. Майорова, А. С. Балахванцев, Г. В. Лим, Е. В. Финогентова, Е. В. Антонец, А. С. Егоров, М. И. Касьянова.

* * *

В настоящее время на кафедре трудится коллектив весьма одаренных и преданных своему делу преподавателей, часть кото-

рых — филологи-классики по базовому образованию, часть — выпускники исторического факультета.

Это к. и. н., доцент Ирина Юрьевна Шабага, многие годы выполняющая функции заместителя заведующего кафедрой, выпускница исторического факультета МГУ; в 1974 г. она поступила на кафедру, где преподает древнегреческий и латинский языки, она — автор многих учебно-методических материалов, переводчик с латинского и древнегреческого языков, автор нескольких книг и многих статей по позднееримской истории.

Ольга Викторовна Смыка — старший преподаватель, филолог-классик, работает на кафедре с 1972 г., преподает латынь и древнегреческий языки в магистратуре и аспирантуре истфака, специалист по византийской литературе, переводчик древнегреческой и византийской поэзии.

Ирина Владимировна Кувшинская — старший преподаватель, выпускница исторического факультета, работает на кафедре с 1981 г., преподает латинский язык, переводит латинские сочинения средних веков, Возрождения и Нового времени.

Елена Владимировна Приходько — к. филол. н., доцент, по образованию — филолог-классик, работает на кафедре с 1991 г., преподает оба древних языка, специализируется на изучении древнегреческого искусства прорицания как в материковой Греции, так и в Малой Азии, публикует эпиграфические памятники с текстами оракулов по жребиям.

Нина Юрьевна Живлова (до замужества — Чехонадская) — к. и. н., старший преподаватель, закончила кафедру германского языкознания филологического факультета МГУ, на кафедре с 1996 г., преподаватель латинского и древнеирландского языков, автор множества работ по древнеирландской филологии и истории, а также сравнительному языкознанию.

Алексей Михайлович Крюков — к. и. н., старший преподаватель, закончил исторический факультет МГУ, на кафедре с 1998 г., преподает латынь, древнегреческий и среднегреческий, византийскую палеографию, автор работ по византийской литературе и культуре, истории Греции в средние века.

Александр Васильевич Подосинов — д. и. н., профессор, заведующий кафедрой с 2008 г., по образованию — филолог-классик, преподает латинский язык, автор комплекта учебных пособий по латинскому языку и античной культуре, область интересов — история Северного Причерноморья, античная литературная традиция о Восточной Европе, античная география и картография.

Кафедра древних языков исторического факультета МГУ. 9 марта 2016 г.

Сидят, слева направо: И.В. Кувшинская, Н.Ю. Живлова, О.В. Смыка, И.Ю. Шабага, Е.Г. Парфёнова, Р.Р. Бабужина, С.А. Хандажинская.

Стоят, слева направо: А.В. Мосолкин, Г.С. Великов, А.О. Корчагин, А.М. Крюков, А.В. Подосинов, Е.В. Приходько, И.И. Аникьев, А.В. Белоусов

Алексей Владиславович Белоусов — к. филол. н., доцент, по образованию — филолог-классик, на кафедре с 2009 г., преподаёт латинский и древнегреческий языки, греческую эпиграфику и папирологию, автор многих работ по истории греческой и римской религий, эпиграфике и археологии Северного Причерноморья.

Алексей Владиславович Мосолкин — к. и. н., доцент, по образованию — историк античного мира, на кафедре с 2009 г., преподаёт латинский язык, область интересов — ранняя история Рима, античная мифология.

Елизавета Глебовна Парфёнова — старший преподаватель, по образованию — филолог-классик, работает на факультете с 2012 г., область научных интересов — Аристотель, древнегреческая философия и литература.

Илья Игоревич Аникьев — ассистент кафедры, выпускник исторического факультета МГУ, на кафедре с 2013 г., преподаёт античную и средневековую латынь, занимается средневековой историей и филологией.

Григорий Сергеевич Великов — ассистент кафедры, по образованию — филолог-классик, поступил на кафедру в 2013 г., преподаёт латинский и древнегреческий языки, специализируется в области античной философии и филологии.

Алексей Олегович Корчагин — к. филол. н., закончил кафедру классической филологии МГУ, на кафедре древних языков с 2014 г., преподаёт латинский, древнегреческий и древнееврейский языки,

область интересов — библеистика, древнегреческая и древнееврейская филология.

Софья Анатольевна Хандажинская — с 2012 г. специалист по учебно-методической работе, с 2015 — ассистент кафедры, закончила исторический факультет МГУ, преподает латинский язык, область научных интересов — история религиозных течений.

Стаж работы на кафедре некоторых сотрудников старшего поколения, до сих пор активно трудящихся на кафедре, чрезвычайно велик (О.В. Смыка работает на кафедре 45 лет, И.Ю. Шабага — 43 года). Напомню, что Д.А. Дрбоглав проработал на кафедре 52 года, Н.Г. Ткаченко — 50 лет, Е.В. Федорова — 48 лет, А.Ч. Козаржевский отдал кафедре 42 года жизни, около 40 лет здесь работала Г.Г. Козлова.

* * *

Помимо преподавания и работы над учебно-методическими материалами, все сотрудники кафедры, несмотря на огромную занятость в преподавании, активно занимаются наукой, публикуют множество монографий, статей, участвуют в научных конференциях (см. ниже в Библиографии сотрудников кафедры). Каждый месяц проводится заседание кафедры, на котором обсуждению разных производственных вопросов предшествует научный доклад одного из членов кафедры, а иногда приглашаемого со стороны ученого. На кафедре стало традицией издавать сборник «Труды кафедры древних языков», в котором сотрудники публикуют свои научные работы, переводы, учебно-методические материалы, мемуарные статьи. Четвертый выпуск «Трудов» был приурочен как раз к 80-летию кафедры.

На кафедре сложилась практика, используя различные отечественные и зарубежные фонды, посылать молодых специалистов на стажировки в университеты Европы. Париж и Берлин, Эрфурт и Рим, Мюнхен и Салоники, Мюнстер и Женева — таковы адреса недавних поездок наших сотрудников для научной работы в библиотеках и архивах, знакомства с местными коллегами, участия в конференциях. Эти поездки позволяют молодым исследователям приобщиться к мировой научной элите, достичь высокого уровня научных исследований.

Показателем научной плодотворности сотрудников кафедры является тот факт, что большинство преподавателей — кандидаты наук, только в последнее время было защищено 4 диссертации, одна из них докторская. Еще трое молодых коллег в настоящее время трудятся над своими диссертациями и скоро выйдут на защиту.

В планах кафедры, ее, так сказать, *desiderata* — составление нового поколения учебников древнегреческого и латинского языков, Хрестоматии латинских и греческих текстов, перевод и комментирование всего текста «Естественной истории» Плиния Старшего, отсутствующего в отечественной науке, подготовка двуязычных изданий для школьников и студентов.

Задача кафедры — поднять на новый уровень преподавание древних языков для студентов-историков. В наше время отличное владение этими языками для изучения античной и средневековой истории является обязательным условием, воплощая в жизнь старую и вечно актуальную идею комплексного историко-филологического образования. Поэтому в условиях дефицита программного времени, отведенного древним языкам, на кафедре организуются специальные курсы и факультативы по таким темам, как медленное чтение античных и средневековых авторов, античная палеография и палеолингвистика, история античной литературы, история классической филологии и др. Эти занятия собирают много заинтересованных студентов.

Той же цели служат заседания недавно созданного на факультете нашей кафедрой и кафедрой истории древнего мира «Общества любителей древности „Улисс“». Приглашаемые на его заседания видные отечественные и зарубежные антиковеды раз в месяц читают здесь лекции, на которые приходит много студентов, аспирантов, преподавателей и «людей с улицы». Эти лекции дают студентам возможность из первых уст узнать о новейших разработках в историко-филологической науке о древности.

Важной работой сотрудников нашей кафедры является организация и проведение так называемых «Рождественских агонов», проходящих каждый год в селе Рождество Тверской области, на которые съезжаются молодые историки античного мира из многих регионов России. Историко-филологическая направленность этой школы, где мэтры дают мастер-классы начинающим историкам (которые также делают доклады), очевидна и плодотворна.

Одной из сфер деятельности кафедры является установление прочных связей со средней школой. В последние двадцать лет в некоторых школах изучается латинский, реже и греческий язык. Несколько наших преподавателей по совместительству преподают эти языки в гимназиях и школах Москвы. Кафедра активно участвует в проведении ежегодных Московских олимпиад по латинскому языку и античной культуре, организуемых Московским институтом открытого образования. Эта работа в школе призвана

воспитывать новые поколения будущих гуманитариев с хорошей языковой подготовкой.

Каждое лето сотрудники кафедры совместно с другими учреждениями организуют и проводят Летние школы по изучению древних языков и античной культуры, предназначенные для школьников. Многие наши коллеги читают там лекции, проводят различные языковые занятия со школьниками из Москвы, Санкт-Петербурга, Калуги, Нижнего Новгорода, Саратова, Петрозаводска и других российских городов, где есть школьная латынь.

В последние года широко развивается движение «живой латыни». Оно заключается в том, что латинский язык преподается так же, как и современные, а это предполагает развитие устной, живой латинской речи. Многие сотрудники кафедры прекрасно владеют разговорной латынью, практикуют занятия ею в некоторых школах и у нас на факультете.

В связи с этим движением ярким событием явился приезд в Москву в 2013 г. по приглашению кафедры выдающегося латиниста, профессора Мюнхенского университета Вильфрида Штро, который за неделю прочитал 12 докладов на латинском (!) языке на историческом факультете и в некоторых других вузах Москвы, а также в одной из школ, где наши сотрудники ведут занятия по латинскому языку. Приезд Штро вызвал большое внимание студентов и преподавателей (только на истфаке на его лекции собиралось по 100 и более слушателей) и новую волну интереса к латыни вообще и «живой латыни» в частности.

В условиях наступления на древние языки, которое мы наблюдаем в последнее время, когда во многих вузах страны вследствие перехода на бакалавриат резко сокращают часы на изучение латыни и древнегреческого, закрывают кафедры, увольняют преподавателей древних языков, не следует расслабляться, надо, наоборот, вести активную борьбу за сохранение основ профессионального гуманитарного образования, в котором знание древних языков является одним из важнейших элементов. Исторический факультет с разработанными нами образовательными стандартами находится в этой борьбе на передовых позициях, показывая всей стране, какую роль должно играть изучение древних языков в современном историческом образовании.

Кафедра древних языков исторического факультета МГУ уникальна, таких больше нет нигде в России, поэтому мы понимаем ту ответственность, которую она несет перед историческим образованием страны, и будем стараться в полной мере выполнять стоящие перед нами задачи.

Г.Г. Козлова

**СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
КАФЕДРЫ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА ***

Кафедра древних языков как самостоятельная единица на историческом факультете Московского государственного университета возникла в 1949 г. До этого все преподаватели латинского и древнегреческого языков, обучавшие студентов всех гуманитарных факультетов университета, входили в состав кафедры классической филологии на филологическом факультете МГУ. Заведовал кафедрой в те годы профессор Сергей Иванович Радциг, а преподавание на других гуманитарных факультетах организовал и возглавил Виктор Сергеевич Соколов, опытный заслуженный педагог, составлявший учебные пособия еще для гимназии дореволюционной России, необыкновенно доброжелательный и тактичный человек. Под его руководством находились старые специалисты также с дореволюционным стажем, такие, например, как знатоки римского права Александр Ливерьевич Саккетти, Федор Карлович Арнольд, Александр Иустинович Громов, как давние гимназические учителя — Леонид Петрович Богоявленский, Константин Рудольфович Мейер, Георгий Михайлович Кесаев, Николай Матвеевич Шеллер, Михаил Осипович Адамчук, Николай Иванович Скаткин, Владимир Антонович Домбровский; вернуться после вынужденного перерыва, вызванного отменой преподавания древних языков, к работе по избранной профессии на новом, высшем уровне было для них, разумеется, большим счастьем.

Преподавание древних языков, помимо филологического факультета, велось, и весьма серьезно, на историческом, юридическом и философском факультетах. На каждом из них латынь изучалась

* Впервые опубликовано: Труды кафедры древних языков (к 50-летию кафедры). СПб., 2000 (Труды исторического ф-та МГУ: вып. 15; серия III. Instrumenta studiorum: 6). С. 5-9.

по два года; студенты-историки, избравшие специализацию по кафедрам древнего мира и средних веков, не оставляли ее изучение до самого конца, а те из них, кто предпочел историю Древней Греции и Византии, занимались также древнегреческим языком; этот язык изучали и студенты-философы, занимающиеся античной философией; древние языки были необходимым предметом в учебных программах кафедры истории России эпохи феодализма и, позже, источниковедения.

В 1949 г. преподаватели нефилологических факультетов образовали отдельную кафедру, она была названа кафедрой древних языков и вошла в состав исторического факультета. Заведовать кафедрой стал Виктор Сергеевич Соколов. В связи с увеличением учебной нагрузки кафедра была расширена за счет молодых преподавателей. Так, заведующий пригласил Людмилу Михайловну Попову, угадав в ней талантливую преподавательницу и способного филолога, которой будет под силу овладение сложным материалом латинского средневековья. Людмила Михайловна стала прекрасным специалистом и опубликовала переводы средневековых латинских текстов по истории славянских стран; это был результат огромного труда; она сама много лет спустя с улыбкой вспоминала, как одолевала эту латинскую «целину», обливаясь слезами в прямом смысле слова.

Необходимо отметить, что Виктор Сергеевич целеустремленно начал придавать кафедре источниковедческое направление, делая ее не подсобной, а серьезной научной единицей, необходимой для исторического факультета. В поле зрения кафедры, естественно, попали средневековые греческие источники. Для работы с ними В.С. Соколов пригласил на кафедру опытного византиниста Елену Борисовну Веселаго, позднее к этому подключилась Наталья Петровна Зембатова (Аверинцева); обе они внесли большой вклад в освоение этих источников и были прекрасными преподавателями обоих языков, но главным образом работали с греческим языком.

Первой лаборанткой стала выпускница кафедры классической филологии милейшая, тактичная и аккуратная Клавдия Андреевна Морозова, выросшая постепенно в превосходного педагога.

Я, автор этих строк, Козлова Галина Глебовна, была зачислена в штат кафедры в 1949 г., и этому предшествовал забавный диалог между мною и заведующим кафедрой классической филологии Сергеем Ивановичем Радцигом: «Галина Глебовна, кажется, ваш отец окончил юридический факультет Петербургского университета?» — «Да, Сергей Иванович», — «Так не согласитесь ли вы взяться за преподавание латыни на юридическом факультете?» Причин

Кафедра древних языков исторического факультета МГУ.

Фотография сделана в мае 1955 г. на ул. Герцена, 5.

Сидят, слева направо: Александр Ливерьевич Саккетти, Георгий Михайлович Кесев, Леонид Петрович Боговлянский, Виктор Сергеевич Соколов, Елена Борисовна Веселаго, Людмила Михайловна Попова.

Стоят, слева направо: Михаил Осипович Адамчук, Андрей Чеславович Козаржевский, Донат Александрович Дрбоглав, Геннадий Григорьевич Литаврин, Ирина Алексеевна Миронова, Клавдия Андреевна Морозова, Лидия Николаевна Годовикова, Галина Глебовна Козлова, Моисей Наумович Цетлин

для возражения против такой непрекращаемой логики не было, и я согласилась.

Преподавала я, как и мои коллеги, и юристам (в числе которых было немало известных впоследствии государственных и общественных деятелей), и историкам и философам (здесь некоторое время вела занятия и по древнегреческому языку), а несколько позднее взяла заочное отделение исторического факультета (чем погасила назревавший конфликт: Виктор Сергеевич хотел поручить это отделение двум старым преподавателям, но они сочли это как бы «ссылкой» и воспротивились, так что мое добровольное принятие заочников сильно выручило Виктора Сергеевича). Сначала преподавание заочникам делили мы с Лидией Николаевной Годовиковой, но позднее оно осталось целиком в моей педагогической нагрузке. Опыт заочного преподавания пригодился и при составлении мною учебника по латинскому языку специально для заочников исторических факультетов.

В 1950-х годах выпускницы кафедры классической филологии МГУ Лидия Николаевна Годовикова, Елена Васильевна Федорова и Наталия Георгиевна Ткаченко пополнили контингент молодых преподавателей кафедры, впоследствии удачно сочетая преподавание с серьезной научной работой: Лидия Николаевна осуществила перевод и фундаментальное исследование латинского источника по истории России XVI века — труды Антонио Поссевино, Наталия Георгиевна опубликовала переводы средневековых папских булл, а Елена Васильевна провела серьезную научную разработку латинской эпитафики, ставшую темой ее докторской диссертации. Несколькими годами ранее Виктор Сергеевич пригласил также в качестве преподавателей медиевистку Ирину Алексеевну Миронову и выпускника кафедры классической филологии ИФЛИ (которую окончили до этого и Людмила Михайловна, и Галина Глебовна) Андрея Чеславовича Козаржевского. Наряду с умелым преподаванием, он составил учебники латинского и греческого (первое издание его в соавторстве с Виктором Сергеевичем Соколовым) языков, а главный научный интерес его лежал в сфере средневекового греческого языка в связи с исследованием греческого текста Нового Завета. После кончины Виктора Сергеевича он возглавил кафедру.

Андрей Чеславович был широко известен не только в университетских кругах как блистательный лектор и знаток истории и культуры Москвы. Он любил водить по историческому центру столицы группы студентов, к которым охотно присоединялись и люди старшего поколения, на его лекции стекалась «вся Москва»; курс «Памятники мировой истории и культуры» А.Ч. Козаржевского и Е.В. Федоровой пользовался необычайной популярностью.

Ведущим специалистом по средневековой латыни и латинской палеографии стал доцент Донат Александрович Дрбоглав, окончивший исторический факультет МГУ в 1949 году; он опубликовал труды по расшифровке средневековых латинских надписей, в том числе — на берестяной грамоте из Новгорода.

В 1954 г. на кафедру пришел один из первых выпускников исторического факультета МГУ Моисей Наумович Цетлин. Необыкновенно мягкий и доброжелательный человек, умный преподаватель, он не только занимался плодотворными научными исследованиями в области медиевистики, но и был хорошим поэтом, имевшим широкий круг собственных почитателей.

Кафедра постоянно пополнялась молодыми преподавателями из числа выпускников кафедр древнего мира и средних веков, а также классической филологии, причем некоторые вырастали в

преподаватели с должности лаборанта. Хорошими специалистами стали Маргарита Александровна Кондратюк и Ирина Юрьевна Шабага, достигшие должности и ученого звания доцента, Татьяна Сергеевна Нагайцева, ставшая старшим преподавателем, и успешно работающие Ирина Владимировна Кувшинская и Борис Александрович Макеев.

Члены кафедры наряду с преподаванием обоих древних языков постоянно вели и ведут серьезную исследовательскую работу. Так, была проведена скрупулезная работа по составлению двухтомной хрестоматии средневековых латинских источников с развернутыми комментариями, выпускались учебники и учебные пособия, издавались латинские источники и исследовательские труды, как, например, интереснейшие книги Е.В. Федоровой об императорском Риме, предназначенные для научной общественности и широкого круга читателей.

Давние и недавние выпускники исторического факультета, волею судьбы разбросанные по разным странам и континентам, с благодарностью вспоминают суровую выучку кафедры древних языков и требовательных преподавателей, сумевших заставить их познать ту классическую премудрость, начатки которой обязательны для каждого истинного гуманитария. Молодые преподаватели оказались достойными коллегами и продолжателями старых опытных педагогов, и с течением времени и преподавательский, и научный уровень кафедры повышается, равно как и все более осознается обществом роль древних языков, которые отнюдь не «из моды вышли», а могут и должны способствовать более глубокому и всестороннему образованию.

В настоящее время, помимо многих вышеперечисленных, активную преподавательскую и научную работу ведут выпускницы филологического факультета МГУ старший преподаватель Ольга Викторовна Смыка, доценты Елена Владимировна Приходько и Елена Федоровна Шичалина, а также выпускники исторического факультета МГУ доцент Наталия Геннадиевна Майорова, Арчил Савелич Балаханцев, Алексей Михайлович Крюков, Галина Вячеславовна Лим и Елена Викторовна Финогентова. С осени 1996 года кафедру возглавляет профессор Игорь Сергеевич Чичуров.

А.В. Белоусов

**НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
НОВОСАДСКИЙ (1859–1941) —
ОСНОВАТЕЛЬ КАФЕДРЫ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ:
ЖИЗНЬ И ТРУДЫ
ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА РАН***

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная Война, жертвами которой были не только мирные жители приграничных районов СССР, испытавшие на себе огонь и железо первого фашистского наступления по суше, воздуху и морю, не только солдаты Красной армии, первыми встретившие неприятеля, но и многие другие люди, проживавшие довольно далеко от линии фронта. Среди этих последних погиб и Николай Иванович Новосадский, выдающийся исследователь античной древности, воспитанник петербургской школы реальной классической филологии и питомец «соколовской» семьи «фактопоклонников». Он умер 29 июня 1941 года в Москве вследствие разрыва сердца, случившегося во время одной из учебных тренировок с имитацией вражеской бомбардировки...¹

Начала²

Николай Иванович Новосадский родился 13 мая (1-го по старому стилю) 1859 г. в селе Великие Пузырьки Волынской губернии

* Я выражаю искреннюю благодарность Архиву Российской Академии Наук и его сотрудникам, особенно заведующей читальным залом Ирине Георгиевне Таракановой.

¹ Сведения о смерти Н.И. Новосадского не нашли отражения в Архиве Российской Академии наук (далее: АРАН), приведенная мною информация взята из сообщения А.А. Тахо-Годи, см.: *Тахо-Годи А.А.* Лосев. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007: «Новосадский скончался в первые дни Отечественной войны, когда в Москве устраивали учебные воздушные тревоги с имитацией бомбежек. Новосадский не перенес этого ужаса, никогда дотоле не виденного. Умер от разрыва сердца после первой же так называемой учебной тревоги».

² Сведения о ранней поре жизни Н.И. Новосадского взяты из его биографии, опубликованной в Сборнике Историко-филологического Института (Пятидесятилетие Петроградского Историко-Филологического Института. Биографический словарь лиц, окончивших курс института / Под. ред. В.В. Латышева.

Изяславского уезда (ныне: Изяславский район Хмельницкой области Украины) в семье протоиерея. После окончания общеобразовательного курса Волынской духовной семинарии он в 1879 году поступает в знаменитый Петербургский Историко-филологический Институт, ставший истинной колыбелью отечественной классической филологии, воспитанники которого составили славу российской науки о классической древности.

Петербургский Историко-филологический Институт³, учрежденный императором Александром II 27 июня 1867 г., имел целью «приготовление учителей древних языков, русского языка и словесности и истории для средних учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения, а также, по сношению с сим министерством, и для других ведомств, которые пожелают содержать в институте своих стипендиатов». Это было закрытое учебное заведение со строгой дисциплиной, в которое могли поступить юноши по достижении 17 лет, имевшие за плечами оконченную классическую гимназию или философский класс духовной семинарии. Курс обучения в Институте был рассчитан на четыре года, после чего выпускник обязывался прослужить по ведомству Министерства народного просвещения не менее шести лет.

Первые два года все студенты изучали базовые дисциплины историко-филологического факультета, среди которых преобладали предметы, связанные с греческой и римской древностью: основательное изучение греческой и латинской грамматики, чтение классических авторов, история словесности и древности, к которым примыкали курсы по всеобщей и русской истории, философии,

Ч. П. СПб., 1917. С. 222–225: см. Приложение), автобиографий (АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 1. Л. 11–12 и Л. 1–4) (первую, более краткую см. в Приложении) и Аттестата Императорского Варшавского университета (АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 4. Л. 1–4, также см. в Приложении). Вообще о Новосадском см.: *Смышляева В.П.* Новосадский Николай Иванович // *Смышляева В.П.* Российские филологические классики XIX века. «Германовское» направление (материалы для биографического словаря). СПб., 2015. С. 358–362 (с некоторыми неточностями); *Тункина И.В., Светлова Э.Ю.* Новосадский Николай Иванович // *Жебелев С.А.* Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Отв. ред., соет., вступ. ст. И.В. Тункиной. М., 2017. С. 458–459.

³ О Петербургском Историко-филологическом Институте (ШИФИ) см.: Пятидесятилетие Петроградского Историко-Филологического Института. Биографический словарь лиц, окончивших курс института / Под. ред. В.В. Латышева. Ч. П. СПб., 1917; *Васаргина Е.Ю.* Вице-президент Императорской Академии наук П.В. Никитин. Из истории русской науки (1867–1916). СПб., 2004. С. 10–24; *Хартанович М.Ф.* Гуманитарные научные учреждения Санкт-Петербурга XIX века. Исторические очерки. СПб., 2006. С. 189–193.

истории русской литературы, церковнославянского, французского и немецкого языков. Начиная с третьего курса, студенты специализировались по трем разрядам: древних языков, русской словесности и истории. Тем не менее, основой всего четырехлетнего курса были классическая филология и древняя история, причем преподавание всех дисциплин классической древности велось исключительно на латинском языке.

Преподаватели Института, многие из которых были прекрасными педагогами и учеными-классиками мирового уровня, вполне соответствовали заданным целям, среди них — великий Август Карлович Наук (1822–1892), Лукьян (Люциан) Адамович Мюллер (1832–1898), Рихард Августович Фохт (1832–1911), Александр Осипович Ионин (1835 *uel* 1834–1882), Александр Давидович Вейсман (1834–1913) и др. Наконец, здесь же, наряду с Историко-филологическим факультетом Петербургского университета, преподавал всеобщую историю Федор Федорович Соколов (1841–1909)⁴, которого, наверное, можно назвать настоящим основателем реальной классической филологии в России, ибо именно его ученикам принадлежала честь возвысить отечественную классику и византистику до уровня общемировой науки, не имеющей ни границ, ни блок-постов, и вписать в географию *rei publicae litterarum* Россию.

Ф.Ф. Соколов, тоже выпускник духовной семинарии, окончивший в 1862 г. Историко-филологический факультет Петербургского университета и защитивший в 1865 г. диссертацию о древнейшей истории Сицилии, провел несколько лет в Германии (где он «заразился» страстью к греческой эпиграфике, которую затем передаст своим ученикам), после чего начиная с 1867 г. читал лекции по древней истории в Университете и в Историко-филологическом Институте. Соколов, автор не очень большого числа ученых сочинений, был удивительным преподавателем, вызывавшим прямо противоположные оценки со стороны своих студентов: одни считали его слишком скучным, дотошным, безыдейным профессором, который

⁴ О Ф.Ф. Соколове см.: *Жебелев С.А.* Ф.Ф. Соколов [некролог] // ЖМНП. 1909. Нов. сер. Ч. 23. Октябрь. Совр. летоп. С. 17–64; *Толстой И.И.* Памяти Ф.Ф. Соколова // Записки классического отделения Императорского Русского археологического общества. Т. VI. 1910. С. I–VII; *Бузескул В.И.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Составление, вступительная статья, подготовка текста, комментарии и биографический словарь-указатель И.В. Тункиной. М., 2008. С. 248–249; *Басаргина Е.Ю.* Вице-президент Императорской Академии наук П.В. Никитин. Из истории русской науки (1867–1916). СПб., 2004. С. 49–52; *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб., 2006. С. 205–227.

просто «вываливает» на слушателей голые факты⁵, сдабривая их бесконечным критическим анализом, который, по их мнению, кажется бесполезным⁶; другие — наоборот — научились на занятиях

⁵ Вот впечатление В.В. Вересаева из его «Воспоминаний»: «Древнюю историю читал у нас профессор Федор Федорович Соколов. Это была совершенно гротескная, молберовски-карикатурная фигура ученого-педанта. Большая голова с высоким лбом, землистое лицо, в очки смотрят тусклые, близорукие, как будто ничего кругом не видящие глаза, нижняя губа отвисла, голос шамкающий. А было ему тогда меньше сорока пяти лет. В синем вицмундирном фраке с золотыми пуговицами, он медленно рассказывал по аудитории и читал. Боже мой, что это были за лекции! Никакого основного стержня, никакой руководящей идеи, никаких обобщений. Его интересовали только голые факты сами по себе и особенно — хронология. Подробнейшим образом сообщал нам, что в таком-то году до Р.Х., как говорит обломок дошедшей надписи, между такими-то двумя греческими городами происходила война; из-за чего началась, сколько времени тянулась и чем кончилась — неизвестно. Но на экзамене нужно было знать, что в таком-то году была война между такими-то городами. Нужно было знать, что в пятом веке жил фракийский царь такой-то, о котором ничего не было известно, кроме того, что он существовал. Нужно было точно знать, сколько кораблей участвовало в Саламинской битве, в каком порядке они стояли и какой именно корабль начал бой. Память у Соколова была чудовищная. По пятнадцать, по двадцать минут он без запинки цитировал наизусть по-гречески целый ряд страниц из Геродота или Фукидида. Впоследствии от людей, работавших под руководством Соколова, я слышал про него вот что. Он полагал, что данные по древней истории, дошедшие до нас, столь скудны и ничтожны, что на них нельзя строить решительно ничего, — никаких выводов и никаких обобщений. Был он будто бы большой умница, с огромным, но исключительно разрушительным умом, не способным ни на какое творчество. Иногда — бывало это, когда он был выпивши, — Соколов вдруг отбрасывал сознательно проводимую им систему голого сообщения фактов и хронологии, выцветшие глаза загорались насмешливым огоньком, и он начинал: — «Патриции», «плебеи»... Господа! До сих пор никто не знает, кто такие были плебеи! Теодор Моммзен говорит... Он приводил один за другим взгляды всех выдающихся историков, с чудовищной эрудицией разбивал их впрах и в заключение заявлял удовлетворенно: — Вот! Вы теперь сами видите: никто ничего не может сказать достоверного про плебеев. Его *privatissima*, где работали одни его ученики, говорят, были полны захватывающего интереса; там он давал полную волю своей эрудиции и разбедующему скепсису».

⁶ Вот, например, первое впечатление Б.В. Варнеке: «1-го сентября в 9 часов утра начались лекции, и на последний час явился к нам в аудиторию Ф.Ф. Соколов. За два дня, прожитых в общежитии, мы, новички, достаточно наслушались про него от старых студентов, большая часть которых у него же или срезалась, или держала переэкзаменовки. Своим появлением и изложением он подтвердил эти рассказы. Усталое лицо Силеня, тоскливый голос с совершенно неожиданными взвизгиваниями, полузакрытые глазки, причмокивание пухлыми, по-детски выпяченными губками, сильно потертый и выцветший форменный фрак позволяли верить тому, что нам говорили про блудни старого циника, внешние черты которого будто бы увековечил в своем Федоре Павловиче Карамазове его приятель Достоевский. Словно из мешка сыпавшийся поток собственных имен, названий египетских поселков и древнеперсидских царей, и годы, годы без конца пугали до жути даже самую крепкую память: ведь все это придется сдавать

Соколова видеть и изучать, прежде всего, факты⁷, отложившиеся в реальных источниках: в надписях, рукописях и археологических памятниках, пользуясь не воздушными фантазиями, а применением реальных историко-филологических методов, которые дают историку древности классическая филология и археология. Так сложился кружок соколовских «фактопоклонников», имена которых составляют славу русской науки⁸: П.В. Никитин, В.К. Ернштедт,

и на репетициях, и в мае на экзамене. Просочившаяся сквозь этот страшный ураган имен и чисел обобщающая мысль беспомощно тонула, раздражая своей глубиной и неожиданностью. Казалось, будто лектор куда-то стремительно мчался и прятал, и комкал на бегу свою мысль, боясь, что звонок не позволит высказать перед студентами всего богатства накопленных фактов. Лекция кончилась под ехидные пересмешки одних, под ошеломленное безмолвие других, а за обедом старшие курсы со злорадством поглядывали на нашу задавленную беспомощность: мы, мол, из этого пекла выскочили! теперь ваш черед! Вероятно, так чувствовал себя Одиссей со своими спутниками после встречи с циклопом Поллфемом... Весь сентябрь прошел под таким впечатлением не то ужаса перед Соколовым, не то в насмешках над его манерой и внешностью. Большинство студентов так и ушло из института с такой его оценкой. Звали его мы между собой Федькой, а в лучшем случае Федей. Но зоркий наблюдатель среди этих и насмешек, а подчас и проклятий мог бы в то же время подметить чувства и уважения перед необъятными знаниями и трудолюбием, и гордостью работы для такого учителя, оказавшегося на экзаменах, при всей случайности этой лотереи, и справедливее, и мягче, и ласковее многих своих коллег». См.: *Варнеке В.В.* Старые филологи / Публикация И.В. Тункиной // ВДИ. 2013. 4. С. 123–124.

⁷ «„Лучше сознаться в незнании, лучше выразить сомнение, чем успокаиваться на собственной фикции“, говорил он. Соколов ценил факты, их самое тщательное, детальное изучение, являлся „фактопоклонником“ и был против „философии истории“, синтетических построений и обобщений», — пишет В.П. Бузескул (*Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Составление, вступительная статья, подготовка текста, комментарии и биографический словарь-указатель И.В. Тункиной. М., 2008. С. 249).

⁸ «У меня лично эти чувства все росли. Некоторая подготовка к ученому чтению позволяла и любоваться, и наслаждаться тонкостью разбора древних текстов, умением извлечь нужные краски и из Аристофана, и из Феокрита, из эхологий и какого-нибудь Гесехия или Свида. В феврале параллельно с его изложением я читал сам „Hellenika“ Ксенофонта и невольно восторгался мастерством, с каким Соколов оживлял и воскрешал фигуры Крития и Ферамена. Конечно, его корявые, порой наивно упрощенные пересказы Полибия, Фукидида или Аристотеля нельзя было сравнивать с плавным, блестящим, равномерным изложением Эрнста Курциуса или литографированным московским курсом П.Г. Виноградова, которые мы тогда же читали. И все-таки, забегая вперед, скажу, что по сей день из всех русских историков я Ф.Ф. Соколова одного могу поставить рядом с В.О. Ключевским: они оба видели живым прошлое, дышали его духом и сливались с тогдашними интересами вплотную, тогда как все остальные лишь мудрствовали по-своему над для них самих мертвыми страницами древних источников. <...>. Уже профессором в Казани я прочел его „Гомеровский вопрос“ и до сих пор думаю, что это лучшая работа по-русски по греческой литературе. На моем диспуте среди насмешек над опечатками, изъянами изложения,

В.В. Латышев, А.В. Никитский, Н.И. Новосадский, С.А. Жебелев, М.И. Ростовцев, Б.В. Варнеке, Д.Н. Корольков и др.

Соколов говорил на лекциях: «В истории подвести всё под общие начала нельзя; еще будет значительный остаток — элемент личности человеческой»⁹. Соколов презрительно относился к любым псевдо-историческим построениям, декларирующим открытие непреложных «исторических законов», подчеркивая, что настоящего историка интересуют, главным образом, факты, о которых свидетельствуют источники, а потому получается, что плох тот историк, который плох как филолог, ибо кроме методов филологии и археологии у него ничего своего, за исключением буйной фантазии, нет. Именно такое понимание идеи единой историко-филологической науки стремился привить своим ученикам Ф.Ф. Соколов. Трудно не согласиться с петербургским филологом-классиком А.К. Гавриловым, который лаконично и очень точно излагает вновь эту же идею, смысл которой стремительно улетучивается от нас сегодняшних, углубляя, благодаря искусственному «разъединению» историко-филологических факультета, и без того уже слишком глубокую пропасть между «историками» и «филологами»:

какие он совсем напрасно ставил в зависимость не от той небрежности, с какой я наспех готовил эту обязательную работу, а от моей иноземной фамилии, Ф.Ф. мимоходом бросил два-три таких глубоких замечания, какие сразу осветили мою трехлетнюю работу и какие совсем иначе заставили меня глядеть на источники, казалось бы, достаточно продуманные, и его точку зрения я клал в основу всей своей дальнейшей научной работы. Убеден глубоко, что Ф.Ф. и себе, и делу очень вредил тем, что читал общие курсы по истории, да еще первокурсникам, угодить которым так трудно. Зато как великолепно он мог бы вести толкование Пиндара или Аристофана. Очень жалею, что расписание не позволило мне прослушать его курс греческой историографии, какой он читал нашим историкам. Здесь он полный хозяин, знавший до мелочей всесторонне охваченный предмет. Из всего того, что написано об Ф.Ф., наиболее верным мне кажется определение, какое дал ему один из лучших его учеников, А.Н. Щукарёв, в письме, приводимом в некрологе последнего С.А. Жебелевым. Щукарёв вспоминал, как он удивлялся Ф.Ф., „этому чистому источнику знания, этому непосредственному чисто эллинскому пониманию древнего мира“. Я был бесконечно хуже Щукарёва подготовлен для такой мягкой его оценки, но теперь я целиком ее разделяю и отношу Ф.Ф. к числу очень немногих ученых, которые так близко подошли к восприятию древности. Из мне лично знакомых ученых никто к нему в этом и не приближался. Из книг к нему ближе всего, как это ни покажется странным, по-моему, „Kulturgeschichte“ Якоба Буркхардта». См: *Варнеке Б.В.* Старые филологи / Публикация И.В. Тункиной // ВДИ. 2013. 4. С. 124–125, 126–127.

⁹ История Греции. Лекции Ф.Ф. Соколова. 1880/81 учебн. год [СПб.] Издат. Дмитрий Сперанский. [1881]. С. 5. Цит. по: *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности. Историкографические очерки. СПб., 2006. С. 220.

С мыслью, что филология есть средство, а история — цель, воспитанный в традициях *Altertumswissenschaft* филолог способен сжиться, признавая это отношение как одно из законных следствий историко-филологического метода; это тем более естественно, что в филологии традиционно культивируется ряд секторов, тесно связанных с большими историческими процессами, — например, историческое языкознание может иметь большое значение для реконструкции дописьменных («доисторических») эпох; кроме того, за изучение истории быта и исследование обыденных, религиозных и научных представлений — словом, за историю вечно меняющегося менталитета — традиционно отвечает исторически ориентированная филология. Дело не в «местничестве», а в природе историко-филологического метода. Признание ведущей роли историзма предполагает и необходимость признать, что самостоятельное и надежное исследование истории возможно лишь тогда, когда исследователь, даже если он сосредоточен на исследовании истории в более узком смысле, готов *критически* изучать прямые свидетельства древности — документы и памятники. Вооруженный методами вспомогательных дисциплин, сторонник историко-филологического подхода никогда не пренебрежет специфическими «материальными» аспектами источников, а при выяснении соотношения источников (*Quellenkunde*) или изучении «древностей (антиков, реалий)» соедinit филологический, исторический и археологический интерес. Дополнив свой анализ утонченным рассмотрением языка и жанра памятника, исследователь дает интерпретацию, в которой особенно выделяется *субъективная* сторона документа — кто бы не выполнял эти действия, их принято связывать с филологией. Работать с артефактами или интеллектуальными конструктами легче, чем с документами, но и проку от этого меньше — именно *это* и составляло прежде всего сущность того «фактопоклонничества» петербургской историко-филологической школы, которое и обеспечило международный научный престиж большинству членов «фактопоклоннического» петербургского кружка. Ведь идущее от детали текста филологическое или отправляющееся от особенностей конкретной вещи «археологическое» (в старинном смысле) рассмотрение — это необходимое условие для выявления того, что можно извлечь из этих свидетельств — всегда имеющих элемент *субъективности* («интенциональности») — для выявления их *объективного* потенциала при реконструкции исторической действительности. В этой системе представлений исторический *факт* — не отправной, а конечный пункт исследо-

вания, причем путь в историю лежит через филологию как «археологию слова», археологию как «филологию вещей»¹⁰.

Николай Иванович Новосадский всю жизнь следовал этой строгой и честной историко-филологической методе, воспринятой им от Ф.Ф. Соколова и других учителей по Историко-филологическому Институту. Б.В. Варнеке, на воспоминания которого я уже ссылался, отмечает особое отношение Ф.Ф. Соколова к Новосадскому:

На третьем курсе Ф.Ф. читал нам курс государственных древностей. Это был очень подробный комментарий «Афинской политики» Аристотеля, строка в строку сличаемой со свидетельствами Плутарха и надписей. На четвертом [курсе] я был единственный классик, и мне одному целый год по два часа в неделю Ф.Ф. читал «Сакральные древности». Это лучший курс, какой я слушал и у нас, и за границей. Я одиноко сидел с тетрадкой на парте, а Ф.Ф. медленно ходил с зажмуренными глазами вдоль скамей и пересказывал «Aglaophamus» Лобека, постоянно дополняя его из Пиндара, Аристофана и опять из тех же самых надписей, из новой литературы больше всего ссылаясь на своего любимца Фукара и, как он всегда прибавлял, «нашего» Н.И. Новосадского, который, видимо, был ему особенно близок¹¹.

О том, что Ф.Ф. Соколов действительно благоволил своему ученику Н.И. Новосадскому, свидетельствует и то, что через год после окончания Института Новосадский командировается на два года в Грецию «с ученою целью».

Греческая командировка

10-го июня 1883 г. Н.И. Новосадский становится учителем древних языков в Таганрогской гимназии, где прослужил «наставником III параллельного класса на 1883/4 уч. год»¹². Уже 1-го июля 1884 г. Новосадский командировается в Грецию «для приготовления к профессорскому званию»¹³ и «с ученою целью с отставлением от должности»¹⁴.

¹⁰ *Гаврилов А.К.* Из новейшей истории русского антиковедения // Гаврилов А.К. О филологах и филологии. СПб., 2010. С. 96.

¹¹ *Варнеке Б.В.* Старые филологи / Публикация И.В. Тункиной // ВДИ. 2013. 4. С. 125.

¹² АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.

¹³ Пятидесятилетие Петроградского Историко-Филологического Института. Биографический словарь лиц, окончивших курс института / Под. ред. В.В. Латышева. Ч. II. СПб., 1917. С. 222.

¹⁴ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.

В «Инструкции Н.И. Новосадскому, командируемому в Грецию на два года с ученою целью, выданной историко-филологическим Институтом»¹⁵ и составленной его учителем Ф.Ф. Соколовым, ему рекомендуется следующее: «Вероятно и Г. Новосадский найдет целесообразным избрать эпитафику главным предметом своих занятий. Необходимо приобрести навык в списывании надписей, в определении их времени. Надписи, хранящиеся в афинских музеях, представляют богатый материал для такой подготовительной работы. Полезно для упражнения списать какую-нибудь трудночитаемую надпись из числа уже изданных и потом сверить свою копию с изданиями. Необходимо изучить литературу изданий надписей и перед поездкой в какую-либо область Греции навести справки о тех местных надписях, которые уже найдены и изданы»¹⁶. Соколов ему советует поскорее избрать тему магистерского сочинения и намекает: «Новые элевсинские открытия могут придать еще больший интерес теме об элевсинском культе (в связи с историей Элевсина), которую Г. Новосадский разработал в своем прекрасном студенческом сочинении»¹⁷.

Итогом этой командировки впоследствии и станет первый из трудов Новосадского, посвященный Элевсинским мистерям. Ф.Ф. Соколов советует молодому ученому наладить добрые отношения как с греческими, так и с европейскими учеными, трудящимися в Греции. Обращает, между прочим, внимание и на следующее: «Г. Новосадский должен старательно избегать всего, что могло-бы возбудить неудовольствие греческих официальных лиц или ученых. Нет никакой нужды держать в тайне те надписи или те вещи, которые случится отыскать; нет никакой нужды стараться какую-нибудь вещь секретно провезти в Россию; всякую находку следует жертвовать в афинское археологическое общество. Цель командировки Г. Новосадского не в том, чтобы собирать и провозить коллекции»¹⁸. Учитель рекомендует выучиться новогреческому языку и ставит Новосадскому в пример других своих учеников, бывших прежде или, как А.В. Никитский, находящихся теперь в греческой командировке. Новосадский должен каждые полгода присылать отчет о своей деятельности, который, как замечает Соколов, может быть заменен «изданием и объяснением найденной самим Г. Новосадским или неизданной до сих пор надписи»¹⁹.

¹⁵ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 2 (см. Приложение).

¹⁶ Там же. Л. 2.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 3.

¹⁹ Там же. Л. 4.

Сам Н.И. Новосадский в пространной автобиографии начала 1930-х гг. рассказывает в третьем лице о своем пребывании в Греции следующее:

В Греции Н.И. Новосадский изучал методы археологических раскопок, местные музеи и остатки древней культуры, списывал с оригиналов античные надписи и знакомился с методами их научной разработки, а постоянной работой в богатых афинских библиотеках расширял свои познания по античному быту, античной литературе и сакральным древностям. Многим обязан Н.И. руководству знаменитого эпитафиста Ульриха Келера, бывшим в то время директором Германского Археологического Института в Афинах, и старейшего среди греческих филологов того времени проф. Куманудиса.

В течение двухмесячного пребывания в Греции Н.И. совершил много поездок по стране²⁰, изучая производившиеся там археологические раскопки и топографию наиболее важных в античной истории местностей с Павсанием в руках. Н.И. побывал в Дельфах, Орхомене, Фивах, Мегаре, Коринфе, Эпидавре, Озоле, проехал через Термопилы в южную Фессалию, изучал раскопки в Аргосе, Микенах и Тиринфе, в Елевсине, на мысе Сунии, на островах Евбее и Крите и во многих других местах. На Крите Н.И. исследовал часть «лабиринта» и изучал методы раскопок, производившихся итальянским ученым Фр. Альбером на месте открытия «Гортинских законов». О-в Крит Н.И. проехал от Кносса до Лебена (древняя Леда, на южном берегу острова) по опасным вследствие нападений разбойников горным тропинкам. Во время этих поездок Н.И. открыл несколько неизвестных ранее эпитафических памятников, — между прочим интересную надпись, подтверждающую точность сообщения Аристотеля об организации критских космопов.

Результатом работы Н.И. в Греции был ряд статей, помещенных в Журн. Мин. Народн. Просв., *Mittheil. des Deutschen*

²⁰ Н.И. Новосадский четко следует инструкции Ф.Ф. Соколова, где говорится: «Нечего распространяться о важности научных поездок по Элладе: Г. Новосадский совершит столько поездок, сколько позволят его денежные средства. Находящийся теперь в Греции Г. Никитский выразил желание, чтобы археологические поездки 1884/85 года были произведены им вместе с Г. Новосадским. Без сомнения совместное путешествие было бы во многих отношениях удобнее: гораздо легче списать вдвоем надпись, описать остатки древностей; приобретенная уже Г. Никитским опытность облегчит дело Г. Новосадскому. Можно ожидать добрых результатов от поездки, например, в Фессалию; но и в выборе областей Эллады для археологических экскурсий нельзя стеснять Г. Новосадского». Там же. Л. 4.

Archäol. Instituts и Ἐφημερίς Ἀρχαιολογική. Здесь же он подготовил к печати исследование об елевсинских мистериях, тесно связанное с производившимися в то время раскопками в Елевсине. В книге «Елевсинские мистерии» (СПб., 1887) Н.И., обстоятельно ознакомившись с предшествовавшими исследованиями по этому вопросу и собрав обширный эпиграфический и литературный материал, дал полную картину культа елевсинской Деметры, который удерживался в Греции, несмотря на упорную борьбу с христианством, до IV в. нашей эры. Автор критически отнесся к своим источникам и к работам, вышедшим в свет раньше его книги. Он приходит нередко к новым выводам, расходясь со взглядами предшествовавших исследователей. В елевсинских мистериях Н.И. находит широкое проявление политеизма, а не монотеизм, как думали некоторые ученые. Он открывает в них учение о метемпсихозе (стр. 175) и доказывает существование особого учения, решительно разойдясь по этому вопросу с известным ученым Хр. Лобеком и его школой (стр. 172–181).

Относительно происхождения елевсинских мистерий Н.И. доказывает, что они заимствованы греками из Египта (стр. 20 сл.). Этот взгляд был подтвержден несколько лет спустя исследованиями известного французского ученого П. Фукара об елевсинских мистериях (P. Foucart, Recherches sur l'origine et la nature des mystères d'Eleusis. Paris, 1895)²¹.

Таким образом, Н.И. Новосадский провел свои два года в Греции не впустую. Кроме солидных публикаций в отечественной и зарубежной периодике, немаловажным следствием командировки стало общение с греческими и западными коллегами, а тесное сотрудничество с Германским археологическим институтом в Афинах сделало Новосадского его членом-корреспондентом, свидетельством чего является диплом, выданный Новосадскому 21 апреля 1886 года и сохранившийся в архиве²²:

INSTITVTVM ARCHAEOLOGICVM
IMPERII GERMANICI
BEROLINI ROMAE ATHENIS

Inter viros eximios et de litteris monumentisque aetatis antiquae
optime meritos, quos cuiusque populi optimos praestantissimosque
sibi adscivit,

Nicolaum Novosadsky

²¹ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 1. Л. 1-3.

²² АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 3.

socium ab epistulis
cooptavit, ut etiam eius ope auxilioque studia communia
adiuventur.

Die natali Romae

XXI. m. Aprilis a. MDCCCXXXVI

IVSSV

RECTORVM INSTITVTI

Conze. Köhler

Н.И. Новосадский вернулся из Греции в Россию летом 1886 г., а 1 августа был назначен учителем древних языков в гимназию Видемана в Петербурге, где прослужил два года, совмещая эту свою службу в 1887/1888 учебном году с преподаванием греческого языка в Историко-филологическом Институте. 10 мая 1887 г. Новосадский успешно защитил свою магистерскую диссертацию об Элевсинских мистериях в Императорском С.-Петербургском университете, а уже в следующем году, с 1-го августа 1888 г., служит на кафедре греческой словесности в Императорском Варшавском университете.

Варшава

Итак, «Г. Министр Народного Просвещения от 8 июля 1888 года за № 10076, изволил утвердить его экстраординарным профессором ИМПЕРАТОРСКОГО Варшавского Университета по кафедре греческого языка и словесности, с жалованием 2000 руб. в год с 1888 года августа 1»²³.

В Варшавском университете Н.И. Новосадский прослужил до 2 сентября 1906 г. восемнадцать лет, в течение которых он, начав службу обычным преподавателем, дослужится до должности исполняющего обязанности ректора Университета, заслужит титул статского советника и станет кавалером орденов св. Владимира IV степени, св. Анны II степени и св. Станислава II степени. Однако этот период был не только временем карьерного взлета, но и временем беспрестанных ученых занятий.

Новосадский старается тратить летнее вакационное время на работу в европейских библиотеках, он трудится в Вене, Берлине, Дрездене, Мюнхене, Венеции и Париже. «Изучал методы археологических раскопок в Помпее и работал в Неаполитанском музее по изучению быта древне-римских провинциальных городов»²⁴. Результатом этих занятий являются многочисленные статьи в отечественных и западных журналах и две монографии «Культ Кавиров

²³ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 4. Л. 1

²⁴ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.

в древней Греции» (Варшава, 1891) и «Орфические гимны» (Варшава, 1900). Последняя работа является его докторской диссертацией, которую Новосадский с блеском защитил в Императорском Новороссийском университете 13 апреля 1901 г. В варшавские же годы выходит первый выпуск *Rhetorum saeculi XII orationes politicae*, издаваемых Новосадским вместе с В.Э. Регелем²⁵.

В сентябре 1906 г. Н.И. Новосадский выходит в отставку и переезжает с семьей²⁶ в Москву.

Москва 1906–1919

Однако в отставке Н.И. Новосадскому пришлось оставаться очень недолгое время. В 1907 г. он возглавил кафедру эпиграфики в Императорском Московском археологическом институте имени Николая II, где он читал прославивший его в свое время курс греческой эпиграфики не только в Москве, но и в филиалах Института в Смоленске, Калуге, Ярославле, Витебске и Нижнем Новгороде. В 1909 г. Новосадский становится сверхштатным ординарным профессором Императорского Московского университета по кафедре классической филологии²⁷. В 1916 г. Н.И. Новосадский утверждает

²⁵ Второй выпуск издания, в котором Н.И. Новосадский отвечал за указатели, был особо отмечен в рецензии В. Грюлемем: «Savoir de citations ou réminiscences, — le dernier travail témoigne d'une érudition prodigieuse : il permet aussi de mesurer l'étaendue de la culture classique de ces Byzantins à qui les souvenirs de l'antiquité venaient en foule à l'esprit, parfois étrangement mêlés aux souvenirs bibliques». См.: *Echos d'Orient*. 1929, Juillet-Sept.

²⁶ Вопрос о семье Н.И. Новосадского требует отдельного исследования. Архив Академии наук не имеет об этом никаких ясных документов, а из нескольких писем к Новосадскому можно заключить, что он был женат в 1930-х гг. Но кто была его жена, не ясно. Аттестат Варшавского университета 1906 г. говорит следующее: «Женат с 2 июля 1892 года на потомственной почетной гражданке, девице Екатерине Николаевне Шекиной, родившейся 22 октября 1869 года; у них дочь Александр, родившаяся 2 июля 1893 года. Жена и дочь вероисповедания православного и находятся при нем». Однако на интернет-сайте, посвященном Румянцевскому музею, где Новосадский служил в 1920-е гг., со знаком вопроса написано «муж В.А. Дударевой (?)». Валентина Александровна Дударева (1880–1964) работала в Румянцевском музее с 1919 года. См.: <http://www.rmuseum.ru/data/authors/n/novosadskiyni.php>; <http://www.rmuseum.ru/data/authors/d/dudarevava.php>. Недатированное письмо ученицы Новосадского Н.П. Розановой, которое, как мне кажется, относится к 1930-м гг., начинается с обращения: «Дорогие Валентина Александровна и Николай Иванович!» (ДРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 31).

²⁷ В архиве сохранилось уведомление, присланное ректором Московского университета Н.И. Новосадскому, о назначении его сверхштатным ординарным профессором по кафедре классической филологии от 16 июля 1909 г. за подписью и. о. ректора: «Милостивый Государь, Николай Иванович, Уведомляю Ваше Высочородие, что ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведом-

ся в звании заслуженного профессора, а 1 января 1917 награждается орденом св. Станислава I степени.

Н.И. Новосадский увлеченно трудится и в Московском университете, и в Археологическом институте, где преподает эпиграфику и знакомит слушателей с греческими древностями Северного Причерноморья. В 1909 г. выходит первое издание курса его лекций по греческой эпиграфике (2-е изд. в 1915 г.), равного которому, хотя он содержит исключительно обзор истории эпиграфики, отечественная наука не произвела до сих пор²⁸.

Летом 1910 г. Новосадский вместе с геологом А.А. Черновым возглавляет экскурсию слушателей Института «на места древнегреческих колоний северного побережья Черного моря»²⁹. Об интенсивности этой поездки свидетельствует отдельно изданная брошюра с маршрутом экскурсии: 20 июля выезд с Курского вокзала в Керчь, куда они прибывают 22 числа, 25 июля они уже в Феодосии и в Отузах, 27-го экскурсия добирается до Судака, затем 28-го в Новом-Свете и в Алуште, в этот же день уже на Гурзуфе и в Ялте, а 30-го выезжают на лошадях в Байдары, 31-го через Балаклаву добираются до Севастополя, а 1-го августа оказываются в Херсонесе. Далее, поход продолжается в Одессу, куда они приплывают на пароходе 4-го августа, а 5-го отправляются на пароходе же в Николаев, 6-го числа на катере прибывают в Ольвию и, наконец, оттуда едут обратно в Николаев и далее в Москву.

В 1914 г. Н.И. Новосадский отмечает тридцатилетний юбилей ученой и педагогической деятельности³⁰. Со всех сторон сыплют-

ству от 30 минувшего июня, за № 46, Вы назначены сверхштатным ординарным профессором Московского Университета по кафедре классической филологии с оставлением почетным членом археологического института. Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном почтении и преданности». АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 5.

²⁸ «Обстоятельный, нередко увлекательный обзор открытий и трудов в этой области, обзор, в котором большое место отведено русским ученым, что делает «Греческую эпиграфику» Н.И. Новосадского незаменимым пособием даже при существовании такого труда, как «*Griechische Epigraphik*» Ларфельда». — *Вуэскул В.И.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Составление, вступительная статья, подготовка текста, комментарии и биографический словарь-указатель И.В. Тункиной. М., 2008. С. 253. «В этом труде, посвященном историческому обзору развития греческой эпиграфики, уделено впервые очень большое внимание эпиграфическим открытиям и её изучению у нас в России. Научная литература до появления труда Н.И. Новосадского такого подробного обзора не имела; его составление должно было потребовать от автора и большого напряжения и исключительной осведомленности», — отзыв С.А. Желелева (АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 7).

²⁹ АРАН. Ф. 611. Оп. 1. Д. 13.

³⁰ Заметки об этом см. в журналах «Гермес» (1914. № 5), «Педагогический вестник

ся поздравления, часть которых мы помещаем в Приложении к этой статье. Особенно трогательными являются поздравления студентов Университета и слушателей Археологического института. Вот, например, поздравление студентов-классиков Московского университета³¹:

VIRO LAVDE ERVDITIONIS CLARISSIMO
NICOLAO NOVOSADSKIO
IVBILAEVM SVVM FAVSTE FELICITERQVE CELEBRANTI
HOC OPVS MINORIS PRETII
AVCTOR INDOCTVS SED LITTERAS PIE COLENS
OFFERRE AVDET.

Глубокоуважаемый Николай Иванович,

Просим принять от нас поздравление с 25-летием Вашего служения той науке, которой и мы хотим посвятить наши силы.

Не нам, ученикам Вашим, судить о Ваших ученых заслугах, скажем лишь, что выбор факультета остановился на Вас, как на единственно достойном заместителе маститого А.В. Никитского, а Ваши работы по Элевсинским мистериям являются ценным вкладом не только науке русской, вообще бедной, по области самостоятельных исследований античной жизни и религии, но и среди работ западных ученых заняла далеко не последнее место.

Вы нам близки и как человек, и с этой стороны нам особенно ценна Ваша сердечность к нам студентам, стремление удовлетворить наши просьбы и готовность облегчить насколько возможно нашу работу.

Так позвольте же пожелать прожить долгие годы на пользу родной нам науки и на радость Вашим ученикам и дорогому Университету.

(30 подписей, среди которых есть подписи
Д.В. Беэр и А.Ф. Лосева³²)

30 января 1914 г.

Не менее трогателен и адрес слушателей Московского археологического института:

Московского учебного округа» (1914. № 2) и «Педагогическое обозрение» (1914. № 2).

³¹ АРАН. Ф. 611. Оп. 1. Д. 4.

³² А.Ф. Лосев был учеником Н.И. Новосадского, добрые отношения между ними сохранялись всю жизнь последнего. См.: *Тахо-Годи А.А.* Лосев. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 51, 54, 63. «А.Ф. Лосеву трудно пришлось, когда он вернулся из лагеря в 1933 году. Надо было иметь какое-то постоянное место и вместе с

Г-ну Профессору Николаю Ивановичу Новосадскому.

Глубокоуважаемый Николай Иванович.

Ныне исполнилось 30 лет Вашей учено-педагогической деятельности, два последние года которой протекли у нас на глазах, в непосредственном общении с нами, — Вашими слушателями.

Но и этого короткого срока оказалось для Вас достаточно, чтобы завоевать полную нашу симпатию к Вам, как профессору, а по отношению к предмету Вашего преподавания — греческой эпиграфике — растопить лед равнодушия, естественного в аудитории, составленной из лиц, частью вовсе незнакомых с греческим языком, а частью питающих к нему нелюбовь, прочно привитую средней школой.

Мы стекались на Ваши лекции привлекаемые столько же блестящей формой их изложения, сколько богатством и глубиной внутреннего содержания. Излагаете ли Вы историю эпиграфических открытий или учите нас читать древние надписи, — за перечнем фактов, за обломком каменной плиты и начертанной там краткой словесной формулой Вы всегда умеете показать и душу древнего человека и, вообще, — во многом загадочный — лик отошедшей в вечность «угасшей действительности», где — по выражению нашего бытописателя-художника И.Е. Забелина — все спуталось, стерлось, утратило «запах жизни», стало каким-то «безразличным отвлечением».

Вам удается создавать на своих лекциях и то настроение, без которого почти невозможно почуять «веяние самой жизни», что

тем работать научно, а это значит — печататься. Старый учитель А.Ф. по университету, член-корреспондент АН СССР Н.И. Новосадский, дал даже отзыв о трудах своего ученика (29/VI-1934) на случай обращения в органы печати» — Там же. С. 210. *Таго-Годи А.А.* Алексей Федорович Лосев — на рубеже двух эпох (1910–1920-е годы) // *Лосев А.Ф.* На рубеже эпох. Работы 1910-х — начала 1920-х годов. М., 2015. С. 21: «Н.И. Новосадский в трудные для Лосева годы, когда его обвиняла советская власть во вражеской деятельности, не устрасился и давал *положительные* отзывы о трудах своего ученика». Отзывы Н.И. Новосадского на несохранившийся Отчет А.Ф. Лосева о работе за 1915–1916 учебный год и на Отчет за 1916–1917 учебный год опубликованы в этом же издании на с. 1077–1084. См. также: *Библия В.В.* Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М., 2006. С. 176: «Новосадский Н.И. „Орфические гимны“. Новосадский мой учитель, а это его докторская диссертация. Суховатая, позитивистская работа, но полезная». Там же, с. 178: «Я занимался эпиграфикой у Новосадского. Два года на нее угробил, получил пять, с тех пор 50 лет не пришлось этим заниматься. Олег Широков другое дело, он диалектами занимается, ему эпиграфика нужна». Там же, с. 218: «Эпиграфике Новосадский нас учил два года, я научился хорошо разбирать. И за 50 лет ни разу не понадобилось».

носится над каждым археологическим памятником, как остатком и свидетелем былых дел человека на земле.

Наконец, Ваши мягкость в обращении со слушателями, доступность и неизменная приветливость установили в отношениях между Вами и аудиторией ту тонкую душевную связь, наличие которой служит жизненным условием и наилучшим залогом плодотворной совместной работы.

Пусть же, дорогой Учитель, растет и крепнет Ваша связь с нашей Alma Mater, чтобы еще длинный-длинный ряд поколений русских археологов имел, как мы, радость учиться у Вас «живому пониманию ветхих речей».

Слушатели 2-го курса ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Археологического Института имени ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Глубокоуважаемый Профессор Николай Иванович.

Среди сонма величавых образов, завещанных нам классической древностью и сохранных преданием, есть один, о котором повествуют греческие надписи, найденные на месте древней Ольвии.

Я напомним о Каллисфене, сыне Дада.

Этот славный муж, живший почти на 1700 лет раньше нас и отличавшийся высокими нравственными качествами, — по свидетельству эпитафических памятников был почтен от родного города золотым венком за то, что — трижды избранный в архонты — исполнял свои обязанности «усердно, верно и справедливо».

Так и Вы, благородный Наставник наш, подобного сыну Дада, потрудились на пользу своего «родного города» тоже «усердно, верно и справедливо», с тою лишь разницей, что многолетнее «архонтство» Ваше протекает не в блеске государственного управления, не в грохоте житейской сутолоки, но в тиши кропотливой научной работы, — в высоком служении культуре духа.

И вот Вас, как некогда Каллисфена, чествуют сегодня признательные «сограждане» Ваши.

Маленькая группа их в лице моих товарищей — слушателей второго курса Института — поручила мне передать Вам их низкий поклон и сердечный привет.

С особенным удовольствием исполняю это почетное поручение.

/ Приветствие курса при сем прилагается /

Николай Русинов,
Староста 2-го курса
Императорского Московского
Археологического Института
имени Николая П.

31 января 1914 г. Москва³³

Через пять лет историко-филологический факультет Московского Университета вливается в новообразованный Факультет общественных наук, а в 1922 г. сюда же присоединяется структура бывшего Императорского Московского археологического института имени Николая П. В Университете Н.И. Новосадский продолжает трудиться до сентября 1929 г., когда наступает непонятный пока перерыв до возвращения туда уже в 1934 г. профессором исторического факультета. В 1917 г. Российская Академия наук избрала Н.И. Новосадского своим членом-корреспондентом, но... наступила новая эпоха в жизни страны и в жизни уже немолодого Н.И. Новосадского.

Новый мир

Первые годы советской власти вынуждали соглашаться на любую работу, которая обеспечивает занятостью и хоть какой-то возможностью обеспечить необходимые нужды. В 1919 г. Н.И. Новосадский становится сотрудником Румянцевского музея, в котором прослужит, одновременно со службой в Университете (до 1929 г.), до начала 1934 г. Сам он рассказывает об этом следующее:

Н.И. Новосадский был назначен Заведующим Отделом классической филологии во Всесоюзной Библиотеке имени В.И. Ленина (бывш. Румянцевский Музей) 22-го мая 1919 года. Ему было поручено составить систематический каталог по классической филологии. Систематический каталог по иностранной литературе из области классической филологии был выполнен Н.И. Новосадским совместно с сотрудниками А.А. Грушка³⁴ (...), а русский каталог по той же специальности был составлен им единолично, за сокращением штата. Для составления последнего каталога должно было просмотреть около 550000 карточек

³³ АРАН. Ф. 611. Оп. 1. Д. 5.

³⁴ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 12. Л. 1 (автограф Н.И. Новосадского).

русского алфавитного каталога и написать более 10000 карточек для каталога систематического. В общем для составления иностранного и систематического каталога по классической филологии Н.И. Новосадекому пришлось просмотреть около миллиона карточек алфавитного каталога. В 1926 году каталог по классической филологии был расширен передачей в него карточек по византийской, новогреческой и нео-латинской литературе из Отдела Западно-европейской литературы и, согласно постановлению бывш. Ассоциации Отделов, переименован в Отдел классической филологии, византийской, новогреческой и нео-латинской литературы. В этом каталоге Н.И. Новосадецкий составил отдел литографированных лекций, читанных по античной филологии в русских высших учебных заведениях, какового в других библиотеках СССР не имеется³⁵. В 1930-м г. Н.И. Новосадецкий передает в дар Библиотеке имени В.И. Ленина 1720 томов своей личной библиотеки³⁶.

О занятиях в Университете красноречиво пишет ученица Новосадецкого Н.П. Розанова, занимавшаяся у него в 1922–1923 гг.: «В 1921–22 академическом году в холодном, почти не топленном, полутемном временном помещении Московского Археологического Института, у Триумфальных ворот, сидя на школьных партах, на которых еле можно было усесться взрослому, а в конце года в собственном помещении Института, — мы с Вами читали Овидия и Горация, слушали Ваши несравненные лекции по греческой эпиграфике, прочитывали надписи о давно угасшем, но столь интересном прошлом. Некоторые из нас имели счастье и далее продолжать работу под Вашим руководством. Несмотря на все внешние неблагоприятные условия, часы, проведенные в этих занятиях с Вами, останутся одними из лучших в жизни. И нам всегда трудно будет отделить в этих воспоминаниях наше влечение к тем наукам, которым Вы посвятили себя, от Вас самих, от Вашей глубокой любви к своему делу, от обаяния Вашей личности»³⁷, а также в стихах:

Помню голод... Стынут руки,
 Дома холод и нужда, —
 Но бессменный страж науки
 Вы — на лекциях всегда.

³⁵ Там же.

³⁶ Акт передачи и благодарность библиотеки см.: АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 11.

³⁷ Из поздравления по поводу 45-летнего юбилея научной и педагогической деятельности Н.И. Новосадецкого, громко справлявшегося в 1929 г., см.: АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 6. Л. 19.

... Годы шли бесменным рядом
Светлый, тяжкий год — равны...
И доклады за докладом
Вечной юностью полны.

Новосадский постоянно чем-то занят, старается сохранить научные связи как с отечественными, так и с зарубежными учеными³⁸, он читает не меньше двух докладов в год и старается публиковать результаты своих исследований. Новосадский по-прежнему занимается и греческой эпиграфикой, и греческой литературой. В 1927 г. в издательстве *Academia* выходит его перевод «Поэтики» Аристотеля, которым он очень гордился, и по праву. Он участвует в археологических конференциях и в курсе свежих эпиграфических находок. К истории греческой эпиграфики небесполезным кажется привести письмо от тогдашнего директора Темрюкского музея Сергея Францевича Войцеховского, описывающего здесь обстоятельства находки надписи, позже опубликованной Новосадским³⁹:

Глубокоуважаемый Николай Иванович!

Прежде всего Музей приносит Вам глубокую благодарность за любезно пересланный Вами в музей перевод с памятника. Что касается вопроса о издании, то Музей будет считать себя весьма польщенным тем вниманием, которое Вы уделите ему опубликованием этого памятника и в решении этого вопроса предоставляет Вам право инициативы, заранее относясь с благодарностью к Вашему вниманию и прося извинения за невольное причиняемое беспокойство.

Обстоятельства находки таковы: в четырех километрах к западу от станицы «Запорожской» есть хутор «Батарейка»^{x)}, — со следами античной культуры, разбираемый (благодаря попущительству местных Стан-советов и отсутствию регулярного надзора) населением на хозяйственные нужды. При рытье земли встречаются амфоры, фрагменты посуды (красный лак преимущественно), осколки и глыбы камня и проч. Вместе с этим была встречена и эта надпись хуторянином Павлом Лебедем. Услышав об этом я выехал на место находки, обнаружил ее у выше-названного П. Лебеда, зарегистрировал ее, сделал фотосъемку

³⁸ В архиве Н.И. Новосадского, например, сохранилось письмо от Армана Делят-та от 21 июля 1930 г. с просьбой о помощи в издании греческих алхимических рукописей (АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 27), письмо от Э.В. Дилиа из Миттавы о находках римских монет в России и проч. (АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 28).

³⁹ Неизданная надпись Темрюкского музея // ДАН-В. 1930. № 12. С. 224–227. *CIRB* 1021.

и, опасаясь, что она может быть испорчена или куда-либо отправлена, потребовал через Станичный Совет либо бережного ее хранения либо немедленной сдачи в Темрюкский Музей. По возвращении в Темрюк я через Районный Исполком поставил вопрос о доставке памятника в Темрюкский Музей, что и было проведено в жизнь через милицию.

^{х)} Я считаю «Батарейку» античным укрепленным пунктом. (Прим. автора письма — А.В.)

Л.2: В то же время мною приобретена там же у одного из жителей серебрянная или электрическая (еще не выяснил) монета Котиса, найденная на той же Батарейке при выемке земли. Обе эти находки, и надпись и монета, находки 1929 г. и территориально односторонние. Вообще там часто встречаются монеты босфорского чекана, но встречаются и пантикапейские.

Таких батарейек здесь, на этом участке полуострова мне известно около десяти: я склонен их рассматривать, частью, как упоминаемые Страбоном, следы Клазоменских башен (внутри этих сооружений имеются обыкновенно мощные глинобитные стены), частью, как позднейшие укрепленные пункты. Есть сведения, что на другой батарейке, давно уже, также была найдена надпись, неизвестно кем и куда вывезенна. Одну из таких батарейек зондировал Алексей Степанович в 1928 г. в ком. «Звезда», где был встречен ряд находок, в том числе, и амфора с босфорскими монетами в количестве сотни экземпляров.

Должен отметить, что эти пункты у меня затопографированы, частью, засняты, послана корреспонденция в Северо-Кавказское Краевое Археологическое О-во, но за отсутствием средств света это еще не увидело.

Вот все, что кратко могу сообщить, как о самом памятнике и обстоятельствах находки, так и возможностей повторных находок на ряде тождественных стратегических пунктов, в том числе, на известном в литературе...

С искр. уваж. С. Войцеховский⁴⁰.

Кроме того, в архиве Н.И. Новосадского сохранилась неопубликованная статья «Новая Танаисская надпись»⁴¹, которая, судя

⁴⁰ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 26.

⁴¹ АРАН. Ф. 611. Оп. 1. Д. 25. Речь идет о надписи *CIRB* 1259. Мы надеемся в скором времени опубликовать эту статью Н.И. Новосадского в журнале «Аристей. Вестник классической филологии и античной истории».

по переписке с Новочеркасским музеем, должна была быть издана в 1941 г. в каком-то местном издании. Судя по тому, что статья так никогда и не вышла, а первое издание этой надписи было сделано Т.Н. Книпович лишь в 1949 г.⁴², выходу публикации в свет помешала война. Остался, кажется, неопубликованным некролог об академике А.В. Никитском⁴³, как и очерк истории классической филологии в Московском университете (1755–1935)⁴⁴. А вот некролог об академике В.В. Латышеве вышел в свет лишь в 1958 г.⁴⁵

В 1929 г. в Государственном историческом музее торжественно праздновался 45-летний юбилей ученой и педагогической деятельности Н.И. Новосадского. Телеграммы приходили в музей на имя В.Н. Гракова, ученика Новосадского еще с дореволюционных лет. Юбиляра поздравили московские филологи-классики, эпиграфисты и археологи. Пришли поздравления от Саратовского и Казанского университетов, от Эпиграфической комиссии исторического музея, от секции археологии Института археологии и искусствоведения, от Таврического общества истории, археологии и этнографии, ГАИМК и многих других организаций и музеев⁴⁶. Личные телеграммы пришли от академика Н.Я. Марра, коллег из Праги⁴⁷

⁴² Книпович Т.Н. Танаис. М.–Л., 1949. С. 116–119.

⁴³ АРАН. Ф. 611. Оп. 1. Д. 38.

⁴⁴ АРАН. Ф. 611. Оп. 1. Д. 24. (О самом себе Новосадский здесь пишет на лл. 48–54). Материалы к статье см.: АРАН. Ф. 611. Оп. 1. Д. 66. Кажется, что единственным, кто пользовался этой статьей, был А.И. Солопов, см.: *Солопов А.И., Половская К.П., Талхо-Годи А.А.* Кафедра классической филологии // Ремнева М.Л. (Ред.). Филологический факультет Московского университета: Очерки истории. М., 2007. С. 223.

⁴⁵ *Новосадский Н.И.* Об ученых трудах академика В.В. Латышева // Советская археология. 28. 1958. С. 6–7. В архиве сохранился стенографический черновик от 19 марта 1922 г.: АРАН. Ф. 611. Оп. 1. Д. 15.

⁴⁶ См.: АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 6–10. Гос. Херсонесский музей «выражает свое восхищение перед блестящим раскрытием загадочного аастѣра в знаменитой присяге Херсонеса и надеется, что дорогой НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ еще много даст нам разгадок в области греко-латинских надписей». Зам. Директора Херсонесского музея и площади раскопок Г. Белов (АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 7. Л. 5). Одесский государственный историко-археологический музей, адресуясь в Исторический музей Гракову, приветствует в лице Новосадского «одного из старейших представителей нашей эпиграфической школы» (от С.С. Дложевско-го) (АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 7. Л. 3).

⁴⁷ *Viro optimo et doctissimo / Nicilao Novosadskio / philologorum splendori eximio / nouem lustra / in litteris liberalibus colendis / antiquitate exploranda / iuuentute docenda / feliciter peracta / gratulatur / ac multos et felices annos / optimamque ualetudinem / a Deo optimo maximo / exoptat / Franciscus Groh / Pragae Id. Ianuar. MCMXXIX.* (АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 8. Л. 2).

и Риги⁴⁸. Написали и старые друзья и ученики: Б.В. Варнеке⁴⁹, С.И. Гинтовт⁵⁰, А.А. Грушка, А.Н. Зограф, А.И. Малейн, М.М. Покровский, Е.М. Придик, Б.Л. Богаевский, В.П. Бузескул⁵¹, С.С. Дложевский⁵², С.А. Жебелев⁵³ и др. В списке лиц, участвовавших в чествовании Н.И. Новосадского, значатся имена Б.Н. Гракова с женой, Д.В. Беэр, Н.Ф. Дератани, С.И. Радцига, А.В. Арциховского, М.М. Кобылиной, А.Ф. Лосева с женой, Н.П. Розановой и др.⁵⁴

В 1920-е и 1930-е гг. Н.И. Новосадский был членом бесконечного числа обществ, комиссий, секций и прочих организаций. В частности, «как знаток новогреческого языка, на котором он свободно говорит, Н.И. Новосадский консультировал в 1926–1927 г. в комиссиях при Совнацмене Наркомпроса по предмету введения новой орфографии и составления пособий для народной школы греков, живущих в СССР. По этой орфографии печатаются теперь все книги на новогреческом языке, выходящие в СССР»⁵⁵.

Кафедра древних языков

В 1934 г. в Московском университете был создан исторический факультет, профессорами которого, наравне с С.И. Соболев-

⁴⁸ VIRO DOCTISSIMO BENEMERENTISSIMO SALVTEM DICVNT PLVRIMAM DIE FESTO SOLLEMNI BALODIS DIEHLS SPEKKE STRAUBERGS VIPPERE, PROFESSORES ET OMNIS PHILOLVGORUM (sic! — А.В.) ORDO VNIVERSITATIS LATVIENSIS. (АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 8. Л. 4).

⁴⁹ «В день Вашего юбилея, Глубокоуважаемый Николай Иванович, примите мою сердечную благодарность за то многое, чему я научился и учусь из Ваших книг и статей по греческим надписям и истории культов. Горячо приветствую Вас как старейшего представителя незабвенного и обоим нам дорогого Историко-Филологического Института. Идя в ученой работе по пути его славных питомцев П.В. Никитина и В.В. Латышева, Вы заняли теперь по заслугам место *principes philologorum* в России, какое и желаю от души Вам занимать еще долгие годы. Ваш почитатель Б. Варнеке. Одесса. Январь 1929». (АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 9. Л. 4).

⁵⁰ «Как однокурсник, горячо приветствую Глубокоуважаемого Николая Ивановича Новосадского с днем 45летия его столь плодотворной и блестящей ученой деятельности. *Vivat, crescat, floreat* еще на многие и многие годы для науки и учеников. Степан Гинтовт. Науч. работник». (АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 9. Л. 6).

⁵¹ «Поздравляю глубокочтимого Николая Ивановича знатока греческой культуры из плеяды славной русских эпиграфистов». (АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 10. Л. 4).

⁵² «Высокочтимого юбиляра Николая Ивановича старейшего представителя нашей эпиграфической школы». (АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 10. Л. 5).

⁵³ «Дорогого Николая Ивановича сердечно приветствует (с) сорокапятилетием неустанной плодотворной деятельности (и) искренно желает доброго здоровья, бодрых сил (и) неизменных успехов на многие годы ученик соколовской школы (и) соратник юбиляра на ученом поприще, его почитатель Жебелев». (АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 10. Л. 6).

⁵⁴ АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 11.

⁵⁵ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 8. Л. 3.

ским⁵⁶ и А.В. Кубицким, стал Н.И. Новосадский. Все трое в августе 1934 года вошли в Комиссию древних языков⁵⁷ при кафедре истории древнего мира, Комиссию возглавил А.В. Кубицкий, известный прежде всего как переводчик «Метафизики» и «Категорий» Аристотеля.

В 1937/1938 г. Комиссия древних языков была преобразована в Кафедру древних языков. Очевидно, Н.И. Новосадский с головой погрузился в работу по организации полноценной кафедры, о чем свидетельствуют многочисленные архивные документы. Он тщательно подбирал сотрудников, для своих прямых учеников сам писал отзывы о научной работе, старался контролировать учебный процесс, требуя от преподавателей отчетов по каждому студенту и общей успеваемости учебных групп⁵⁸. Чуть ли не со дня основания кафедры на заседаниях звучат научные доклады, причем эту добрую традицию начинает сам Заведующий⁵⁹. Естественно

⁵⁶ С.И. Соболевский до конца 1941 г. состоял профессором исторического факультета, неизвестно точно, по какой именно кафедре. Совершенно точно известно, что он не числился по созданной в 1937/1938 учебном году кафедре древних языков. Вероятно, он продолжал оставаться профессором кафедры истории древнего мира, но установить это с определенностью не удалось. Довоенные архивы кафедры истории древнего мира утрачены, а сам Соболевский в своей Автобиографии говорит неясно: «После закрытия ИФФ в 1922 г. я был назначен действительным членом научно-исследовательского Института Литературы и Языка и занимал эту должность до 1 февраля 1931 г. С осени 1934 г. я опять был назначен проф. Московского Университета по историческому факультету и пребывал в этой должности до 1941 г., а с января 1942 г. — профессором классического отделения филологического факультета» (АРАН. Ф. 695. Оп. 2. Д. 24. Л. 5). Трудовая книжка С.И. Соболевского начинается записью от 16 декабря 1941 г. «профессор в порядке перевода из МИФЛИ», а затем — «профессор кафедры классической филологии МГУ» (АРАН. Ф. 695. Оп. 2. Д. 11. Л. 1). В архиве С.И. Соболевского есть также справка, данная историческим факультетом МГУ в Наркомпрос РСФСР: «Проф. СОБОЛЕВСКИЙ Н.А. (sic! — А.В.) ведет латинский язык на Историческом факультете МГУ. Проф. СОБОЛЕВСКИЙ является высоко-квалифицированным научным работником и хорошо относится к производственной работе на факультете. И.о. ДЕКАНА ИСТФАКА /Игумнова/ ПАРТОГРГ /Хаиров/ Пред. МЕСТКОМА /Крылова/» (АРАН. Ф. 695. Оп. 2. Д. 6. Л. 10).

⁵⁷ В архиве Н.И. Новосадского сохранилась «Записка о занятиях латинским языком на историческом факультете МГУ», подписанная всеми тремя.

⁵⁸ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 21. Кетати, среди аспирантов, занимавшихся у Н.И. Новосадского, была и З.В. Удальцова, о которой он 23 декабря 1940 г. оставил следующую запись: «Удальцова, З.В., — способностей хороших, занимается довольно усердно, но вследствие болезни пропустила в текущем полугодии около 25% практических занятий. Пропущенное Удальцова постепенно усваивает». АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 21. Л. 13.

⁵⁹ «После реорганизации Комиссии древних языков в кафедру древних языков, произошедшей во втором семестре 1937/8 года, на заседаниях кафедры были введены научно-исследовательские доклады. В течение этого семестра было

но, что Н.И. Новосадский не мог воспринимать Университет лишь как образовательное учреждение, для него было самоочевидным, что самостоятельная научная деятельность сотрудников кафедры в области классической филологии неотделима от качества их преподавания.

Первоначальный состав кафедры был следующим⁶⁰:

1. *Новосадский* Николай Иванович
2. *Скаткин* Николай Иванович (р. 1883, закончил Московский университет по юридическому факультету в 1913 г.), доцент
3. *Покровская* Жюстина Севериновна (р. 1887, закончила Московский университет по историко-филологическому факультету в 1914 г.), доцент
4. *Дыбников* Андрей Николаевич (р. 1888, закончил Московский университет по историко-филологическому факультету в 1913 г.)
5. *Поляков* Григорий Петрович (р. 1874, к.и.н., закончил Московский университет по историко-филологическому факультету в 1898 г.)
6. *Домбровский* Владимир Антонович (р. 1895, закончил Новороссийский университет по классическому отделению в 1918 г.)
7. *Лавровский* Яков Васильевич (р. 1891, закончил Петербургский Историко-филологический Институт в 1914 г.)
8. *Безр* Дарья Васильевна (1886, закончила Московский университет по историко-филологическому факультету в 1914 г.)
9. *Боголюбский* Леонид Петрович (р. 1877, закончил Петербургский Историко-филологический Институт в 1902 и Педагогическую академию в 1910 г.), к.фил.н.
10. *Соколов* Виктор Сергеевич (р. 1889, закончил Московский университет по историко-филологическому факультету)
11. *Попов* Александр Николаевич (р. 1881, закончил Московский университет по историко-филологическому факультету)
12. *Догучаев* Федор Иванович (р. 1882, закончил Московский университет по историко-филологическому факультету в 1909 г.)
13. *Евтеев* Алексей Иванович (р. 1881, закончил Харьковский университет по юридическому факультету в 1909 г.)

прочитано три доклада: 1) Н.И. Новосадский «Профессиональные союзы и общества в древней Греции»; 2) Г.П. Поляков «Критико-библиографические заметки по античной филологии» и 3) В.А. Домбровский «Критический разбор краткого курса латинской грамматики А.Н. Попова (изд. 1936 года)». (АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 22. Л. 63).

⁶⁰ По списку: АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 19. Л. 28.

14. *Шендяпин* Павел Матвеевич (р. 1885, закончил Московский университет по историко-филологическому факультету в 1914 г.)
15. *Коновалов* Дмитрий Григорьевич (р. 1876, закончил Московскую духовную академию в 1901 г.)

Все преподаватели должны были заниматься научными исследованиями или готовить к защите диссертации. Так, сам Н.И. Новосадский собирался подготовить к публикации «критическое издание «Поэтики» Аристотеля с комментарием и Введением и исследование об эдикте Диоклетиана *De pretiis rerum venalium*»⁶¹, Д.В. Беэр — «перевод в стихах трагедии Эсхила «Персы» с комментариями и Введением»⁶², В.А. Домбровский — «перевод Веллея Патеркула с комментариями и Введением, а также латинские надписи из сборника Брунса», А.Н. Дынников — написать диссертацию «Судьба латинского спряжения в старо-провансальском языке»⁶³, Д.Г. Коновалов — заняться «изучением особенностей языка Григория Турского и перевод *Historia Francorum*», Я.В. Лавровский — сделать «перевод и исследование источников и композиции Квинтилиана», Г.П. Поляков — написать «диссертацию по Витрувию для соискания степени доктора филологических наук», Ж.С. Покровская — подготовить «диссертацию об Овидии для соискания степени кандидата филологических наук», А.Н. Попов — «диссертацию о греческом авторе Синтипе для соискания степени кандидата филологических наук», Н.И. Скаткин — «диссертацию о переписке Цицерона для соискания степени кандидата филологических наук», В.С. Соколов — «диссертацию о переписке Плиния Младшего с Траяном для соискания степени кандидата филологических наук», П.М. Шендяпин — «диссертацию «Сенека и его трактат о мило-

⁶¹ В плане научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского состава кафедры древних языков истфака МГУ на 1940–41 уч. год сказано, что «Новосадский будет изучать «социальные основы творчества Еврипида», литературные и эпиграфические памятники, относящиеся к вопросу о художественном образовании в древней Греции. Срок окончания 1941 г.». АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 20. Л. 11.

⁶² В плане научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского состава кафедры древних языков истфака МГУ на 1940–41 уч. год сказано, что «ст. преподаватель Д.В. Беэр будет изучать трагедии Эврипида как источник по истории Греции в V в. до н. э., а также переведет в стихах трагедию Эврипида «Безумный Геракл». Срок окончания 1941 г.». АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 20. Л. 11.

⁶³ В плане научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского состава кафедры древних языков истфака МГУ на 1940–41 уч. год сказано, что «ст. преподаватель А.Д. Дынников будет работать над темой: Язык, композиция и стиль романа Петрония «Сатирикон». Срок исполнения 1943 г.». АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 20. Л. 11.

сердии» для соискания степени кандидата филологических наук», Л.П. Богоявленский — диссертацию «Лексика, метрика, поэтика элегий Тибулла»⁶⁴. Только А.И. Евтеев «не находит, по его словам, возможности вести научно-исследовательскую работу вследствие крайне тяжелых условий его квартирной жизни»⁶⁵.

Кроме того, кафедра создает проекты издания учебной литературы по древним языкам. «Вполне удовлетворительных по содержанию и объему пособий по грамматике латинского языка и латинских хрестоматий не имеется, — пишет Н.И. Новосадский. — Греческая грамматика представляет редкость в книжных магазинах. Для устранения пробелов по этой части кафедра древних языков предпринимает переиздание некоторых имеющихся пособий после предварительного обсуждения их на заседаниях кафедры или отдельными членами кафедры. Было бы желательно, чтобы Наркомпрос назначил конкурс на лучшую грамматику латинского и греческого языка и на лучшую латинскую хрестоматию. Вследствие крайнего недостатка латинских авторов, читаемых на исторических факультетах (Цезарь, Саллюстий, Тацит, некоторые речи Цицерона), необходимо в скорейшем времени издать тексты этих авторов в количестве удовлетворяющем потребностям Высшей школы (не менее 1000 экземпляров каждого автора)»⁶⁶. Сотрудники кафедры планируют издать следующие пособия⁶⁷:

Попов А.Н. Латинская хрестоматия. Избранные места из Цезаря.

Попов А.Н. Краткий курс латинской грамматики.

Попов А.Н. Краткий курс греческой грамматики.

Коновалов Д.Г. Хрестоматия по средневековой истории.

Кроме того, вынашивается идея о «Хрестоматии по греческой литературе (Эпос, лирика, проза)»⁶⁸!

Интересно, что уже через год, 19 сентября 1939 г., сообщается о подготовке «издания латинской хрестоматии А.Н. Попова и П.М. Шендяпина»⁶⁹, а 1-го октября этого же года П.М. Шендяпин пишет Н.И. Новосадскому:

«Заведующему Кафедрой древних языков Истфака МГУ от преподавателя П.М. Шендяпина. Заявляю, что в текущем I семестре 1939–40 уч.г., в порядке научно-исследовательской работы, я буду заниматься корректированием и приведением в окончательный

⁶⁴ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 20. Л. 31.

⁶⁵ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 20. Л. 1.

⁶⁶ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 20. Л. 2. (19 ноября 1938).

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 20. Л. 13.

⁶⁹ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 20. Л. 8.

вид латинского учебника в авторстве А.Н. Попова и моем. (Подпись Шендяпина). Москва, 1 октября 1939 г.»⁷⁰. Таким образом, получается что знаменитый учебник «Попова-Шендяпина» — одно из лучших русских пособий по латыни — зародился на кафедре древних языков в «эпоху Новосадского», и не является случайностью, что долгое время, до появления учебника А.Ч. Козаржевского (сама структура которого говорит за то, что он родился из стремления соответствовать до крайности укороченным часам латыни на истфаке), был базовым учебником латинского языка на факультете.

Между прочим, из кафедральных документов и учебных планов исторического факультета, сохранившихся в архиве Н.И. Новосадского, видно, что начинающие студенты-историки занимались латинским языком по две пары в неделю на протяжении двух первых лет учебы. Кроме того, сотрудники кафедры вели еще и дополнительные «кружки». Так В.А. Домбровский руководил кружком по чтению древнегреческих авторов, а В.С. Соколов — кружком по чтению римских⁷¹. Тем не менее, сотрудники постоянно жалуются, и справедливо, на недостаток учебных часов по древним языкам⁷². Интересно, что на заседаниях Ученого совета их больше остальных поддерживает Кафедра истории средних веков...

Наряду с проблемами часов сотрудников кафедры живо интересовали вопросы преподавания. И дело шло не о набившем уже оскомину «отраслевым» преподавании древних языков студентам-историкам, поскольку ныне лишь слепой не видит, что источником историка являются не только так называемые «исторические» сочинения древних и что без досконального знания всей письменности древних никаким серьезным историком античности не стать; сотрудники кафедры обсуждали реальные проблемы, стоящие пе-

⁷⁰ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 20. Л. 29.

⁷¹ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 21. Л. 16, 49, 59, 60.

⁷² АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 19. Л. 26. Справки ради замечу, что сейчас основной курс латинского языка на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоит из 1 пары в неделю в I семестре и двух пар во втором. В третьем и четвертом семестрах обязательного курса латинского языка в учебном плане нет. Зато когда студент специализируется по профильным кафедрам (древней и средневековой истории) на третьем курсе, он вынужден заново учить курс латинского языка I курса. Если ситуация продолжит оставаться таковой, факультет будет специализироваться на выпуске заведомых «фриков» и новых «фоменко» по части античности и медиэвистики. Разумеется, положение с древними языками на исторических факультетах провинциальных вузов еще хуже, случается, что провинциальные историки античности даже читать не умеют по-гречески и по-латынски.

ред преподавателем латыни или греческого: как скорее и эффективнее научить студента, который не кончал классической гимназии и лишен культурной памяти.

Так, например, 10 апреля 1940 г. на заседании кафедры Я.В. Лавровский читал доклад «Инфинитивные обороты у Цицерона, Цезаря, Ливия и Саллюстия», который кафедралы живо обсуждали и пришли к выводу, что «Ввиду большого значения инфинитивных оборотов надо как можно раньше знакомить студентов с этими оборотами»⁷³. Кто знает, тот поймет.

В 1935 г. Президиум Академии Наук СССР присуждает Николаю Ивановичу Новосадскому степень доктора литературоведения.

В 1939 г. Новосадскому исполнилось восемьдесят лет, а также 55 лет ученой и педагогической деятельности. Как и десять лет назад, поздравления шли со всей страны, тем более, что в «Вестнике древней истории» была опубликована заметка В.Н. Гракова — ученика Н.И. Новосадского, так что многие прямо пишут о том, что узнали о юбилее из ВДИ⁷⁴. Московское отделение ИИМК в лице А. Арциховского, Б. Рыбакова, В. Городцова приветствовало юбиляра:

Глубокоуважаемый Николай Иванович, Московское отделение Института истории материальной культуры Академии Наук СССР приветствует сегодня в Вашем лице лучшего в нашей стране представителя эпиграфики, дисциплины неразрывно связанной с нашей археологической наукой. Ваши исследования показали на многих примерах, как остроумно и убедительно эпиграфика может разрешить археологические проблемы. Мастерство доказательства и высокая культура научной мысли всегда были Вашими отличительными чертами. Поэтому для археологов Ваш юбилей радостен и поздравления наши единодушны.

Поздравления от сотрудников ИФЛИ, кафедры классической филологии, Античной секции Института мировой литературы и ряда частных лиц читатель сможет целиком прочесть в Приложении к этой статье. Здесь я бы хотел привести только трогательное

⁷³ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 18. Л. 33. В 1938 г. доклады читали В.А. Домбровский «О синтаксисе латинской грамматики А.Н. Попова» (содокладчик В.С. Соколов); В.С. Соколов «Сослагательное наклонение в латинском языке». АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 22. Л. 8.

⁷⁴ Например, Ю.Ю. Марти и В.П. Пожидаев, см.: АРАН. Ф. 611. Оп. 1. Д. 13. Л. 4, 6.

письмо С.А. Жебелева, украшенное рисунком (вероятно, собственноручно академиком) греческого канфара и поздравление сотрудников кафедры древних языков. С.А. Жебелев писал Новосадскому следующее⁷⁵:

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Иванович,

В связи с исполнившимся Вашим восьмидесятилетием благосклонно примите мое душевное Вам приветствие и горячее пожелание Вам долгоденствия, доброго здравия, неизменной бодрости и энергии в Вашем столь долголетнем служении на поприще науки и просвещения будущих их деятелей. Вы много и плодотворно потрудились и для науки и для просвещения и, я уверен, будете трудиться и для нее и для души, пока хватит у Вас физических сил, и это потому, что на своем знамени Вы начертали: любовь к науке и просвещению, любовь к труду, и этому девизу оставались всегда верны. За это судьба вознаградила нас тем, что дала нам, Вашим друзьям, сослуживцам и ученикам, радость приветствовать Вас в день Вашего праздника, являющемся вместе с тем и нашим праздником.

Мне же особенно дорого приветствовать Вас и потому, что Вы, да и я, последние могикане незабвенной для нас «Соколовской школы», сыгравшей свою роль в истории изучения античного мира. Почтим же мысленно Федора Федоровича вставанием. А я мысленно поднимаю чашу за Ваше здоровье и благополучие.

Искренне Ваш
С. Жебелев
12V39⁷⁶.

⁷⁵ АРАН. Ф. 611. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

⁷⁶ Письмо другого замечательного представителя соколовской школы И.И. Толстого местами удивительно похоже на письмо С.А. Жебелева: «Глубокоуважаемый Николай Иванович! По случаю исполнившегося восьмидесятилетия Вашей славной жизни примите горячие поздравления и самые добрые душевные пожелания от человека, который издавна питает к Вам чувства глубочайшего уважения. На скольких работах Ваших учился я, скольким обязан Вам! А таких, как я, у Вас много. Но я счастлив возможностью в дни Вашего праздника жизни, который является в то же время и нашим — праздником и близких Ваших друзей, и далеких почитателей Ваших — еще раз засвидетельствовать Вам свое уважение и послать Вам и собственный свой товарищеский, неподдельный привет старого ленинградского филолога, и другой, такой же сердечный, привет от моей жены. Ваш, глубоко уважающий Вас, Ив. Толстой. 20 мая 1939 г. Ленинград 22, Песочная ул. 26^а, кв. 4». (АРАН. Ф. 611. Оп. 1. Д. 13. Л. 11).

Коллеги Новосадского по кафедре поздравили своего заведующего так⁷⁷:

Профессору
Николаю Ивановичу Новосадскому

от

Членов кафедры древних языков
Исторического факультета

М. Г. У.
1859–1939

Глубокоуважаемый и дорогой
Николай Иванович!

В знаменательный момент Вашей жизни, когда Вам исполнилось 80 лет и празднуется одновременно 55-летний юбилей Вашей плодотворной научной, преподавательской, литературной и общественной деятельности, мы, Ваши сотрудники по возглавляемой Вами кафедре древних языков Исторического Факультета Московского Государственного Университета, приносим Вам сердечное, искреннее и горячее поздравление.

Мы гордимся тем, что в Вашем лице во главе нашей кафедры стоит крупнейший специалист в области классической филологии, выдающийся знаток греческой литературы на всем протяжении ее развития, включая византийскую и новогреческую, греческой эпиграфики, особенно греческих надписей юга СССР, и греческих древностей.

Мы счастливы тем, что в Вашем лице во главе нашей кафедры стоит не только крупнейший ученый филолог, но и умудренный опытом администратор, строгий прежде всего по отношению к самому себе, затем по отношению к нам, к аспирантам и студентам. Вы упорядочили и оживили работу кафедры. Под Вашим руководством заседания кафедры стали деловыми и продуктивными. Обсуждение научных докладов, критические разборы вновь появляющейся учебной литературы по древним языкам, детальное рассмотрение программ по латинскому языку и текущих вопросов преподавания на факультете, — все это сделало наши совместные собрания в высшей степени содержательными и плодотворными. Кроме того, Вы вовлекли весь

⁷⁷ АРАН. Ф. 611. Оп. 1. Д. 12. Л. 9–10.

наличный состав кафедры в дружную работу для подъема уровня преподавания древних языков на Историческом Факультете и включили в тесное сотрудничество с смежными кафедрами факультета — кафедрами древней и средневековой истории. Преподаватели нашей кафедры делают научные доклады на заседаниях названных кафедр, выполняют переводы латинских и греческих текстов, интересующих историков античного мира и средних веков, ведут специальные занятия со студентами и аспирантами, работающими в области древней и средневековой истории, готовят учебные издания пособий для упражнений в чтении соответствующих памятников, дают консультации по переводу и разбору латинских и греческих текстов.

Но особенно мы ценим в Вас, дорогой Николай Иванович, Ваше товарищеское, в высшей степени благожелательное отношение ко всем нам, к аспирантам, к студентам. В этом отношении Вы проявляете исключительное внимание и заботливость. Вы сами сообщаете нам расписание занятий, даже номера аудиторий, принимаете меры, чтобы возможно лучше устроить все для всех. В этом сказываются Ваши личные свойства — исключительная доброта, любовь и внимание к людям, чуткость и такт. Эти свойства каждым из нас живо ощущаются при постоянном соприкосновении с Вами и оставляют у всех обаятельное впечатление. Под Вашим руководством мы все работаем дружно, четко, без всяких перебоев, затруднений и конфликтов.

Позвольте же, дорогой Николай Иванович, в день Вашего юбилея от всей души пожелать Вам здоровья, сил и бодрости на многие и многие годы, на благо Московского Университета, на пользу всем нам и дорогой для Вас и для нас учащейся молодежи.

9 июня 1939 года.

(Подписи: Д. Коновалов, Леонид Богоявленский, Владимир Домбровский, Д. Беэр, Жюстина Покровская, Я. Лавровский, Г. Поляков, Н. Скаткин, Г. Шендяпин, А. Попов).

Н.И. Новосадскому оставалось еще два года жизни. Он был погружен в работу по написанию разделов «Общее понятие лирической поэзии в Греции, элегия, ямбическая поэзия, Пиндар, Бакхилид и Тимофей» для Истории греческой литературы, подготавливаемой Институтом мировой литературы имени А.М. Горького. Этот том с написанными Новосадским материалами выйдет лишь в

1946 году. Планов было много, о чем говорят и кафедральные документы. Так, он собирался исследовать «социальные основы творчества Еврипида, литературные и эпиграфические памятники, относящиеся к вопросу о художественном образовании в древней Греции»⁷⁸, а также опубликовать ряд статей.

Единственный след Новосадского в мемуарах студентов предвоенного поколения, который мне удалось обнаружить, находится в воспоминаниях Сарры Владимировны Житомирской (1916–2002), известного историка и архивиста, заведовавшей Отделом рукописей РГБ:

Больше же всего сил и времени потребовала латынь. Античники и мы, медиевисты, учили ее все пять лет. Профессор наш, Николай Иванович Новосадский, являл собой поразительный, как будто мумифицированный реликт дореволюционного университета. Он приходил на занятия в сюртуке, шпигелем, по всей вероятности, к магистерской защите, лет тридцать или сорок назад, и говорил тем превосходным русским языком, который был уже давно утрачен в окружавшем нас мире. Требовательный, суровый и раздражительный, он никогда не вступал со своими учениками в какие-либо беседы, выходящие за пределы его предмета. Он внушал к себе уважение и страх, не позволявшие и нам запросто заговаривать с ним, как бывало с другими профессорами.

Тем более запомнилась мне последняя с ним встреча в первые дни войны, в конце июня 1941 года.

Занятия уже не шли. Мы приходили на истфак, чтобы получить в комитете комсомола задание на день: нас посылали группами на вокзалы, откуда отправлялись поезда с мобилизованными и шли такие же поезда с востока страны. Мы должны были произносить пропагандистские речи перед новыми солдатами и их рыдающими женами и матерями.

И вот, выйдя с факультета на Никитскую, я встретила Новосадского. Он выглядел еще дряхлее, чем всегда, чем месяцем раньше. Я поздоровалась, а он, вопреки своему обыкновению соблюдать дистанцию между собой и нами, остановился и спросил, продолжают ли занятия в университете. Я объяснила, как обстоят дела, и спросила о его здоровье.

— Что здоровье! — ответил он, махнув рукой. — Не кажется ли вам, что для жизни одного человека двух революций и трех войн многовато? А для страны? Да что говорить!

⁷⁸ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 20. Л. 11.

Он еще раз махнул рукой и, еле передвигая ноги, свернул к входу на истфак.

Через несколько дней мы его хоронили. На отпевании мы не решились присутствовать, но к гробу проститься пришли. Мне показалось, что на лице покойного то же выражение отчаяния, с каким он в последний раз махнул рукой.

Вместо эпилога

В 1942 г. Кафедра древних языков исторического факультета слилась с кафедрой классической филологии Университета. В 1949 году она вновь вернулась на истфак. Хочется надеяться, что эпоха Новосадского не была черновиком, а положила доброе историко-филологическое начало в основание современной кафедры, где за последние несколько лет появились и по-немногу расцветают греческая палеография, греческая эпиграфика и греческая папирология: дисциплины, которые сами собой, всей своей сутью, воплощают единство классической историко-филологической науки.

ПРИЛОЖЕНИЯ

І. Опубликовавшіеся прежде материалы о Н.И. Новосадском

1. Из сборника: Пятидесятилетіе Петроградскаго Историко-Филологическаго Института. Биографическій словарь лиц, окончивших курс института / Под. ред. В.В. Латышева. Ч. II. СПб., 1917. С. 222–225.

Новосадскій Николай Ивановичъ, сынъ протоіерея, родился 1 мая 1859 года въ Волынской губерніи. По окончаніи общеобразовательнаго курса Волынской духовной семинаріи, поступилъ въ 1879 году въ Институтъ, въ которомъ окончилъ курсъ съ отличными успѣхами по классическому отдѣленію. 10-го іюня 1883 г. былъ назначенъ учителемъ древнихъ языковъ въ Таганрогскую гимназію. Прослуживъ здѣсь одинъ годъ, 1-го іюля 1884 г. былъ командированъ въ Грецію для приготовленія къ профессорскому званію. Въ Греціи Н.И. преимущественно изучалъ эпиграфику, религіозныя и государственныя древности Эллады, пользуясь совѣтами извѣстнаго эпиграфиста Ульриха Кёлера и профессора Аѳинскаго университета Стефана Куманудиса, и совершилъ рядъ экскурсій по Греціи — въ Елевсинъ, Оивы, Дельфы, Мегары, Коринѣъ, Аргосъ, Микены, Тиринѣъ и въ южную Эссалію; побывалъ онъ и на Критѣ, который проѣхалъ отъ Кандіи до древней Леды (теперь Лебена). По возвращеніи изъ Греціи, съ 1-го августа 1886 г. Н.И. былъ назначенъ учителемъ древнихъ языковъ въ С.-Петербургскую гимназію Видемана, въ которой прослужилъ 2 года, причемъ въ 1887–8 уч. году преподавалъ греческій языкъ и въ Институтѣ. 10 мая 1887 г. защитилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ диссертацию на степень магистра греческой словесности (см. ниже, печ. тр. № 12). Съ 1 августа 1888 г. былъ приглашенъ на каѳедру греческой словесности въ Варшавскій университетъ.

Состоя профессоромъ въ Варшавѣ, Н.И. нерѣдко получалъ командировки за границу съ ученою цѣлью. Онъ работалъ въ бібліотекахъ Вѣны, Берлина, Дрездена, Мюнхена, Венеціи и Парижа. Кромѣ того, Варшавскій учебный округъ ежегодно командировалъ его, въ качествѣ депутата отъ округа, для присутствованія на испытаніяхъ зрѣлости по древнимъ языкамъ въ разныхъ гимназіяхъ Варшавы. Въ университетѣ Н.И. занималъ по избранію должности секретаря историко-филологическаго факультета (1889–1895 г.), декана факультета (1905–1906) и и. д. ректора (1905–1906). Степень доктора получилъ въ 1901 году (см. печ. тр. № 24). Въ Варшавѣ

Н.И. прослужилъ до 1-го сентября 1906 года; выслуживъ пенсію, онъ вышелъ въ отставку и переселился въ Москву. Но въ отставкѣ онъ оставался недолго. Уже въ 1907 году Московскій Археологическій Институтъ пригласилъ Н.И. занять каѳедру эпитаграфіки. Лекціи по эпитаграфікѣ Н.И. читалъ также въ открытыхъ названномъ Институтомъ курсахъ въ Смоленскѣ, Калугѣ, Ярославлѣ, Витебскѣ и Нижнемъ Новгородѣ. Въ 1909 году Н.И. былъ избранъ орд. профессоромъ на каѳедру классической филологіи въ Московскомъ университетѣ. Обѣ эти каѳедры онъ занимаетъ и въ настоящее время, состоя въ чинѣ дѣйств. статскаго совѣтника. 29 мая 1916 г. Н.И. утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора и 1 января 1917 г. награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й степени.

Н.И. состоитъ почетнымъ членомъ Имп. Московскаго Археологическаго Института и Московскаго Общества по изслѣдованію памятниковъ древности, членомъ-учредителемъ Общества исторіи, филологіи и права при Имп. Варшавскомъ университетѣ и дѣйствительнымъ членомъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества, Имп. Московскаго Археолог. Общества и Историческаго Общества при Московскомъ университетѣ.

Матеріалы для біографіи. Біографическая замѣтка въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Эфрона, т. XXI. Замѣтки по поводу 30-лѣтняго юбилея ученой и педагогической дѣятельности Н.И. были помѣщены въ журналахъ: «Гермесъ» (1914 г., № 5, съ портр.), «Педагогическій Вѣстникъ Московскаго учебнаго округа» (1914 г., № 2) и «Педагогическое Обозрѣніе» (1914, № 2).

Печатные труды:

1. Нѣсколько замѣтокъ объ Елевсиніи. (ЖМНП., 1885, іюнь).
2. Къ вопросу о культѣ Изиды въ Греціи. (тамъ же).
3. Критскія надписи. (тамъ же, іюль).
4. Археологическія раскопки въ Греціи въ 1885 году. (Записки Имп. Русскаго Археолог. Общества, новая серія, т. II, вып. 2).
5. De inscriptione Lebadiae nuper inventa. (Mitth. d. D. Arch. Instit. 1885).
6. Ψήφισμα προξενικόν ἐξ Ἀργους. (Εφη. Ἀρχαιολογ. 1885).
7. Ἐπιγραφή ἐκ Μεγάρων. (Тамъ же).
8. Котито. (ЖМНП. 1886, май).
9. Надгробная надпись изъ Никеи. (Обраб. съ В. Э. Регелемъ. Тамъ же, 1886, іюль).

10. Inscriptiones cretenses. (Mitth. d. D. Arch. Inst., 1886).
11. Einige Bemerkungen über die in den Eleusinischen Mysterien enthaltene Lehre. (Jahresbericht des Privat-Gymnasiums von Dr. H. Wiedemann. St.-Petersb, 1887).
12. Елевсинскія мистеріи. СПб., 1887. 181 стр 8°. (маг. дисс.).
13. О почитаніи реликвій у древнихъ грековъ. (Варш. Унив. Изв., 1889, No 5).
14. Supplementum ad CIA. I, 1. (Mitth. d. D. Arch. Institut., 1889).
15. Критический разборъ «Очерка греческихъ древностей», ч. 2, В.В. Латышева. (ЖМНП., 1890, мартъ).
16. Responsum Io. Toerlfero. (тамъ же, 1891, мартъ).
17. Кулъть Кавировъ въ древней Греціи. Варшава, 1891. IV+205 стр. 8°.
18. Rhetorum saeculi XII orationes politicae, ed. W. Regel et N. Novossadsky (= Fontes rerum Byzantinarum, acc. W. Regel. T. I, fasc. 1). Petrop., 1892. XX+182 стр. 8°. Изданіе Имп. Академіи Наукъ.
- 18a. То же, fasc. 2. Petr. 1917.
19. Странная критика. Отвѣтъ г. Зѣлинскому. (Варш. Унив. Изв., 1894, №№ 3, 4).
20. Ad parvum magicam Bibliothecae Parisinae Nationalis adnotationes palaeographicae. (ЖМНП., 1895, дек.).
21. Критическій разборъ сочиненія И. Фукара «Recherches sur l'origine et la nature des mystères d'Eleusis. Paris, 1895. (Тамъ же 1896, апр.).
22. Observationes criticae in hymnos Orphicos. (Сборникъ «Χορὸστῆρια» въ честь Θ.Е. Корша. Москва. 1896).
23. Нѣсколько замѣтокъ къ анонимному стихотворенію τὰ περὶ βοτάνων. (Варш. Унив. Изв., 1897. № 9).
24. Орфическіе гимны. Варшава. 1900. IV+241+LXXXIV стр. 8° (докт. дисс.).
25. Педагогическіе идеалы Платона. (Варш. Унив. Изв. 1904, №№ 1, 2).
26. Древнегреческіе эксегеты. (ЖМНП, 1905, февр.).
27. Критическая замѣтка о статьѣ А.М. Придика «Греческіе папирусы. Варш., 1907» (Гермесъ, 1908, № 2).
28. Греческая эпиграфика. 1. Москва, 1909. II+238+IV стр. 8°.
29. В.В. Латышевъ. Повтикá. Изборникъ научныхъ и критическихъ статей etc. СПб., 1909 (рецензія, Гермесъ, 1910, №№ 11-12).

30. A. Wilhelm, Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde. Wien, 1909 (рецензія, Гермесь, 1910, № 15).
31. Экскурсія слушателей Московскаго Археологическаго Института на мѣста древне-греческихъ колоній сѣвернаго побережья Чернаго моря въ іюль—августъ 1910 года (Отчетъ о дѣятельности Моск. Арх. Института за 1909/10 г.).
32. Рецензія книги С.И. Гинтовта: Бесѣды по методикѣ латинскаго языка. СПб., 1910. (Гермесь, 1911, № 10).
33. А. Артюшковъ. Котурнь и маски. Москва, 1912 (рецензія: Гермесь, 1912, № 8).
34. Дѣятельность перваго археологическаго сѣзда членовъ Московскаго Археологическаго Института. (Рѣчь. См. Извѣстія Сѣзда, засѣд. 29 мая. Москва, 1913).
35. Рецензія книги Е.Г. Кагарова: Культъ фетишей, растений и животныхъ въ древней Греціи. СПб., 1913. (ЖМНП, 1914, февраль).
36. Нѣсколько замѣтокъ о греческихъ христіанскихъ надписяхъ. (Сборникъ въ честь В.П. Бузескула. Харьковъ, 1914).
- 28а. Греческая эпитафіка. I. Изданіе второе. Москва, 1915. III + 253+ IV стр. 8°.
37. Критическія замѣтки къ магическимъ папирусамъ. (Гермесь, 1915, № 15–16).
38. Рецензія книги Б.Л. Богаевского: Земледѣльческая религія Аѳинъ. Т. I. Петрогр., 1916. (Гермесь. 1916, № 18).
39. Д.А. Жаринонъ, Н.М. Никольскій. С.И. Радцигъ и В.Н. Стерлигова Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Часть II. Греція. М., 1917 (рецензія. Гермесь, 1917, № 1).
40. Амулетъ съ именемъ 'Ακτιῶφι. (Сборникъ въ честь В. К. Мальмберга. М., 1917).
41. Борьба съ повышеніемъ цѣнъ въ древней Греціи. (ЖМНП, 1917, февраль).
42. Состоялъ въ 1902–1904 годахъ редакторомъ «Записокъ Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ».

Дополнения из дела: АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 1:

44. А.А. Захаров. Эгейскій мир. М., 1918 (рецензія, Гермес, 1918, вып. I).
45. Древний мир на юге России. Изборникъ источников, под ред. Б. Тураева, И. Бороздина и Б. Фармаковскаго. М., 1918 (рецензія, Гермес, 1918, вып. II).

46. Две керамические древнегреческие надписи, найденные на юге России (Труды Отдел. Археологии и Искусствознания Моск. Научно-Исследо. Института. Москва, 1926).
47. К.Э. Гриневич. Херсонесский Сборник. I. Стены Херсонеса Таврического. Севастополь, 1926 (рецензия, «Новый Восток», кн. 15^я. Москва, 1926).
48. Несколько заметок к надписям, помещенным во втором издании ПРЭ, 1916 // Сборник статей в честь С.А. Жебелева. 1926. С. 76–88.
49. Несколько заметок о композиции первой книги Геродота (Известия Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии. Симферополь, 1927).
50. Аристотель. Поэтика. Перевод, введение и примечания. Ленинград, 1928. 8⁰, 120 стр.
51. Неизданные македонские надписи (Труды Секции Археологии Московск. Научно-Исследов. Института, т. II. Москва, 1928).
52. Реализм Гезиода (Известия Академии Наук СССР, 1928, № 2).
53. Боспорские фиасы (Труды Секции Археологии Московск. Научно-Исследов. Института, т. III. Москва, 1928).
54. Последние годы борьбы Митридата с Римом (Труды Секции Археологии Московск. Научно-Исследов. Института, т. IV. Москва, 1928).
55. Древний топорик, хранящийся в Московск. Историческом Музее (Труды Секции Археологии Московск. Научно-Исследов. Института, т. V. Москва, 1930).
56. Греки. Этнологический очерк (Большая Советская Энциклопедия. Т. 19. Москва, 1930).
57. Эпиграфика (Большая Советская Энциклопедия. Т. 64. Москва, 1933, 510 сл.).
58. Неизданная надпись Темрюкского музея // ДАН-В. 1930. № 12. С. 224–227.
59. Художественное воспитание в древней Греции (в рукописи). (Издано: Художественное воспитание в древней Греции // ВДИ. 1940. № 2. С. 52–64).
60. Античная эпиграфика в СССР с 1917 по 1937 (в рукописи). (Издано: Античная эпиграфика в СССР за 20 лет. (1917–1937) // ВДИ. 1938. № 4. С. 200–213).
61. Классическая филология в Московском Университете (от 1755 по 1935 г.) (в рукописи).

62. Вторая книга Энеиды Вергилия при свете античных школьных пособий (в рукописи).
63. История греческой литературы. Под ред. С.И. Соболевского, В.В. Горнунга, Э.Г. Гринберга, Ф.А. Петровского и С.И. Радцига. М., 1946.

Труды литографированные:

1. История греческой литературы. I. Эпос и лирика. 7^е литограф. издание. Москва, 1910. 4⁰, 247 стр.
2. История греческой драмы. I. Трагедия. 5^е литограф. издание. Москва, 1912. 4⁰, 223 стр.
3. Греческие древности. Варшава, 1890. 4⁰, 303 стр. 2^е издан. Варшава, 1903. 4⁰, 412 стр.
4. Hesiodus. Варшава, 1897. 4⁰, 102 стр.
5. Homeri Pias XXIV. Варшава, 1897. 4⁰, 64 стр.
6. Объяснение оратора Андокида. Варшава, 1897. 4⁰, 128 стр.
7. Объяснение Демосфена. Варшава, 1901. 4⁰, 118 стр.
8. Исократ. Панегирик. Варшава, 1890. 4⁰, 225 стр. 2^е издан. Варшава, 1905. 4⁰, 131 стр.
9. Оратор Лисий. Перевод и объяснения. Варшава, 1890, 1893, 1898, 1904. Москва, 1913. 4⁰, 576 стр.
10. Фукидид. История Пелопонесской войны. Кн. I. Москва, 1911. 4⁰, 87 стр.
11. Оратор Эсхин. *Пері паралрροβείας*. Москва, 1912. 4⁰, 164 стр.

Доклады:

В Научно-Исследовательском Институте.

1922 год:

26 ноября. О древне-греческих фиасах на северном побережье Черного моря.

7 декабря. Очерк научной деятельности академика А.В. Никитского.

1923 год:

23 апреля. Новое издание античных надписей юга России.

22 ноября. Древнегреческие заклятия, найденные на юге России.

1924 год:

11 февраля. Неизданные македонские надписи.

25 ноября. Геродотовские этюды. I. О композиции первой книги Геродота. II. Об элементах народного творчества у Геродота (первая книга).

16 декабря. Вторая книга Энеиды Вергилия при свете античных школьных пособий.

1925 год:

19 мая. Реализм Гезиода.

16 декабря. Исторические судьбы Поэтики Аристотеля в Западной Европе.

1926 год:

3 марта. Отражение быта в терминологии македонских надписей.

12 мая. Исторические судьбы Поэтики Аристотеля в России.

13 октября. Античный мир в работах Керченской Юбилейной Археологической Конференции.

1927 год:

23 февраля. Критический анализ текста «Поэтики» Аристотеля.

18 марта. Художественное воспитание у древних греков по данным археологии, эпиграфики и литературы (Отдел археологии).

9 ноября. Античный мир в работах Херсонесской Археологической Конференции.

30 ноября. Критические и эгзегетические заметки к некоторым Херсонесским надписям.

1928 год:

15 февраля. Критический анализ источников о последних моментах борьбы Митридата с Римом.

7 мая. Общества и профессиональные союзы в древней Греции (Секция археологии).

3 декабря. Античная Керченская чашка из Эрмитажа с надписью.

3 декабря. Надпись на древнем Симбирском топорике, хранящемся в Московском Историческом Музее.

1929 год:

14 мая. Социальные основы художественных образов Еврипида.

14 октября. Неизданная надпись фиасотов, хранящаяся в Ново-черкасском Музее.

21 октября. Библиограф. доклад.

1930 год:

27 марта. 1) Неизданная надпись, найденная на Гераклеийском полуострове. 2) Неизданная надпись Темрюкского Музея.

10 апреля. Новые эпиграфические находки на юге СССР (доклад в ВОКС).

24 сентября. РАНИОН. Эпиграфика в СССР в 1917–1930 году.

1931 год:

9 мая. Торговля и торговые пути древне-греческих колоний северного побережья Черного моря в доалександрийский период.

18 октября. Торговля и торговые пути древне-греческих колоний северного побережья Черного моря в эллинистический и римский периоды.

2. Граков Б.Н. Николай Иванович Новосадский. (80 лет жизни и 55 лет ученой и педагогической деятельности) // ВДИ. 1939. № 2. С. 172–173.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ НОВОСАДСКИЙ

(80 лет жизни и 55 лет ученой и педагогической деятельности)

Н.И. Новосадский родился на Украине в гор. Изяславе 1/14 мая 1859 г. Весною 1883 года он блестяще окончил курс по отделению классической филологии в Петербургском Историко-филологическом институте. Только год после этого он пробыл преподавателем древних языков в Таганрогской гимназии. Вся его дальнейшая жизнь неразрывно до сего дня связана с научной работой и педагогической деятельностью в высшей школе.

Разносторонность ученых интересов Николая Ивановича отразилась и в разнообразии его печатных трудов, в широте и разнообразии читавшихся им университетских курсов и особенно в том, что едва ли найдется хотя бы одна отрасль науки об античности, в которой бы он не имел своих учеников: среди них есть и историки, и филологи, и археологи.

В 1886 году Николай Иванович после возвращения в Петербург из научной командировки в Грецию был сначала назначен преподавателем древних языков в одну из тамошних гимназий (д-ра Видемана). Но уже в августе 1888 года Варшавский университет избрал его профессором греческой литературы, варшавский период деятельности для Николая Ивановича был временем оживленной работы. Молодой профессор в заграничных командировках ревностно изучал библиотеки и музеи Вены, Парижа, Берлина и т. д. и т. д., раскопки в Помпеях и Неаполитанский музей. Результат

его деятельности отразился в ряде статей и в двух больших работах: 1) «Культ кавиров в древней Греции» (1891 г.) и 2) «Орфические гимны» (1900). Последняя работа принесла автору степень доктора греческой словесности в марте 1901 г. В этот же период Николай Иванович дал совместно с В.Э. Регелем критическое издание «*Rhetorum saeculi XII orationes politicae*» (1892). В этих «Речах» был впервые опубликован важнейший материал из истории социальной и политической, а особенно международной жизни Византии.

В 1906 году Николай Иванович вышел на пенсию и попытался поселиться на покое в Москве. Но его имя и значение, вместе с любовью к деятельности, не позволили ему отдыхать: он немедленно был привлечен к работе в Московском Археологическом институте и занимал в нем кафедру эпиграфики с 1907 по 1921 г. Историко-филологический факультет Московского университета избрал Николая Ивановича на кафедру греческой литературы, которая и оставалась за ним непрерывно двадцать лет, с июня 1909 г. по сентябрь 1929 г. С учреждением исторического факультета МГУ Николай Иванович сначала вошел в него как профессор по древним языкам, а ныне заведует кафедрой древних языков.

С началом революции область ученой деятельности Н.И. расширилась. С мая 1919 года он заведывал отделом классической филологии Всесоюзной библиотеки имени В.И. Ленина. Здесь он проработал 15 лет, причем успел составить огромный систематический каталог в своей области и дал, как нам удалось узнать, свыше двух тысяч научных консультаций читателям.

С образованием РАНИОН Н.И. вошел в него действительным членом по секциям античной литературы и археологии. Там он состоял вплоть до закрытия ассоциации, сделал за десять лет около тридцати докладов. Статьи в «Известиях и докладах Академии наук», в Большой Советской Энциклопедии, в «Гермесе», в трудах секции Археологии РАНИОН и т. д. непрерывной вереницей сопровождают его фундаментальные труды московского периода деятельности:

1) Его «Греческая эпиграфика» (1909 и 1915–2 изд.), где дается очерк истории и состояния эпиграфики по отношению к открытиям в России, единственный по своей полноте. 2) В 1927 году он продолжил издание речей византийских ораторов XII века. 3) В том же году вышел в свет его перевод «Поэтики» Аристотеля с примечаниями и введением. В 1917 году Академия Наук СССР избрала его своим членом-корреспондентом, а с введением вновь ученых

степеней немедленно присудила ему ученую степень доктора литературоведения. Это внимание Академии Наук было отдарено Н.И. полностью его работами в печатных органах Академии и деятельностью в Институте мировой литературы имени Горького.

За пятьдесят лет педагогической деятельности Н.И. читал и историю греческой литературы, и греческие государственные и сакральные древности, и греческую и латинскую эпиграфику, и толковал античных авторов и т. д. и т. д. Его литографированные курсы служили не только пособиями, но вошли в ученый обиход: на них делаются ссылки, они стоят на полках специальных ученых библиотек.

Более восьмидесяти ученых трудов, из которых последний только что появился на страницах «Вестника Древней Истории», — плод его многолетнего плодотворного труда. Ссылки и рецензии на труды его в общих работах и эпиграфических сводах, в частности в *Inscriptiones Graecae* (Ларфельда, Шабера, Робертса и Гарднера, Мишеля, Диттенбергера) и в журналах, и русских и иностранных, полностью отражают высокую оценку деятельности Н.И. в отечественной международной литературе. Пожелаем Н.И. еще на долгие годы сохранить ту же энергию и здоровье на пользу советской науки и нашей родины.

II. Архивные материалы

1. Автобиография⁷⁹

Curriculum vitae

Члена-Корреспондента Академии Наук СССР Н.И. Новосадского

Н.И. Новосадский родился 1-го мая 1859 года в селе Великих Пузырьках Вольнской губернии Изяславского уезда. По окончании средней школы поступил в 1879 году в С.-Петербургский Историко-филологический Институт, который окончил в 1883 году. 10-го июня 1883 года был назначен преподавателем древних языков и русского в Таганрогскую гимназию, а 1-го июня 1884 года командирован в Грецию на два года для подготовки к профессуре. По возвращении из Греции с 1-го августа 1886 года был назначен преподавателем С.-Петербургской гимназии Д-ра Видемана. 9-го мая 1887 года защитил в С.-Петербургском Университете диссертацию «Елевсинские мистерии» на степень магистра греческой словесности. 24 ноября 1887 года назначен преподавателем греческого языка

⁷⁹ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 1. Лл. 11–12.

в С.-Петербургском Историко-филологическом Институте с сохранением службы в Гимназии Д-ра Видемана.

1-го августа 1888 года был избран профессором Варшавского Университета по кафедре греческого языка и словесности. Во время службы в Варшаве Н.И. Новосадский получал нередко командировки за границу с ученою целью (1890, 1892, 1894, 1896, 1904). Работал в библиотеках Парижа, Берлина, Вены, Мюнхена, Дрездена и Венеции. Изучал археологические раскопки в Помпее. 18-го марта 1901 года защитил в Новороссийском Университете диссертацию «Орфические гимны» на степень доктора греческой словесности.

2-го сентября 1906 года Н.И. Новосадский был освобожден, согласно прошению, от службы в Варшавском Университете и приехал в Москву. 22-го декабря /1907 г./ Н.И. был избран преподавателем бывш. Московского Археологического Института, в котором прослужил до 1-го сент. 1921 года. 30-го июня 1909 года утвержден, согласно избранию факультета, профессором 1-го Московского Университета, в котором прослужил непрерывно до 1-го сент. 1929 года. 22-го мая 1919 года Н.И. Новосадский был назначен Заведующим Отделом классической филологии в Публичной Библиотеке В.И. Ленина, состоявшим в должности профессора Московского 1-го Университета.

19-го мая 1916 года Новосадский был утвержден в звании заслуженного профессора. 29-го дек. 1917 г. избран в Члены-Корреспонденты Академии Наук.

Б. Преподавательская деятельность Н.И. Новосадского

В Варшавском Университете (1888–1906), Московском Археологическом Институте (1907–1921) и 1-м Московском Университете (1909–1929) Н.И. Новосадский читал следующие курсы:

1. История греческой литературы (общий курс и специальные курсы по истории греческого эпоса и лирики, истории драмы и истории греческой прозы).
2. Греческое государственное право.
3. Греческие сакральные древности.
4. Греческая эпиграфика.
5. Латинская эпиграфика.
6. Объяснял авторов: Гомера, Гезиода, Эсхила, Софокла, Еврипида, Пиндара, Андокида, Лисия, Исократа, Демосфена, Геродота, Фукидида, Платона и Аристотеля.

Кроме того, Н.И. Новосадский вел семинары по Эсхилу, Аристотелю, Пиндару, по истории греческого эпоса, по греческой трагедии, по греческой и латинской эпиграфике.

В. Школа проф. Н.И. Новосадского

Из семинариев Н.И. Новосадского вышла целая школа научных работников. Таковы:

1. Штрауберг К.И., профессор по кафедре античных литератур и эпиграфики Рижского Университета (Латыш, работал в семинариях 1912/13 и 1913/14 года).
2. Соловьев С.М., переводчик Эсхила («Прометей», М., 1927), Вергилия (1933) и Сенеки (1933). Работал в семинариях 1909/10 и 1913/14 г.
3. Нилендер В.О., переводчик Гераклита (М., 1910). Подготавливает к печати перевод трагедий Софокла и греческих лириков размером подлинника. (Семинар. 1910/11, 1912/13).
4. Чесноков А.Г. Изучает народное древнегреческое творчество. (Семинар. 1917/18 и 1920/21).
5. Зограф А.Н. — лучший из знатоков античной нумизматики в СССР. Напечатал ряд статей в русских и иностранных журналах. (Семинар 1909/1910).
6. Беэр Дарья Васильевна, перевела размером подлинника Идиллии Феокрита и шесть трагедий Еврипида (в рукописи). (Семинар. 1912/13 и 1913/14).
7. Граков Б.Н., лучший в СССР специалист по греческим керамическим надписям. Напечатал ряд статей в русских и иностранных журналах и книгу «Древне-греческие керамические клейма с именами астиномов». М., 1929. 8⁰, 223 стр.+табл. (Семинар 1920/21).
8. Розанова Н.П., — открыла в Керчи памятник Комасарии и прочитала о нем доклад на Казанской Археологической Конференции (Сент. 1926). Изучала под моим руководством боспорские надписи, как источник для изучения классовых отношений населения древне-греческих колоний северного побережья Черного моря. (Семинар. 1922/23).
9. Рыбакова М.И., бывш. библиотекарь Коммунистической Академии и техн. редактор словарей, издаваемых Советской Энциклопедией. Изучала под моим руководством Херсонесские надписи, как источник социально-экономических отношений населения древне-греческих колоний северного побережья

Черного моря. Активная участница Керченской и Херсонесской Археологических Конференций в 1926 и 1927 г. (Семинар. 1922/23).

10. Барбужян Е.А., Завед. Археологическим Музеем в Эривани. Изучал под моим руководством Кавказские эпиграфические памятники. Подготавливает к печати античные надписи Армении. (Семинар. 1923/24 г.).

2. Аттестат о службе Николая Ивановича Новосадского, выданный ректором Варшавского Университета. 8 января 1907 года⁸⁰

Аттестат

Предъявитель сего бывший ординарный профессор ИМПЕРАТОРСКОГО Варшавского Университета по кафедре греческого языка и словесности, декан историко-филологического факультета, и. д. ректора, доктор греческой словесности, Статский Советник Николай Иванович НОВОСАДСКИЙ, как видно из формулярного о его службе списка, родился 1 мая 1859 года, вероисповедания православного. Кавалер орденов: Св. Владимира 4 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Станислава 2 ст. и имеет серебряную медаль в память царствования ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III. Содержания получал : жалованья 3000 руб., прибавки за службу в губерниях Царства Польского 1000 руб. и по должности декана 400 руб., итого 4400 руб. в год. По должности состоял в V классе. Происходит из духовного звания; уроженец Волынской губернии. Имена родового и благоприобретенного как у него самого, так равно у его родителей и у жены его не значится. По окончании курса в ИМПЕРАТОРСКОМ С.-Петербургском историко-филологическом Институте, Г. Министром Народного Просвещения назначен преподавателем древних языков в Таганрогскую гимназию 1883 года июня 10. Получил третное не в зачет жалованья в размере 250 рублей 1883 года августа 31. Предложением Г. Попечителя Одесского Учебного Округа назначен классным наставником III параллельного класса на 1883/4 уч. год 1883 года сентября 6. По ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению 12 июня 1884 года командирован на два года в Грецию с ученою целью с отставлением от должности 1884 года июня 30. По возвращении из Греции предложением Г. Попечителя С.-Петербургского Учебного Округа от 9 июля 1886 года за № 5351 определен на службу в С.-Петербургскую гимназию Видемана преподавателем греческого языка 1886 года августа 1. ИМПЕРАТОРСКИМ Германским Археологическим Институтом избран

⁸⁰ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 4.

членом-корреспондентом в Берлине, Риме и Афинах, с 1886 года февраля 21. Удостоен степени магистра греческой словесности /диплом С.-Петербургского Университета 7 октября 1887 года № 1964/. С сохранением службы в гимназии Видемана определен Г. Министром Народного Просвещения 1 декабря 1887 года, за № 17269 преподавателем греческого языка в историко-филологическом Институте, по найму, с 1887 года ноября 24. В означенной должности состоял до 1 августа 1888 года. Г. Министр Народного Просвещения от 8 июля 1888 года за № 10076, изволил утвердить его экстраординарным профессором ИМПЕРАТОРСКОГО Варшавского Университета по кафедре греческого языка и словесности, с жалованием 2000 руб. в год с 1888 года августа 1. По избранию в Совет Варшавского Университета, утвержден членом редакционной комиссии по изданию Университетских Известий и факультетских сборников на 1889 год 1888 года декабря 20. По избранию в Совет Варшавского Университета, утвержден секретарем историко-филологического факультета, с жалованием по 250 руб. в год на три года, с 10 октября 1889 года. Выдано ему, на основании ВЫСОЧАЙШЕГО повеления от 13 июня 1886 года, подъемных и прогонных денег 400 руб., с вычетом 10 % в пользу инвалидов из пособия на подъем /предложение Г. Попечителя Варшавского Учебного Округа, от 17 января 1889 года за № 591/. ВЫСОЧАЙШИМ приказом по Министерству Народного Просвещения, от 21 апреля 1890 года за № 6, командирован, с ученою целью, в Россию и за границу на летнее вакационное время и 29 дней. Из командировки на срок явился. ВЫСОЧАЙШИМ приказом по Министерству Народного Просвещения, от 30 марта 1891 года за № 4, командирован за границу, с ученою целью, на летнее вакационное время, с пособием в 250 руб. из специальных средств. Из командировки на срок явился. По избранию в Совет, утвержден секретарем историко-филологического факультета, с жалованием по 250 руб. в год, на три года с 1892 года октября 10. ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован кавалером ордена Св. Анны 3 степени 1894 года января 1. Уволен от должности секретаря историко-филологического факультета, за выслугою в оной трехлетнего срока 1895 года октября 10. ИМПЕРАТОРСКИМ Русским Археологическим Обществом избран в члены-сотрудники. Г. Министром Народного Просвещения назначено ему прибавочное жалованье за выслугу 1го пятилетия в губерниях Царства Польского, в размере 25 % из штатного оклада 2000 руб., т. е. по 500 руб. в год, с 1 августа 1893 года, 1896 года февраля 7. На основании ВЫСОЧАЙШЕГО указа 26 февраля 1896 года, получил серебряную медаль для ношения на груди на Александровской ленте, в

память царствования ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, 1896 года мая 21. ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован кавалером ордена Св. Станислава 2 степени 1898 года января 1. ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведомству, от 18 октября 1898 года за № 78, утвержден в чине Коллежского Секретаря, по степени кандидата С.-Петербургского историко-филологического Института, со старшинством с 10 июня 1883 года. С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения, изъясненного в предложении Г. Министра Народного Просвещения от 29 марта 1899 года за № 7601, командирован, с ученою целью, за границу, сроком на летнее вакационное время и по 1 сентября 1899 года. Г. Министр Народного Просвещения, от 9 июня 1900 года за № 15134, изволил назначить ему, за выслугу установленного срока в губерниях Царства Польского, прибавочное жалованье, в размерах 50 % из оклада штатного жалованья 2000 руб., т. е. по 1000 руб. в год, с прекращением прежней прибавки, с 1 августа 1898 года. ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведомству, от 21 октября 1900 года за № 78, произведен, за выслугу лет, в Титулярные Советники, со старшинством с 10 июня 1886 года. После публичного защищения написанной им диссертации, под заглавием: «Орфические гимны», Советом ИМПЕРАТОРСКОГО Новороссийского Университета утвержден в степени доктора греческой словесности, 1901 года апреля 13. ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведомству, от 10 августа 1901 года за № 64, назначен ординарным профессором ИМПЕРАТОРСКОГО Варшавского Университета по занимаемой им кафедре греческого языка и словесности с 1901 года июня 1. ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведомству, от 29 октября 1901 года за № 80, произведен, за выслугу лет, в Коллежские Ассесоры, со старшинством с 11 июля 1889 года. ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведомству, от 5 ноября 1901 года за № 81, произведен, за выслугу лет, в Надворные Советники, со старшинством с 11 июля 1893 года. ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведомству, от 12 ноября 1901 года за № 82, произведен, за выслугу лет, в Коллежские Советники, со старшинством с 11 июля 1897 года. ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован кавалером ордена Св. Анны 2 степени, 1902 года января 1. ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведомству, от 12 ноября 1902 года за № 92, произведен, за выслугу лет, в Статские Советники, со старшинством с 11 июля 1901 года. Г. Министр Народного Просвещения, телеграммой от 7 сентября 1905 года, утвердил его деканом историко-филологического факультета, согласно избранию, с 6 сентября 1905 года. За Министра Народного Просвещения, Г. Товарищ Министра, от 17 декабря 1905 года за № 27222, на основании ст. 691

т. XI ч. 1 Св. Зак., изд. 1893 года, и § 1 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденных 27 августа 1905 года Временных правил об управлении высшими учебными заведениями, утвердил его исполняющим должность ректора на случай болезни или отлучки последнего. От положенного по смете специальных средств вознаграждения в размере 500 руб. по должности и.д. ректора Университета профессор Новосадский отказался. ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведомству, от 1 января 1906 года за № 1, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован кавалером ордена Св. Равноапостольного князя Владимира 4 степени. С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения, изъясненного в предложении Г. Попечителя Варшавского Учебного Округа, от 14 апреля 1906 года за № 8754, командирован, с ученою целью, за границу, сроком с 1 июня по 20 августа 1906 года. ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведомству, от 2 сентября 1906 года за № 68, уволен от службы, согласно прошению, с мундиром означенной должности присвоенным, с 1906 года сентября 2. В походах против неприятеля и в самих сражениях не был. Под судом и следствием не состоял и никакими наказаниями или взысканиями, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе, не подвергался. В отпусках был: в 1892 году от 22 января по 11 февраля, с 7 по 16 апреля, с 5 по 15 мая и с 7 июня по 15 июля; в 1894 году с 5 по 15 июня; в 1896 году с 23 мая по 6 июня; в 1899 году с 13 по 25 марта; в 1901 году с 11 по 22 марта и с 10 по 18 мая; в 1902 году с 9 по 22 мая; в 1903 году с 8 по 22 мая и в 1905 году с 14 по 24 мая. В отставке был без награждения чином от 30 июня по 1 августа 1886 года. Женат с 2 июля 1892 года на потомственной почетной гражданке, девице Екатерине Николаевне Щекиной, родившейся 22 октября 1869 года; у них дочь Александра, родившаяся 2 июля 1893 года. Жена и дочь вероисповедания православного и находятся при нем. За Министра Народного Просвещения, Г. Товарищ Министра, от 4 декабря 1906 за № 12877, на основании Св. Зак. т. III, изд. 1896 года, Уст. о пенс. и един. пособ. ст.ст. 194, 242, 321 и 360, равно /по прод. 1902 года/ Положения об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского ст.ст. 37, 43 и 54, за свыше 23-х летнюю службу, в том числе, более 18 лет в губерниях Царства Польского, назначил ему, Статскому Советнику Николаю Новосадскому, пенсию в размерах полного оклада жалованья, присвоенного должности ординарного профессора Варшавского Университета по штату 8 июня 1869 года, а именно по три тысячи рублей в год, с производством таковой со дня увольнения его от службы — 2 сентября 1906 года — из Московского Губернского Казначейства.

В засвидетельствование вышеизложенного, на основании Св. Зак. т. III, изд. 1896 года, Уст. по сл. по опр. от Правит. ст. 818, и выдается бывшему ординарному профессору ИМПЕРАТОРСКОГО Варшавского Университета, Статскому Советнику Николаю Ивановичу Новосадскому настоящий аттестат за надлежащим подписанием и с приложением казенной печати.

Г. Варшава. Января 8 дня 1907 года.

Ректор ИМПЕРАТОРСКОГО
Варшавского Университета,
ординарный профессор,
Действительный Статский Советник Е. Карский.

3. Инструкция Н.И. Новосадскому, командируемому в Грецию на два года с ученою целью, выданная историко-филологическим Институтом. 1884 год⁸¹

Цель командировки Г. Новосадского подготовка к ученой и профессорской деятельности по науке классической древности. Изучение сохранившихся памятников древности, знакомство с классическою странюю, ближайшее ознакомление с приемами научного исследования памятников — наилучшим образом послужат такому подготвлению: некоторые стороны его только в Греции становятся возможными; другие более легкими. — Для изучения реальной стороны науки классической древности пребывание в Греции представляет богатые средства, незаменимые удобства; между тем как опыт показывает, что можно сделаться отличным эллинистом-филологом, первым знатоком греческого языка, не побывав в Греции. Не все отделы классической науки, с особенным удобством изучаемые в Элладе, в одинаковой степени тесно связаны с изучением языка: но из этих отделов эпиграфика, изучение надписей, столь важное для изучения реальных древностей, ближе всех к формальной стороне науки, теснее и неразрывнее соединено с изучением языка. Вот главная причина того, что предшественники Г. Новосадского, бывшие воспитанники ИМПЕРАТОРСКОГО С.-Петербургского историко-филологического Института, во время командировки в Грецию занимались преимущественно эпиграфикой. Вероятно и Г. Новосадский найдет целесообразным избрать эпиграфику главным предметом своих занятий. Необходимо приобрести навык в списывании надписей, в определении

⁸¹ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 2.

их времени. Надписи, хранящиеся в афинских музеях, представляют богатый материал для такой подготовительной работы. Полезно для упражнения списать какую-нибудь трудночитаемую надпись из числа уже изданных и потом сверить свою копию с изданиями. Необходимо изучить литературу изданий надписей и перед поездкой в какую-либо область Греции навести справки о тех местных надписях, которые уже найдены и изданы. — Г. Новосадский поступит благоразумно, если через 3–4 месяца после начала командировки изберет себе тему для магистерской диссертации, имеющую отношение к эпиграфическому материалу: тогда к концу командировки его диссертация может быть окончена или сильно подвинута. Выбор темы диссертации, тем отдельных статей предоставляется вполне усмотрению Г. Новосадского. Новые элевсинские открытия могут придать еще больший интерес теме об элевсинском культе (в связи с историей Элевсина), которую Г. Новосадский разработал в своем прекрасном студенческом сочинении. Последнее столетие до Р.Х. знакомо Г. Новосадскому по другой его студенческой работе; от этого века сохранилось — и вновь открывается — много документов. Наконец и лучшее время афинской истории — V и IV века — может представить много тем для разработки, несмотря на богатство новой литературы, потому что почти каждый пункт и параграф общепринятого изложения греческих государственных древностей приходилась в новейшее время проверять и переделывать по вновь найденным надписям. — История, искусства, топография, нумизматика требуют особой специальной подготовки и могут поглотить все время занятий в Греции; Г. Новосадскому предоставляется определить самому, сколько времени может он посвятить этим отделам науки классической древности.

Нечего распространяться о важности научных поездок по Элладе: Г. Новосадский совершит столько поездок, сколько позволят его денежные средства. Находящийся теперь в Греции Г. Никитский выразил желание, чтобы археологические поездки 1884/85 года были произведены им вместе с Г. Новосадским. Без сомнения совместное путешествие было бы во многих отношениях удобнее: гораздо легче списать вдвоем надпись, описать остатки древностей; приобретенная уже Г. Никитским опытность облегчит дело Г. Новосадскому. Можно ожидать добрых результатов от поездки, например, в Фессалию; но и в выборе областей Эллады для археологических экскурсий нельзя стеснять Г. Новосадского.

Плодотворное влияние на успешность работ русских молодых ученых в Греции оказывали без сомнения близкие и дружествен-

ные отношения с учеными разных национальностей, постоянно трудящихся в Греции. Г^ну Новосадскому рекомендуется войти в такие же добрые отношения с греческими, немецкими и французскими учеными. Г. Новосадский должен старательно избегать всего, что могло-бы возбудить неудовольствие греческих официальных лиц или ученых. Нет никакой нужды держать в тайне те надписи или те вещи, которые случится отыскать; нет никакой нужды стараться какую-нибудь вещь секретно провезти в Россию; всякую находку следует жертвовать в афинское археологическое общество. Цель командировки Г. Новосадского не в том, чтобы собирать и провозить коллекции. Предшественники Г. Новосадского Гг. Латышев, Корольков, Никитский сумели прекрасно научиться по-новогречески. Было-бы превосходно, если Г. Новосадский мог, например на второй год командировки, написать небольшую статью на новогреческом языке для Ἐφημερίς Ἀρχαιολογική. Знакомство с почтеннейшим Ст. Кумануди и другими греческими учеными необходимо. — Гг. Кёлер и Фукар оказали уже много услуг нашим молодым ученым своими советами и тою благосклонностью, с которыми они открыли библиотеки вверенных им учреждений свободному пользованию наших ученых. Можно надеяться, что они не откажут в той же благосклонности и Г. Новосадскому; а он со своей стороны постарается отплатить им вкладами в *Mittheilungen des deutschen arch. Insitutes* и в *Bulletin de Correspondance Hellénique*. —

Г. Новосадскому ставится в обязанность представлять Г. Директору ИМПЕРАТОРСКОГО С.-Петербургского историко-филологического Института отчеты о своих занятиях за каждое полугодие. Содержанием отчетов может служить, кроме изложения хода собственных занятий, реферат о производимых в Греции раскопках, о научных открытиях, о новых работах ученых разных национальностей. Самостоятельное исследование какого-либо научного вопроса, издание и объяснение найденной самим Г. Новосадским или неизданной до сих пор надписи может заменить отчет. — Г. Новосадский будет кроме того извещать о своих занятиях Профессора Соколова частными письмами.

В этой инструкции уже упомянуты трудолюбивые и талантливые предшественники Г. Новосадского в русских археологических работах в Греции. Прекрасные труды Гг. Латышева, Королькова, Никитского — лучшие образцы для Г. Новосадского. ИМПЕРАТОРСКИЙ Историко-филологический Институт вполне надеется, что Г. Новосадский сравняется со своими старшими товарищами.

Можно также надеяться, что почтенный отец архимандрит Анатолий не откажет и Г. Новосадскому в своем добром покровительстве.

Ученый секретарь Ф. Соколов

4. Отзывы акад. С.А. Жебелева об ученой деятельности Н.И. Новосадского. 1927, 1939 гг.⁸²

Отзыв об ученой деятельности Н.И. Новосадского

Более 40 лет трудится Н.И. Новосадский на научном поприще. Начало его исследовательской деятельности восходит к 1885–86 гг., когда он, по окончании Историко-Филологического Института в СПб., был командирован для научных занятий в Грецию, где и провел два года, не только работая в афинских музеях, библиотеках и изучая памятники далекого прошлого Афин, но и совершив с научной целью ряд поездок в различные места Эллады, а также на остров Крит. Во время этих поездок Н.И. Новосадскому посчастливилось найти и несколько надписей, дотоле неизвестных. Во время пребывания в Греции определился и круг специальных научных интересов Н.И. Новосадского: греческая эпиграфика, религиозная и общественная жизнь древних греков. Тогда же был напечатан им как в русских, так и в афинских периодических изданиях ряд работ, заключающих или издание и объяснение неизвестных до того времени греческих надписей, или рассмотрение некоторых вопросов, относящихся к области греческих религиозных верований и культуры.

Во время пребывания Н.И. Новосадского в Греции Афинским Археологическим Обществом проводились раскопки в Элевсине, принесшие между прочим и большое количество свежего эпиграфического материала. Изучение его привлекло внимание Н.И. Новосадского к очень сложной, но и заманчивой теме об Элевсинских мистериях. Тщательно ознакомившись с существовавшей тогда литературой о мистериях, изучив внимательно относящиеся к ним литературные свидетельства древних, присоединив к ним старый и новый, полученный при упомянутых раскопках, эпиграфический материал, Н.И. Новосадский в своем большом исследовании «Элевсинские мистерии» (1887) изложил обстоятельно и беспристрастно все то, что в ту пору можно было сказать об этом игравшем столь важную в древности роль религиозном институте, не пускаясь в

⁸² АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 7.

область фантастических догадок, стремясь всегда и всюду оставаться на почве реальных данных, могущих найти свое обоснование в источниках. Привлеченный Н.И. Новосадским новый эпиграфический материал сделал его работу чрезвычайно интересною и поучительною. В русской ученой литературе вопрос об Элевсинских мистериях после появления книги Н.И. Новосадского не служил более предметом самостоятельных разысканий. Что же касается литературы иностранной, где появилась в 1914 г. книга известного французского ученого П. Фукара 'Les mystères d'Eleusis', то излишним будет отметить, что последний, совершенно независимо от Н.И. Новосадского, пришел к аналогичному выводу, определенно сформулированному им еще в 1887 г., относительно заимствования греками мистерий из Египта.

Изучение Элевсинских мистерий естественно должно было привести Н.И. Новосадского к исследованию мистерий Самофракийских. Его большой труд «Культе Кавиров в древней Греции» (1891) представлял собою попытку осветить одну из самых темных сторон греческой религии, так как в ученой литературе высказывались о сущности культа Кавиров самые разноречивые суждения. Исследуя природу этих загадочных божеств, Н.И. Новосадский удачно подметил аналогию мифов о Кавирах с мифами об Аполлоне, пришел к выводу, что Кавиры были божествами света, что культ их, подобно культу Аполлона, получил развитие у ионийского и дорийского племени. Сами имена Кавиров не заключают в себе ничего мистического. Так же как и в Элевсинских мистериях, в мистериях справлявшихся в честь Кавиров можно установить три степени посвящения. Рассмотрев культ Кавиров по отдельным местам его распространения, Н.И. Новосадский постоянно отмечает и те более древние верования, с которыми культ Кавиров встречали при его установлении и развитии, а также те различные греческие и иноземные влияния, которые должны были сказаться на представлении о Кавирах. Наконец, вопреки установившемуся в науке взгляду об отсутствии какого-либо учения в Самофракийских мистериях, Н.И. Новосадский приводит факты, свидетельствующие о несостоятельности этого взгляда.

Третье большое исследование Н.И. Новосадского посвящено «Орфическим гимнам» (1900). Оно имеет очень важное значение для уяснения вопроса об этом необычном и важном памятнике греческой литературы. Н.И. Новосадский проделал большую работу для установления текстов гимнов: строки за строками, слово за словом, букву за буквой он сличил текст гимнов по рукописям хранящимся в Париже, Мюнхене, Венеции, Дрездене. Эта кропотливая, тре-

бующая большого напряжения работа принесла обильные плоды: Н.И. Новосадский внес много нового в установление текста гимнов, дал исчерпывающие замечания, касающиеся их языка и метрики, способствовал уяснению их содержания, отметил отразившиеся в гимнах элементы философской мысли и отношение их к народным верованиям и суевериям древних греков.

Не касаясь менее крупных по объему, но всегда ценных по содержанию работ Н.И. Новосадского, его рецензий на труды русских и иностранных ученых, считаю долгом указать еще на две его большие работы: 1) выполненное им, совместно с В.Э. Регелем, издание, в двух частях, некоторых речей византийских риторов XII в. — труд, введший Н.И. Новосадского в область византийской филологии — и 2) в высокой степени полезный курс его по греческой эпиграфике (1 изд. 1909, 2 изд. 1915); в этом труде, посвященном историческому обзору развития греческой эпиграфики, уделено впервые очень большое внимание эпиграфическим открытиям и её изучению у нас в России. Научная литература до появления труда Н.И. Новосадского такого подробного обзора не имела; его составление должно было потребовать от автора и большого напряжения и исключительной осведомленности.

В текущем году Н.И. Новосадский подарил нашему образованному обществу точный и изящный перевод «Поэтики» Аристотеля, присоединив к нему обстоятельную вводную статью и примечания; ответственная работа по истолкованию такого важного мирового памятника, каким является трактат Аристотеля, исполнена Н.И. Новосадским с исключительной добросовестностью.

Некоторые из трудов Н.И. Новосадского имеются только в литографированном виде. Это, главным образом, курсы лекций по истории греческой литературы, греческим древностям, толкованию греческих писателей, преимущественно ораторов. Курсы эти — свидетели профессорской деятельности Н.И. Новосадского в Варшавском и Московском университетах. Наконец, многие из трудов его, исполненные за последние году, ждут еще своего появления в печатном виде.

Имя Н.И. Новосадского хорошо известно ученому миру Запада, и ссылки на его труды мы встречаем в немецкой, французской, английской, итальянской, норвежской ученой литературе. Глубокий знаток своего предмета, вооруженный строго научным критическим методом, умеющий не только с полной объективностью отнестись к суждениям других лиц, но и всегда и во всем сказать свое строго обоснованное слово. Отличающийся даром на редкость ясного, а порою и увлекательного изложения, Н.И. Новосадский

своей долголетней и плодотворной ученою и преподавательскою деятельностью снискал себе почетную известность в ученом мире и, тем самым, вписал свое имя на страницах истории науки о древне-греческом мире.

Академик С. Жебелев

22 ноября 1927.

* * *

Отзыв о научной деятельности проф. Н.И. Новосадского

Свыше 50 лет трудится Н.И. Новосадский на научно-исследовательском поприще. За это время им было издано много работ как в виде отдельных монографий, так и журнальных статей, по предмету его специальности, каковой является изучение различных сторон античной, преимущественно древне-греческой, жизни. Назову главнейшие из работ Н.И. Новосадского, чтобы показать, как разнообразны его научные интересы: «Элевсинские мистерии» (1887), «Культ Кабиров в древней Греции», «Орфические гимны», «Древне-греческие экзегеты», «Борьба с повышением цен в древней Греции», «Реализм Гесиода» и пр. Будучи отличным знатоком памятников античной литературы, Н.И. Новосадский является отличным знатоком и памятников древне-греческой письменности, надписей, которые он начал изучать еще со времени пребывания своего в Греции в 80-х годах прошлого века. Им издано было впервые и объяснено много эпиграфических памятников, а сверх того опубликован первый и единственный у нас курс «греческой эпиграфики» (2 изд. 1915), — незаменимое пособие для всех, желающих ознакомиться с этой дисциплиной.

Неустанно работал Н.И. Новосадский и в течение последних двадцати лет, причем внимание его было привлечено греческими древностями северного Причерноморья. Укажу, для примера, на статьи: «Неизданная надпись Темрюкского музея», «Боспорские фиасы», «Последний год борьбы Митридата с Римом» и др.

Все работы Н.И. Новосадского проникнуты глубоким знанием трагуемого вопроса, тщательностью и ясностью построения и изложения, точностью и серьезностью выводов, трезвою критикой мнений, высказанных по тому или иному вопросу в научной литературе, — все они всегда дают нечто новое и поучительное.

Если принять в соображение, что научная деятельность Н.И. Новосадского протекала и протекает наряду с работой его на поприще университетского преподавания, то должно будет признать,

что свыше полувековая работа Н.И. Новосадского — сплошной труд, труд, обогативший наше знание античного мира новыми результатами, труд, принесший большую пользу и зрелым и начинающим ученым.

Академик С. Жебелев

17 февраля 1939.

* * *

Член-корреспондент Академии Наук СССР, Н.И. Новосадский, недавно исполнившееся 80-летие которого праздновали его сослуживцы, ученые и друзья, неустанно продолжает работать на поприще давно уже — свыше 50 лет — культивируемого им изучения античного мира. За последние 20 лет Н.И. Новосадским было опубликовано немало ценных работ в области греческой эпиграфики, древней истории, греческой литературы; им издан также новый перевод, с введением и комментариями, «Поэтики» Аристотеля. Сверх этих напечатанных работ Н.И. Новосадским за последние 2–3 года (а частью и сданы в печать, но пока еще не напечатаны) работы, представляющие большой научный интерес, из которых в особенности нужно отметить большую статью «Эдикт Диоклетиана 301/2 г. *De pretiis rerum venalium*. Введение, перевод и комментарии», где он впервые доказывает, что предисловие к эдикту было составлено ритором, прошедшим школу мало-азиатского красноречия. Заслуживает также внимания работа Н.И. Новосадского, посвященная изданию и объяснению новой греческой надписи из Танаиса, представляющей большой интерес для занимающихся историей северного Причерноморья в античную эпоху.

Академик С. Жебелев

2 июня 1939.

5. Письмо Н.П. Розановой из Керчи. Без даты⁸³

Дорогие Валентина Александровна и Николай Иванович!

Давно собиралась написать Вам, да очень устаю. Сегодня выходной день и я занялась писанием писем. Как Вы оба чувствуете себя в Москве? Мне так хотелось бы сейчас, чтобы Вы перенеслись сюда,

⁸³ АРАН. Ф. 611. Оп. 2. Д. 31.

на берег моря, подышать свежим воздухом, полюбоваться морем и седыми волнами.

Мы бы угостили Вас жареной кефалью, чудесной дыней и виноградом.

Живу я под Керчью в Старом карантине в хижине рыбаков «у самого синего моря». Со мной поехала сестра и две сестры Сытины, так что нас в комнате четверо, (но комната большая светлая и воздуху много).

Домик — беленький, окружен олеандром и белой акацией, которая цветет во второй раз.

Сегодня дует Норд-ост и буря на море. Из окна открывается чудный вид на бушующие волны.

Каждое утро, кроме общих выходных дней я встаю в 5 часов и иду на работу [в] Камыш-Бурун. До раскопок мне 5 километров. Иногда остаюсь ночевать вместе с другими членами экспедиции в Клубе, где у меня есть постель.

Раскопками я очень довольна, несмотря на то, что у меня опять рыбозасолочные цистерны римского времени. Кроме того колодец римского времени, более позднего, и сейчас расчищаем жилище, по материалу тоже римское, хотя кладка стен говорит за более раннее время.

Вкладываю Вам в письмо заметку о нашей находке амфоры с чем-то жидким, м.б. вином, или маслом. [Н.П.] Кивокурцев и я своими руками вытаскивали ее из земли и первые услышали «бульканье» внутри сосуда. Л. 2: Эффект, произведенный находкой этой амфоры, был неописуемый. Сбежались все рабочие и местные жители, просили открыть пробку и дать выпить всем «по чарочке».

Многие просили просто подержать ее в руке и послушать «бульканье» внутри. Надписей больших не нашли, за исключением маленького фрагмента мрамора с тремя буквами ТΠΣ, повидимому конца IV в. до н.э., а м.б. и несколько позднее. Кроме того найдено несколько фрагментов амфор с буквенными обозначениями, соответствующими годам боспорского летоисчисления.

На будущий год Юлий Юльевич [Марти] собирается копать на горе Митридате.

После того как я была у Вас, я нашла у себя еще тетрадку с библиографией о Сапфо (из Μαγοιζεαυ). По частям буду переписывать ее Вам и пересылать.

⟨следует библиография о Сапфо...⟩

Буду очень рада получить от Вас письмо.
Ваша Н. Розанова.

6. Стихотворение Н.П. Розановой к 45-летию научной и педагогической деятельности⁸⁴

Мне хотелось в час великий,
Вам сказать немного слов
От лица далеких, близких, —
От лица учеников, —

От лица одной из многих, —
Пусть несплоченны они,
Пусть у всех свои дороги, —
Мысли к вам всегда одни.

Образ полный обаянья
Захватил навек сердца:
Сочетанье силы знания
С простотою мудреца,

Бескорыстное уменье
Знание влить в живую речь
И непознанным мгновеньем
Искрой ум других зажечь.

Сорок лет адептом знания,
Жизнь с наукой не пуста.

В год голодный прозябанья
Вы не бросили поста.

Помню голод... Стынут руки,
Дома холод и нужда, —
Но бесменный страж науки
Вы — на лекциях всегда.

... Годы шли бесменным рядом
Светлый, тяжкий год — равны...
И доклады за докладом
Вечной юностью полны.

Здесь народ не просто зритель
Безразличный и пустой,
Но поздравить Вас, Учитель,
Все собрались с теплотой,

С благодарностью за знания,
За зажженный ярко свет!
Шлем горячие желанья
Многих сил и многих лет!..

Глубокоуважающая Вас
ученица Ваша Н. Розанова.

7. Поздравление московских филологов-классиков с 45-летним юбилеем научной и педагогической деятельности⁸⁵

Vir maxime reuerende atque magnifice!

Dixerint licet plurimi multique dicturi sint ea, quibus omnia Graecarum litterarum studia Tua summarumque uirtutum merita laudantur, nobis tamen cerium est eam laetitiam praecipue isto sermone amplecti, quam hoc felicissimo die nos discipuli Tui grati et cultores deuotissimi nunc Sectioni Antiquae Academiae Artium Liberalium subiuncti pectore capiamus.

Per quadraginta annos ex eo tempore, quo curriculum academicum ingressus es, Tu, vir praestantissime, sucesor dignus illo Nauckio,

⁸⁴ АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 6. Лл. 1-2.

⁸⁵ АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 6. Л. 3.

philologo laude doctinarum clarissimo, ad studia praeclaro humanitatis nomine ornata, discipulis Tuis amorem ardentem inspirare ad eaque recte persequenda facem praeferre solebas.

Si omnia Tua facta enarrare conemur, si uirtutes eruditionis, quae continentur in scriptis Tuis, ut in Carminibus Orphicis, ut in Culto Cabirorum, ut in Mysteriis Eleusinis, quod opus meritam in externis quoque terris gloriam consecutum est, enucleare studeamus, uerendum nobis est, ne in latiore excurramus dicendi campum, quam ut possit exiguis sermonis huius terminis finire.

Attamen unum, in quo maxime Te Tuumque acre et uiuidum ingenium admiramur, paucis uerbis attingamus.

Diuinis quasi oculis prouidens, quanto opere lectorum aequalium interesset quaestiones poeticas tractari, Tu, vir consultissime, necessitati aetatis nostrae concedens, Aristotelis Artem Poeticam in Rossicum transtulisti eaque re planam lectoribus ac certam, qua in legendo Stagiritae illius opere firmo incederent pede, uiam patefecisti.

Vigeas, vir honestissime, philologiae Graecae clarissime doctor! Valetudinem Tuam firmari ac corroborari iubemus, ut per longum annorum spatium acroasibus Sectionis Antiquae saepissime intersis et studia nostra ingenii Tui animique auctoritate promoueas.

Подписи:

Н. Дератани, С. Гвоздев, В. Граков, А. Челпанов, Н. Розанова, С. Соболевский, С. Радциг, В. Блаватский, Ф. Петровский, Б. Ярхо, М. Грабарь-Пассек, Д.В. Беэр и др.

8. Стихотворение С.И. Радцига к 45-летнему юбилею научной и педагогической деятельности⁸⁶

VIRO DOCTISSIMO ATQVE HVMANISSIMO
NICOLAO NOVOSADSKIO
PROFESSORI MOSQVENSIS AMPLISSIMO
AMORIS ET PIETATIS GRATIA
DDDD
SERGIVS RADZIG

Procedit aetas continuo gradu
uerisque flores atque hominum decus
omnesque res turpes bonasque
tempus edax rapiat necesse est.

sed non querellae nos hodie decent.
absit inani tristitiae locus

⁸⁶ АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 6. Л. 4.

multique percepti laboris
quondam etiam meminisse cordi est.

nam bis uicenos uidimus optime
annos peractos : nunc igitur tua
uirtute dignam nos oportet
dicere pro meritis salutem.

adest imago temporis illius
cum litterarum uir cupidissimus
arcana temptares deorum
tu Cereris placidae et Cabirum;

uel cum Platonis perciperes opus
hymnosque Homeri et Hesiodum grauem
poeticaeque arti studeres
principem Aristotelem secutus.

et nunc tua arte quonam animum tuum
intendis aequae cernimus integras
imagines extare chartis
et lapidum tibi mens aperta est.

tanti laboris perquam ego conscius
quid est quod exin usque agites uelim?
quo tot per annos tu fuisti
ingenio maneat amice.

et iam uidetur aerea in nube
superne adesse pieridum chorus
te laurea cingens corona —
praemia summa operis peracti.

Scriptum est Mosquae anno Domini MCMXXIX

Ante diem XIII Kalendas Februarias.

9. Почетный греческий декрет от коллег из ИФЛИ по случаю 80-летия Н.И. Новосадского⁸⁷

Ἀγαθῆι τύχηι

Ἐπὶ Βασιλείου τοῦ Ἀλεξίου προέδρου, μὴνός Μουχιῶνος ἐν ἀγορᾷ τελείῳ ψήφοις ἐννόμοις ἔδοξε τῆι βουλῆι καὶ τῶι δήμῳ τῶν ἀρχαιολόγων τῶν Ἰφλίων Βόρυς Νικολάου εἶπεν· ἐπεὶ Νικόλαος Ἰωάννου ἐκ Νέων Κήπων δι' ὀγδοήκοντα ἐτῶν τοῦ βίου καὶ διὰ

⁸⁷ АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 12. Л. 3.

πεντήκοντα καὶ πέντε ἐτῶν τῶν φιλολογικῶν καὶ ἀρχαιολογικῶν διδασκαλιῶν ἐμπειρότατος περὶ τὰς φιλολογικὰς καὶ ἐπιγραφικὰς καὶ ἀρχαιολογικὰς ἐπιστήμας ὧν, κοινῇ τε τῷ δήμῳ χρείας παρέχεται καὶ ἰδίᾳ Ἰφλίων τοῖς ἀφικνουμένοις πρὸς αὐτόν· ἔτι δὲ καὶ λαμπρότατα γράμματα πρότερόν τε πολλὰ ἔγραψε καὶ νῦν ἀρχαιολόγων πολλοὶ καὶ μεμαθήκασι καὶ νῦν μανθάνουσι φιλολογίαν καὶ ἐπιγραφικὴν· δεδόχθαι τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ ἐπαινεῖσαι τὸν ἐνδοξότατον Νικόλαον Ἰωάννου ἐκ Νέων Κήπων ὡς ἐμπειρότατον καὶ λαμπρότατον τῶν τῆς ἡμετέρας πατρίδος φιλόλογων, ἐπὶ τῇ αἰρέσει τῇ πρὸς τοὺς αὐτοῦ μαθητάς, καὶ στεφανῶσαι αὐτὸν χρυσοῖ στεφάνῳ κατὰ τὸν νόμον ἐν τῇ τῶν Γορκείων φιλόλογων ἐκκλησίᾳ Θεαργηλιῶνος δευτέρα καὶ ἀνεπιεῖν ἐν ταύτῃ τῇ ἐκκλησίᾳ· ὅτι στεφανοῖ ὁ δῆμος ὁ ἀρχαιολόγων τῶν Ἰφλίων Νικόλαον Ἰωάννου ἀρετῆς καὶ εὐνοίας ἕνεκα ἣν ἔχει πρὸς τὸν δῆμον. καὶ εἶναι αὐτῷ τὰ ἄλλα, ὅσα τοῖς ἄλλοις εὐεργέταις γέγραπται κατὰ τὸν νόμον· ὅπως δ' ἂν καὶ εἰδῆι ὁ Νικόλαος Ἰωάννου τὰ ἐψηφισμένα τῷ δήμῳ, τὸν γραμματεῖα ἀναγράψαι τόδε τὸ ψήφισμα ἐν βιβλίῳ καὶ τὰ γεγραμμένα Νικολάῳ Ἰωάννου ἐκ Νέων Κήπων.

ὁ δῆμος

10. Поздравление московских филологов-классиков по случаю 80-летия Н.И. Новосадского⁸⁸

Octoginta anni feliciter acti
Nonaginta anni feliciter agendi!

Глубокоуважаемый Николай Иванович!

В тот знаменательный день, когда исполнилось восьмидесятилетие Вашей жизни и пятидесятипятилетие Вашей научной, преподавательской и общественной деятельности, кафедра классической филологии Московского Института Истории, Философии и Литературы считает своим общественным и академическим долгом горячо Вас приветствовать.

В Вашей молодости, после основательной подготовки у славного эпиграфиста профессора Ф.Ф. Соколова, в б. Петербургском Историко-Филологическом Институте, Вы имели великое счастье провести два года в Греции, лично посетить и на месте изучить те славные места, где зарождалась и процветала великая эллинская культура. Это Ваше продолжительное пребывание в колыбели эллинской и всей европейской культуры сделало Вас энтузиастом

⁸⁸ АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 12. Лл. 5-6.

античного мира и наложило глубокую, неизгладимую печать на всю Вашу дальнейшую научную и академическую работу. Во время пребывания Вашего в Греции в Вас зародились идеи двух Ваших больших ученых работ, за которые Вы были удостоены учеными степенями сначала магистра, а затем доктора греческой словесности. Это были: Ваши исследования об «Элевсинских мистериях», тесно связанное с производившимися в то время методическими раскопками в Элевсине, и «Орфические гимны».

С 1906 года Вы перешли из б. Варшавского университета на работу в Москву, где сначала работали в б. Археологическом Институте по кафедре эпиграфики (с 1907–1921 г.г.), а в 1909 г. Вы были избраны Историко-филологическим факультетом Московского Университета профессором на кафедру греческой словесности, где работали двадцать лет и где работаете в настоящее время, заведывая кафедрой древних языков и состоя членом Ученого Совета. В 1935 году Президиум Академии Наук СССР, по представлению квалификационной Комиссии по отделению общественных наук, присудил Вам ученую степень доктора литературоведения. Кроме вышеназванных Ваших капитальных научных трудов, в течение Вашей пятидесятипятилетней неутомимой научной работы Вами напечатано огромное число самых различных научных трудов. Состоя действительным членом Института Истории, Литературы и Языковедения, Археологии и Искусствоведения, а также Государственной Академии Истории Материальной Культуры, Вы только в течение 1922–32 гг. сделали в этих учреждениях 26 докладов, большинство которых напечатано. Вашим капитальным трудом является также греческая эпиграфика, выдержавшая два издания. Вы принимали также самое живое и активное участие в Археологических конференциях и комиссиях по исследованию остатков античной культуры на юге России.

Дорогой Николай Иванович! Вся Ваша жизнь есть сплошной, непрерывный, энергический и крайне интенсивный труд на пользу науки и общественности. Число Ваших научных работ достигает внушительной цифры семидесяти исследований, из которых около одиннадцати, чрезвычайно важных по своему научному весу, существуют в литографированном виде.

Являясь учеником славного эпиграфиста Ф.Ф. Соколова («фактолоба»), внушавшего своим ученикам любовь к точно доказанным фактам, Вы во всех своих ученых трудах, во всех своих научных выводах руководились железной непреклонной *ἀκρίβεια*. Но следуя основному принципу своего учителя, Вы далеко превосходили его разнообразием и многосторонностью своих исследо-

ваний. В своих работах Вы освещали, можно сказать, всю область реальной классической филологии; их предметами являются у Вас эпиграфика, вся область археологии, мифологии, этнологии, папирусы, византийская литература, античная педагогика (Платон), античная экономия; сюда нужно присоединить Ваши отчеты об экскурсиях и археологических съездах. Наряду с этим Вы дали прекрасный перевод Поэтики Аристотеля со введением и комментариями, историю греческой литературы, историю греческой драмы, греческие древности, издания целого ряда греческих авторов. Ваши научные изыскания по всем областям реальной классической филологии, которые Вы с редкой и исключительной энергией и неутомимостью продолжаете вести до настоящего времени, на деле, с несомненностью доказывают, что всю Вашу долгую жизнь Вы руководились заветами великого Аристотеля: ἡ θεωρία τὸ ἥδιστον καὶ ἄριστον (Умозрение — самое благородное и высшее наслаждение). Ваша блестящая научная деятельность, таким образом составляет ценнейшую часть доступного человеку счастья. А Ваша точнейшая ἀκρίβεια является полным осуществлением другого завета, того же величайшего из философов: κυριώτατον τοῦ εἰδέναι τὸ διότι θεωρεῖν (высшее знание — в рассмотрении причины).

Если обратиться к Вашей общественной деятельности, то, не говоря уже о Вашей интенсивной работе по занятиям со студентами, нужно изумляться, откуда Вы находили время и черпали силы для этой общественной работы. Как учредитель, председатель, почетный член или член-сотрудник, Вы работали в более, чем тридцати обществах, комитетах, комиссиях, секциях и подсекциях и везде принимали самое живое, горячее участие в работе. Далее Вы состояли и состоите членом двенадцати ученых учреждений и обществ, в Академии Наук СССР Вы состоите членом-корреспондентом, в других учреждениях — почетным и действительным членом.

Наконец, Вы блестяще, как настоящий общественник, разрешили вопрос об отношении к современной молодежи. Некогда Катон Старший, по свидетельству Плутарха, в возрасте 86 лет говорил в одной речи: χαλεπὸν ἐστὶν ἐν ἄλλοις βεβιωκότα ἀνθρώποις ἐν ἄλλοις ἀπολογεῖσθαι. Вы прожили большую часть своей жизни ἐν ἄλλοις ἀνθρώποις и тем не менее при Вашей чуткости в отношении молодежи, при внимании к ее запросам и нуждам, опираясь на свой огромный авторитет, как ученого и профессора, Вы легко могли овладеть умами и сердцами современной молодежи, как это было и ἐν ἄλλοις ἀνθρώποις.

В заключение позвольте отметить Вашу исключительную доброту и снисходительность по отношению ко всем, кому приходится с Вами соприкасаться в академической или частной жизни. Неизменно строгий по отношению к самому себе, если дело касается научных работ или исполнения общественной обязанности, по отношению к другим Вы всегда проявляете чарующую мягкость, помня, что ἀμαρτάνειν ἀνθρώπινον. Вокруг Вас всегда и неизменно витает сонм прекрасных богинь: χάρις, εὖνοια, φιλοφροσύνη, φιλανθρωπία, и этим достаточно объясняется, почему Вас все так любят и почему все всегда так рады беседовать с Вами, говоря словами Pico della Mirandola de rebus divinis et humanis et de quibusdam aliis. Позвольте же, дорогой и глубокоуважаемый Николай Иванович, от всей души, сердечно пожелать, чтобы еще много лет длилась Ваша плодотворная и кипучая научная и общественная деятельность. В этой деятельности Вы всегда и неизменно будете руководиться незыблемыми принципами: стремлением ко всему истинному и прекрасному и к широкому общественному благу: οἷς τὸ καλὸν καὶ περὶ τὸν ἀμύγες τοῦ ἀναγκαίου πρόσεστι⁸⁹.

Завед. кафедры классической филологии Д. Коновалов

Подписи: Гвоздев, Покровская, Граков, Корольков, Шендяпин и др.

11. Поздравление от Античной секции Института Мировой Литературы им. А.М. Горького⁹⁰

Глубокоуважаемый и дорогой
Николай Иванович!

Античная секция Института Мировой Литературы им. А.М. Горького радостно приветствует Вас в знаменательный для Вас и для науки день Вашего восьмидесятилетия. Вы связаны с наукой уже 60 лет и с лишком 50 лет тому назад начали ее преподавание в звании профессора сперва в Варшавском, а потом в Московском Университете. Вся эта долгая деятельность ознаменована неустанным трудом и неослабевающей жаждой знания. Вы — живое воплощение знаменитого изречения философа Сенеки: «до суг без научно-литературных занятий есть смерть и погребение заживо» (otium sine litteris mors est et vivi hominis sepultura). Той

⁸⁹ Plut. Marc. 17.4

⁹⁰ АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 12. Лл. 11–12.

научной энергии, которую Вы проявляли за последнее время, могут лишь позавидовать люди, находящиеся во цвете лет.

Любимая область Ваших занятий — археология и особенно эпиграфика: помимо многочисленных специальных трудов, изданных Вами на языках русском, латинском, немецком и новогреческом, Вы подарили (*sic!* — А.В.) нас и прекрасным учебником по эпиграфике. Нелегкое дело изучить весь громадный эпиграфический материал, собранный другими, но Вы сами в бытность свою в Греции, открыли и собрали много надписей, нередко работая в местностях, лишенных элементарной культуры, с риском для здоровья, а иногда и для жизни. Этот специальный интерес привел Вас к личному ознакомлению не только с материковой, но и островной Грецией, причем Вы основательно изучили новогреческий язык. А это давало Вам твердую почву для живого понимания любого литературного памятника древнегреческого или византийского, что Вы и показали на прекрасном издании византийских риторов. Разумеется, очень важно знать географию, климат и отчасти даже быт современной Греции для понимания бытовых и исторических явлений Греции античной, и например Ваше личное знание Беотии помогло Вам дать оригинальное толкование некоторым подробностям «Трудов и Дней» Гесиода.

С изучением археологии и эпиграфики Вы связали и широкое изучение греческой литературы. Жаль, что до сих пор не изданы Ваши авторитетные и широко задуманные университетские лекции по греческой литературе; но историки литературы греческой и всеобщей очень признательны Вам за Ваш превосходный труд о «Поэтике» Аристотеля, в котором даны не только перевод и объяснения этого важного и в тоже время очень трудного трактата, но и ценное исследование о его роли в истории европейской литературы. К счастью, намеченное в настоящее время Академией Наук СССР издание двухтомной истории греческой литературы позволяет увидеть в печати хоть некоторую долю Ваших историко-литературных исследований, и Вы, вероятно, сами догадываетесь, с каким нетерпением мы, Ваши глубокие почитатели, ожидаем их выхода в свет. Не говорим уже о том, как мы Вам благодарны за Ваше согласие принять участие в этом коллективном труде, к обсуждению которого Вы, впрочем, уже приложили не малые усилия.

Не иначе как с глубокой благодарностью следует вспомнить и о Вашей пятнадцатилетней работе во Всесоюзной библиотеке им. В.И. Ленина по устройству ее классического отдела.

Озираясь на Вашу долгую и весьма плодотворную деятельность, мы радуемся тому, что столь авторитетный, наш старейший элли-

нист не порывает связи со своими старыми и молодыми товарищами и с истинно юношеской энергией помогает им словом и делом.

Большое Вам за это спасибо!

Председатель Античной секции М. Покровский

(Подписи: С.И. Соболевский, Г. Шендяпин, С. Радциг, Б. Граков, С. Гвоздев и др.)

12. Поздравительное письмо от М.М. Покровского⁹¹

Nicolao, Iohannis f., Novossadskio, Viro Doctissimo Humanissimo, diem natalem octogesimum agenti, Michael Pokrowsky collega S.D.P.

Pace tua, mi Nicolae carissime, senex ipse te seniore[m] libentissimo animo saluto atque, sicut omnes collegae discipuli amici fautores tui, longos tibi annos opto ad continuanda studia doctrinae, per quae et de re publica et de nobis optime meritus es.

Dicit quidem Mimmermus, poeta clarissimus, τὸ γῆρας αἰσχρὸν ὁμῶς καὶ κακὸν ἄνδρα τιθέναι at tu certe non habes, quod senectutem accuses. Es enim vir ‘cruda viridique senecta’, quae tibi vitam, quamvis longa sit, non solum contemplativam, sed etiam activam praestat. Quid? Nonne semper versatus es inter adulescentes, qui duce te artibus liberalibus studebant atque te colebant diligebantque? Senectute vero, ut aureis dictis Tullianis utar, stipata studiis iuventutis quid est dulcius? Accedit, ut idem Cicero dicit, conscientia bene actae vitae multorumque bene factorum iucundissima recordatio.

Sed non solum magister fuisti optimus, verum etiam rerum cognoscendarum investigator strenuus. Multos libros eosque utilissimos ipse scripsisti, quos quidem gratissimo animo nostra lēgit aetas, leget posteritas.

Egisti et agis, ut senex ille agricola Caecilianus, qui
serit arbores, quae saeculo prosint alteri
Macte virtute esto!

M. Pokrowsky

Dabam Mosquae die XVII mensis Maii a. MCMXXXVIV.

⁹¹ АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 13. Л. 8.

13. Поздравительное письмо С.И. Соболевского⁹²

Ὡ φίλτατε καὶ πολυτίμητε ἐταῖρε Νικόλαε.

Ἀσπάζομεθα καὶ συνηδόμεθά σοι οἱ φίλοι σου ὀγδοήκοντα ἔτη βεβιωκότι. Ἄλλ' οὐ τοῦτο μέγα ἐστὶ — τὸ πολλὰ ἔτη βεβιωκέναι· καὶ γὰρ τῶν μῶρων καὶ πάνυ μοχθηρῶν ἔστιν οἷς μακροβίους εἶναι συμβαίνει, — ἀλλὰ τὸ εὖ βεβιωκέναι. Τὸ δ' εὖ ζῆν οὐχ ὥσπερ οἱ πολλοὶ, κατὰ τὸν Σαρδανάπαλλον ἠγοῦμεθ' εἶναι ἐν τῷ τῆ γαστρὶ δουλεῦειν καὶ μεθύσκεσθαι καὶ τᾶλλα ἡδυπαθεῖν, ἀλλὰ κατὰ τὸν Σωκράτην ἐν τῷ σοφίαν τε καὶ ἀρετὴν διώκοντας διάγειν. Σὺ δ' ἐν τοῖς μάλιστα τούτου τετύχηκας. Καὶ γὰρ τῶν παλαιῶν γραμμάτων ἐμπειρότατος εἶ, καὶ πρᾶος τὸ ἦθος, καὶ, ὅπερ οὐ μικρὸν πρᾶγμα ἐστίν, ὑπὸ τῶνδε πάντων, τῶν τε νεανιῶν καὶ ἀνδρῶν καὶ παρθένων καὶ γυναικῶν, τυγχάνεις τιμώμενος. Τοιγαροῦν μακαρίζομέν σε τῆς τε σοφίας καὶ σωφροσύνης. Τί οὖν εὐχόμεθά σοι; Τοῦ μὲν Νέστορος, ὡς φησὶν ὁ ποιητής, ἤδη δύο μὲν γενεαὶ μερόπων ἀνθρώπων ἐφθίατο, αὐτὸς δὲ μετὰ τριτάτοισιν ἀνασσε· σοὶ δ', ὦ φίλτατον κάρα, θεοὶ δοῖεν, Ὀλύμπια δώματ' ἔχοντες, καὶ τὸν Νέστορα αὐτὸν ὑπερακοντίσαι τῷ πλήθει τῶν ἐτῶν, ἐν τετάρτοις διδάσκοντά τε καὶ διδασκόμενον.

Σέργιος Σοβολεύσκιος.

⁹² АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 13. Л. 14.

III. Фотографии

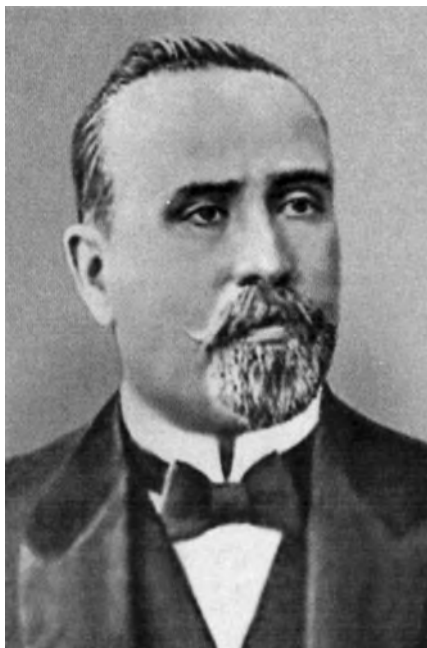
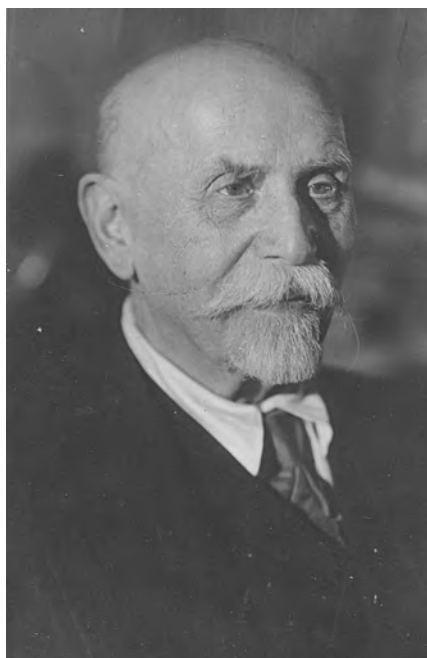

Рис. 1. Н.И. Новосадский. 1910-е гг.

*Рис. 2. Н.И. Новосадский. 1941 г. АРАН.
Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 15. Л. 6.*

Рис. 3. Н.И. Новосадский среди участников Керченской археологической конференции. 1926 г. АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 16. Л. 1.

Рис. 4. Н.И. Новосадский среди участников Херсонесской археологической конференции. 1927 г. АРАН. Ф. 611. Оп. 1 доп. Д. 16. Л. 2.

Рис. 5. Н.И. Новосадский в группе награжденных почетными грамотами деятелей науки и искусства. «Фото Ф. Киселева (фото-клише ТАСС). 14 апреля 1940 года Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР тов. А.Е. Бадаев вручил почетные грамоты Заслуженным деятелям науки и техники. На снимке: А.Е. Бадаев среди награжденных. Слева направо: (сидят) профессора И.Л. Брауде, Д.М. Российский, И.Г. Руфанов, В.Г. Хлопин, А.Э. Рауэр, Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР А.Е. Бадаев, профессора Я.М. Гаккель, В.А. Шаак, Н.И. Новосадский, М.С. Гуревич, (стоят) профессора Е.Н. Малютин, В.Р. Хесин, А.Ф. Климов, В.И. Скворцов, Н.Ф. Погребов, С.Н. Лисовская, А.Н. Миславский, Я.И. Яроцкий, А.А. Дешин, А.В. Рахманов и А.К. Шенк. Москва 14 апреля 1940 г.»

ЭЛЕВСИНСКІЯ МИСТЕРІИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. И. НОВОСАДСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 78.

1887.

Рис. 6. Титульный лист книги Н.И. Новосадского «Элевсинские мистерии».

КУЛЬТЪ КАВИРОВЪ

ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Н. И. Новосадскаго.

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Королевская улица № 13.

1891.

Рис. 7. Титульный лист книги Н.И. Новосадского «Культ Кавиров в древней Греции».

ОРФИЧЕСКИЕ
Г И М Н Ы.

ИЗСЛЕДОВАНИЕ

Н. И. НОВОСАДСКАГО.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФИЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

КРАКОВСКОЕ ПРЕДМЕСТЬЕ, № 3.

—
1900.

Рис. 9. Н.И. Новосадский.
1920-е гг. (?).

Рис. 10. Н.И. Новосадский. 1930-е гг. (?).

А.О. Корчагин

**ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ
ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ СОКОЛОВ
(АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ)**

Виктор Сергеевич Соколов, выдающийся исследователь античности, бывший заведующим кафедры древних языков в 1949–1967 гг., родился 2(15) февраля 1889 года в Москве. Отец учебного, Сергей Владимирович Соколов, был архитектором, мать, Надежда Сергеевна Соколова, — домохозяйкой. Уже в детстве будущий исследователь проявил большой интерес к древним языкам. В.С. Соколов получил прекрасное образование. В 1913 году он закончил историко-филологический факультет Московского Императорского Университета с дипломом первой степени, после чего продолжил обучение в Педагогическом институте Шелапутина, классическое отделение которого окончил в 1915 г.

Еще до революции В.С. Соколов начал преподавать латинский язык в Московском Реформатском училище. В 1918 году это училище было преобразовано в школу № 42, а в 1930-м году из старших классов школы был образован техникум. В школе, а затем в техникуме до 1932 г. В.С. Соколов преподавал историю и немецкий язык. В 1932–1937 гг. Виктор Сергеевич заведовал кафедрой языков в Институте повышения квалификации работников тяжелой промышленности.

В 1936 году В.С. Соколов стал преподавателем латинского языка на историческом факультете Московского государственного университета. Он был одним из преподавателей образованной в 1937 году кафедры древних языков. Однако во время войны кафедра древних языков на историческом факультете прекратила свое существование в связи с восстановлением филологического факультета в составе МГУ и слиянием его с Институтом Философии, Литературы и Искусства (ИФЛИ). На филологическом факультете была кафедра классической филологии, преподавателем которой и стал Виктор Сергеевич.

В 1943 году В.С. Соколов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Девять книг писем Плиния Младшего как художественное

произведение эпистолярного стиля». В том же году он был утвержден в должности доцента.

Виктор Сергеевич как никто другой понимал острую необходимость в изучении древних языков на историческом факультете. Во многом благодаря его усилиям на факультете в 1949 г. была восстановлена кафедра древних языков. Виктор Сергеевич стал ее заведующим и проработал в этой должности до конца своей жизни. В 1965 году он был утвержден в должности профессора по совокупности опубликованных работ. В том же году В.С. Соколов подготовил к защите докторскую диссертацию на тему «Римская историография IV в.», однако из-за его преклонного возраста и проблем со здоровьем диссертация защищена не была. С 1966 года обязанности заведующего кафедрой ввиду слабого здоровья В.С. Соколова фактически исполнял Андрей Чеславич Козаржевский. Виктор Сергеевич Соколов скончался 21 апреля 1967 года.

Научные интересы В.С. Соколова были весьма обширны. Центральной областью исследований ученого было, безусловно, творчество Плиния Младшего, которому была посвящена кандидатская диссертация, а также обширная монография «Плиний Младший», опубликованная в 1956 году. В.С. Соколов проявлял огромный интерес к поздней римской историографии. Им опубликованы работы об Аврелии Викторе, Аммиане Марцеллине, Евтропии, анонимных историках IV в. Виктор Сергеевич уделял большое внимание таким римским авторам, как Саллюстий, Лукреций, Курций Руф. Из авторов, писавших по-древнегречески, его интересовали прежде всего Николай Дамасский и Дион Кассий. Виктор Сергеевич, помимо исследовательских работ, сделал немало переводов сочинений вышеназванных античных авторов.

В.С. Соколов проявлял интерес и к средневековым и ренессансным латинским авторам, таким, как Эйнхард, Абельяр, Козьма Пражский, Эразм Роттердамский, Ульрих фон Гуттен, Томас Мор и др. Занимался ученый и византийской литературой, в частности — Константином Багрянородным.

Не менее выдающейся была и преподавательская деятельность В.С. Соколова. Прекрасный знаток латинского и древнегреческого языков, он умел, как вспоминают коллеги, ясно и живо обучать студентов-историков языковым дисциплинам. В.С. Соколов вел многочисленные спецкурсы по чтению античных и средневековых авторов. Виктор Сергеевич является автором ряда учебных пособий по древним языкам: в 1953 году он в соавторстве с И.С. Розенталем выпустил учебник латинского языка для юристов, а в 1962

году вышло первое издание учебника по древнегреческому языку (в соавторстве с А.Ч. Козаржевским).

Блестящий ученый, талантливый переводчик, прекрасный преподаватель — таким остался В.С. Соколов в глазах коллег, с которыми ему довелось работать, и в глазах студентов, которым посчастливилось у него учиться.

Огромнейшая заслуга Виктора Сергеевича состоит в том, что он возродил преподавание латинского и древнегреческого языков на историческом факультете и возродил саму кафедру древних языков, которая в годы его заведования (1949–1967) сохраняла высокий уровень в своей преподавательской и научной работе.

В настоящем юбилейном сборнике публикуются важные документы из архивного дела В.С. Соколова (Архив МГУ, фонд № 1, опись 34 л/с, 50 ед.): автобиография, диплом об окончании Московского Императорского университета, характеристика, данная В.С. Соколову в 1958 г. при прохождении конкурса, отчет о работе в 1958–1963 гг. В списке трудов сотрудников факультета дан перечень трудов ученого, позволяющий судить о широте его научных интересов. Орфография и пунктуация оригинала при публикации архивных документов по возможности сохранена. Кроме того, в настоящем сборнике публикуются воспоминания о Викторе Сергеевиче его коллег — Е.В. Федоровой и Н.М. Мещеряковой, помогающие живо и наглядно представить образ этого замечательного ученого и человека.

Автобиография Зав. Кафедрой древних языков Соколова Виктора Сергеевича

1. Я родился в семье художника архитектуры Сергея Владимировича Соколова в Москве 2/15 февраля 1889 года. Отец, уроженец города Москва, имел высшее техническое и специальное художественное образование и всю жизнь провел в Москве. Между прочим, он был строителем здания Министерства Просвещения (Чистые Пруды, 6), принадлежащего первоначально Киево-Воронежской железной дороге, и многих других.

Мать моя, Надежда Сергеевна Соколова, купеческая дочь, русская, была тоже коренной москвичкой, она занималась хозяйством и воспитанием детей своих: старшей сестры моей, Лидии Сергеевны Соколовой, бывшей учительницы средней школы и умершей в 1942 году, и меня. Отец и мать умерли в преклонных годах: 66 и 71 года — в октябре 1917 г. (мать) и в июне 1918 г. (отец).

2. Членом партии не состою и никогда не был, также не был членом какой-либо другой политической партии.

3. Был всегда активным участником самодеятельности всех видов (театральные представления, шарады, стенгазеты и т. д.). Смолоду организовывал туристические прогулки, вел занятия в кружках по музыке, в университете вел кружок студентов, заинтересованных латинской поэзией.

По линии профсоюза часто избирался профкомом, членом ревизионной комиссии, с тех [нрзб.] занимаю административную должность заведующего [нрзб.]. Общественная моя работа проходит по линии производственной. Вел занятия по греческому языку для повышения квалификации лаборантки каб. Ист. Древнего мира, вел кружок при кафедре французского языка. В годах 1929–1934 был членом строительного кооператива и состоял членом ревизионной комиссии.

4. Окончил Историко-Филологический факультет МГУ в 1913 году, после чего был принят в Моск. Педаг. институт Шеллапутина для лиц, получивших диплом высшего учебного заведения, на классическое отделение, которое и окончил в 1915 году. В 1938–1940 прошел курс М.-Л.¹ Университета при МГУ.

5. На военной службе никогда не был, ни до Октябрьской революции, ни после, в гражданской войне не участвовал, в годы гражданской войны был преподавателем Артиллерийской школы в Москве.

6. В Отечественную войну находился все время в Москве, в эвакуации не был, не был ни в плену, ни в оккупации. Находился все время вместе с женой и с сестрой, разбитой параличом; оба моих сына были в действующей армии и погибли в боях: под Харьковом в мае 1942 года (младший, 1921 года рождения) и в Карпатах в сентябре 1944 года (старший, 1918 года рождения). От последнего остался внук, которого мы с женой и воспитываем (род. в 1944 г.).

7. К судебной ответственности никогда не привлекался, ни сам, ни члены моей семьи.

8. Состав моей семьи в настоящее время: кроме меня, моя жена и внук (см. п.в.). Жена моя, Элеонора Александровна, в девичестве Майер, состоит в замужестве со мной с 1917 года. Она дочь ревельского мещанина Александра Николаевича Майера, родившегося и проживавшего всю жизнь в Москве, и дочери швейцарского консула в Москве Фэзи (Эмилии Августовны). Вся семья Фэзи тоже московская, все родились и жили в Москве до 1919 года, когда,

¹ Очевидно, Маркса-Ленина.

согласно разрешению советского правительства, все родственники жены репатриировались в Швейцарию. Отец жены тогда уже умер, а все мать и все сестры и братья [*прписка*: дядья и тетки] поселились в Швейцарии. Остались в Москве только моя жена, ради брака со мною, одна ее тетька, тоже дочь швейцарского консула Лухсингера, вышедшая замуж за русского: Амалия Федоровна Сапожникова, проживающая теперь вместе с нами. Она вдова-пенсионерка, получающая пенсию за сына, погибшего, как инвалид Отечественной войны. У меня была одна сестра Лидия Сергеевна Соколова, незамужняя, учительница средней школы, проживавшая всю жизнь вместе со мной, умершая в 1942 году. Других родных нет. Жена переписывается со своими родными: с матерью, до 1951 года, когда она умерла, и с сестрами — редко, но регулярно, к срокам семейных торжеств. В 1922, 1924, 1925 и 1927 она получала разрешение на выезд за границу для свидания с родными.

5 февраля 1953 г.

[Подпись: Вик. Соколов]

ДИПЛОМ

[копия]

№ 20976

Предъявитель сего, Виктор Сергеевич Соколов, вероисповедания православного, сын потомственного почетного гражданина, в бытность свою студентом Историко-Филологического факультета Императорского Московского Университета, в 1908, 1910, 1911 и 1912 выдержал полукурсовые испытания: по введению в философию весьма удовлетворительно, по логике весьма удовлетворительно, по психологии весьма удовлетворительно, по греческим авторам удовлетворительно, по латинским авторам весьма удовлетворительно, по государственному праву весьма удовлетворительно, по гражданскому праву весьма удовлетворительно, по политической экономии весьма удовлетворительно и сверх того: по введению в языковедение весьма удовлетворительно, по истории церкви весьма удовлетворительно, по истории Византии весьма удовлетворительно, по истории Византии весьма удовлетворительно, по истории западноевропейской литературы весьма удовлетворительно, по истории искусства весьма удовлетворительно, по истории русской словесности весьма удовлетворительно, и, по зачете определенного Уставом числа полугодий на означенном факультете в апреле и мае 1913 года подвергался окончательным испытаниям

в Историко-Филологической Испытательной Комиссии при означенном Университете по историческому отделу, причем оказал следующие успехи: по письменным ответам: по русской истории весьма удовлетворительно, по всеобщей истории весьма удовлетворительно, по устным ответам: по древней истории весьма удовлетворительно, по средневековой истории весьма удовлетворительно, по новой истории весьма удовлетворительно, по русской истории весьма удовлетворительно, по истории славян весьма удовлетворительно, по истории новой философии весьма удовлетворительно и по сочинению весьма удовлетворительно.

По сему и на основании ст. 81 общего Устава Императорских Российских Университетов 23 августа 1884 года, г. Соколов на заседании Историко-Филологической Испытательной Комиссии 1913 года удостоен диплома ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ, со всеми преимуществами, поименованными в ст.92 Устава и в V п. утвержденного в 23 день августа 1884 года мнения Государственного Совета. В удостоверение сего и дан сей диплом г. Соколову с надлежащею подписью и с приложением печати Управления Московского Учебного Округа.

Город Москва, июня 11 дня 1914 года.

Попечитель Московского Учебного Округа (подпись)

Председатель Историко-Филологической Испытательной Комиссии (подпись)

Правитель канцелярии (подпись)

М.П.

Печ. канцелярии попечителя Москов. учебн. Округа

[Приписка: 17 апреля 1954 года я, Лактионова В.И., нотариус Московской Государственной Нотариальной конторы, свидетельствую верность этой копии с подлинником ее.

При сличении копии с подлинником, в последнем: поправок, приписок, зачеркнутых слов и других особенностей не оказалось.

Взыскано госпошлины 4 рубля.

По реестру №2-4542

Нотариус (подпись, печать)

Для представления на конкурсе

ХАРАКТЕРИСТИКА

СОКОЛОВ Виктор Сергеевич 1889 года рождения, русский, беспартийный, доцент, заведующий кафедрой Древних языков Исторического факультета МГУ.

СОКОЛОВ В.С. работает в университете с 1936 года, а с 1949 г. заведует созданной по его инициативе кафедрой Древних языков. В 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию «9 книг Плиния Младшего как художественное произведение эпистолярного жанра», в том же году получил звание доцента. Под руководством СОКОЛОВА В.С. научная и учебная работа кафедры в соответствии с задачами Исторического факультета приобрела источниковедческое направление. В.С. СОКОЛОВ ведет спецкурсы по античным и средневековым источникам. В.С. Соколов выступает руководителем и главным участником всех коллективных научных и научно-методических работ кафедры, наиболее значительными из которых являются учебник латинского языка для историков, хрестоматии античных и средневековых авторов, перевод с параллельным текстом, критическим аппаратом и комментариями «Истории Александра Македонского» Квинта Курция Руфа, сборник греко-латинских источников по истории СССР. В соавторстве с И.С. Розенталем В.С. СОКОЛОВ опубликовал учебник латинского языка для юристов, в соавторстве с А.Ч. Козаржевским подготовил учебник древнегреческого языка.

Из индивидуальной работы источниковедческого характера следует выделить опубликованную монографию «Плиний Младший» и рассчитанное на 1957–60 гг. исследование «Римская историография IV века до² н.э.», из которой глава об Аммиане Марцелине принята к печати.

Большой знаток своего дела, прекрасный методист и преподаватель, опытный и чуткий руководитель, В.С. СОКОЛОВ пользуется высоким авторитетом как у товарищей по работе, так и у своих студентов и аспирантов многих поколений. Многие годы В.С. СОКОЛОВ был членом Ученого Совета Исторического факультета.

В.С. СОКОЛОВ все эти годы ведет общественную работу: был членом ревизионной комиссии месткома, членом избирательной комиссии по выборам народных судей, неоднократно выступал с докладами на теоретических конференциях Исторического ф-та, а также в НСО; постоянно дает кон-

² Так в тексте!

сультации молодым специалистам, закончившим Исторический факультет.

ДЕКАН
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
ДОЦЕНТ И.А. ФЕДОСОВ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ПРОФБЮРО ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
А.И. ШИРОКОВ

30 АПРЕЛЯ 1958 г.

Отчет заведующего кафедрой древних языков
Соколова В.С. об учебно-воспитательной и научной
работе за 1958–1963 гг.

Моя работа за последние 5 лет проходила в таком виде:

1. **Преподавательская** была очень разнообразна по содержанию: начиная с элементарного курса латинского яз. для первокурсников до труднейших текстов, требуемых для аспирантов. В связи с происходившим в эти годы сокращением количества часов для латинского языка по плану, я сокращал только количество читаемого текста, но сохранял всю общеобразовательную ценность этого курса, его возможность познакомить студентов-историков с некоторыми проблемами языкознания и филологии, без чего невозможно получить настоящего университетского образования исторического типа.

Особенно большое значение я придаю элементарному курсу на I году обучения. На этих занятиях происходит главная воспитательная работа со студентами. 1) От них требуется строгая и точная наблюдательность. Требуются толковые и правильные записи материалов курса. 2) Требуется анализ видимых и наблюдаемых форм и словосочетаний. Большое внимание уделяется выявлению общности корней в европейских языках, общность³ структуры склонений и спряжений, что очень облегчает студентам усвоение других языков. Наконец, общность синтаксических построений, что ярко сказывается на строе русского предложения и русской фразы. Этим студентам даются навыки филологического анализа источников истории, на каком бы языке они ни были написаны. 3) Когда

³ Так в тексте.

же мы переходим в декабре м-це к чтению латинских источников (Цезаря или Цицерона), здесь главное внимание обращается уже на содержание читаемого. К студентам предъявляются требования, чтобы они хорошо запоминали и знали, о чем они читают, какие сведения они получают об общественном, экономическом и политическом строе галлов, германцев или британцев I в. до н. э., о римской политике этого времени в отношении этих варварских народов. Или, если читается Цицерон, то какие они получают сведения о внутреннем строе римского общества, о том, как подготовлялось движение Катилины, какова была установка Цицерона, представителя римской власти и государства в его борьбе с Катилиной.

Соприкосновение с непосредственным первоисточником производит обычно глубокое впечатление на студентов, его не могут заслонить никакие книги, ни лекции. Студенты убеждаются, что по-настоящему можно узнать какую-либо историческую обстановку только из источника, при непосредственном с ним знакомстве.

Заканчиваем мы наш элементарный курс знакомством студентов с римской поэзией. Образцы стихов Катуллы, Вергилия, Овидия дают представление о таких прекрасных поэтических образах, которые вдохновляли художников всех стран и всех веков, вплоть до нашего времени. А стих Горация «Памятник» дает почву для глубокого анализа проблемы об общественном служении поэта. А этот вопрос и в наше время является весьма актуальным.

Такая постановка нашего курса объясняет, почему он неизбежно вызывает интерес у студентов. Всякое сокращение числа часов наносит непоправимый ущерб этой работе, отсекая его голову, т. е. самое ценное, что в нем есть. У нас в учебном плане снят латинский язык на 2 курсе, а именно 2 курс оказался не только не перегруженным, а скорее недогруженным — у студентов всего 2 экзамена в зимнюю сессию.

Такая установка элементарного курса латинского языка совершенно отличается от преподавания этого же предмета на филологическом ф-те и свидетельствует о существовании особой школы, созданной и разработанной на нашей кафедре, и, скажу прямо, под моим руководством. Это моя школа.

Помимо элементарного курса, мне приходилось читать и разбирать много различных и разных по трудности текстов античных авторов в спецгруппах и не только исторического ф-та, а также философского, где требовалось читать сочинения как античных, так и средневековых философов. В связи с большим интересом к древнегреческому языку и к древнегреческой литературе, я за последние годы больше работал по греческому языку и авторам как

античным, так и более позднего времени. Особенно интересными были занятия на специальном курсе философского ф-та, когда я читал с группой преподавателей фрагменты Гераклита Темного, критически анализируя все сделанные раньше его переводы, выявляя достоинства и недостатки каждого из них. Это была подлинно научная исследовательская работа, очень увлекавшая моих слушателей, да и меня самого.

2. Работа воспитательная была неотделима от моей преподавательской работы. Я убежден, что всякое общение мое со студентами оказывает на них воспитывающее воздействие. Здесь важно влияние личного примера: я никогда ничего не делаю такого, за что я бы мог упрекнуть студентов, я никогда не позволяю себе опаздывать и всегда бываю подготовлен к занятиям, я все время наблюдаю за работой студентов, направляю ее, подмечаю ее недостатки, на ходу исправляю их, всегда заинтересовываю студентов; я требую с них дисциплины не только внешней, но и внутренней, дисциплины ума и сознания. Я никогда не видал, чтобы студенты скучали или бездельничали на моих занятиях. В результате такой работы со студентами я вижу большие достижения. Кроме того, я охотно принимаю участие в развлечениях студентов: не раз я ходил с ними в театр и в кино, участвовал в их загородных поездках, часто беседую с ними на разные темы, преимущественно о литературе и искусстве. Студенты относятся ко мне с доверием и уважением.

3. Руководство кафедрой всегда требовало от меня много забот. Что касается подбора кадров, то мне удалось подобрать их хорошо: личный состав кафедры не оставляет желать ничего лучшего. Каждому члену кафедры я подобрал наиболее интересующую его область работы: некоторые специализировались на чтении античных авторов (т.т. Козаржевский, Федорова, я сам), другие — на средневековых авторах (т.т. Дрбоглав, Попова, Миронова), Е.Б. Веселого стала большим специалистом по византийской литературе, по юридической литературе специализировались т.т. Цетлин, Годовикова, Морозова, с заочниками работает преимущественно Козлова. Но это не значит, что эти товарищи не выполняют также и других видов работы. И все работают не только охотно, но с увлечением. Расценивая значение кафедры древних языков на Историческом ф-те как кафедры вспомогательных дисциплин, я заботился, чтобы работа ее охватила все такие дисциплины.

Действительно, доц. Дрбоглав стал специалистом по латинской палеографии, т. Федорова взяла на себя труд исследовать область латинской эпиграфики; оба они готовят учебное пособие, и по эпиграфике это первое пособие на русском языке; один аспирант, про-

шедший основательно всю школу нашей кафедры, становится специалистом по средневековой греческой палеографии, т. Миронова согласна, когда понадобится, заняться изучением средневековой сфрагистики и дипломатики. И таких работ, нужных для специалистов по истории средних веков и древнего мира, не производится больше нигде во всей нашей стране. Нигде также не читается столько авторов и источников истории. Исходя из такой нашей работы, все направление нашей работы стало источниковедческим: мы работаем главным образом над источниками: читаем их, переводим, исследуем, комментируем, готовим к опубликованию.

К сожалению, только самое опубликование очень сильно задерживается. Так, лишь в настоящее время должно, наконец, появиться из печати изд. сочинения Квинта Курция Руфа «Поход Александра Македонского», подготовленное нашим коллективом, с параллельным русским текстом и с критическим аппаратом и сданный в издательство к юбилею МГУ в 1955 г., т. е. почти восемь лет тому назад! Печатать латинский текст все еще оказывается очень затруднительно, а греческий — совсем даже невозможно. Это очень ярко сказалось на опубликовании учебника древнегреческого языка: после многолетних усилий его, наконец, удалось напечатать только на ротапринтере и очень плохо. Но мы не оставляем этих работ, двое членов кафедры состоят в аспирантуре кафедры источниковедения СССР.

Много внимания уделяет кафедра вопросам методики: кафедрой разработано и частью опубликовано много работ по методике преподавания древних языков (главным образом на вечернем и заочном отделениях) и много методразработок различных тем по грамматике и по тематике занятий на Юридическом ф-те.

Как руководитель кафедры, я сторонник коллективных работ: это ускоряет работу, подымает общий интерес, создает постоянный контроль. Именно так выполнены работы по учебным пособиям: учебники греческого и латинского языка, латинские хрестоматии (по античной и средневековой латыни), греческая хрестоматия, еще не законченная. Те из них, которые удалось опубликовать, вполне себя оправдали: например, учебник древнегреческого языка, вышедший в свет в декабре 1962 г., в феврале 1963 г. был уже весь распродан.

4. **Моя научная работа** находится в полном соответствии с общей работой кафедры. Помимо многолетней работы над учебником древнегреческого языка, о чем уже было сказано, я уже несколько лет разрабатываю большую тему «Римская историография 4 в.» и еще далеко не закончил эту работу. Меня интересует тот период в

истории римской историографии, когда в ней произошел перелом, постепенно затухла традиция писать историю «от основания города Рима», уступив место новой традиции писать ее «от сотворения мира». Многое мною уже написано, но еще больше того осталось. Не берусь назначить время, когда я мог бы довести свою работу до такого состояния, когда ее можно было бы предъявить в качестве докторской диссертации. Кроме того, я много переводил за это время: полностью перевел соч. Аврелия Виктора и Анонимных историков 4 в., участвовал в коллективном переводе истории Николая Дамаскина.

В 1962 г. издан мой перевод Гуситской хроники Лаврентия, подготовлен к изданию перевод еще трех других хроник. В настоящее время я занят переводом истории Диона Кассия, еще ни разу не переведенного полностью. Я выполнил также несколько работ по редактированию переводов: Фомы Сплитского, Мартина Галла, Козьмы Пражского, писал рецензии на работы переводного характера. В настоящее время я член Ученого совета Исторического ф-та и Методической комиссии.

5. Общественная работа вне стен МГУ состояла в том, что я не раз участвовал в выборных кампаниях в Очаковском участке Ленинского р-на.

21 февраля 1963 г. Заведующий кафедрой древних языков доц. В.С. Соколов

[Подпись, печать]

[Приписка: *Подпись доц. Соколова В.С. заверяю. Ученый секретарь Исторического ф-та МГУ А. Сергеев.*]

СПИСОК

печатных трудов и [трудов], подготовленных к печати, доцента Соколова В.С.

1. Перевод избранных писем Шиллера и Гете в Юбилейном сборнике изд. Моск. гимн. Им. Шеллапутина [приписка — 1905г.]
2. Перевод с немецкого: Д-р Целль: «Басни о животных» изд. К.И. Тихомирова 1908 г. г. Москва
3. Перевод с немецкого: Д-р Целль «Разумно ли животное?» Изд. К.И. Тихомирова 1910 г. Москва

4. Программы по истории с развернутыми планами и указаниями пособий и литературы для учителя и ученика. — 1926 г. ГИЗ
5. Объяснительные записки и методические письма к программам по истории и обществоведению. — в Бюллетенях МОНО за 1924–1929 гг.
6. Метод разработки программ по истории вып. IV 1928 г. Москва (Участие в коллективном труде в размере 7 печ. л. на мою долю)
7. Статьи в журналах:
 - «Обществоведение в средней школе»;
 - «История в средней школе»;
 - «Журнал-учебник»;
 - «Вестник коммунистического воспитания» за годы 1926–1934
8. Учебные наглядные пособия по истории: серии диапозитивов с объяснительным текстом и вводными статьями на темы:
 - «Рим» — выдержало три издания
 - «Раннее средневековье» — две серии
 - «Великая крестьянская война» 1925 г.
 - «Гуманизм и гуманисты»
 - «Нидерландская революция» и др. за годы 1930–1936
9. Перевод [приписка — с *франц.яз.*] Приложений к 1 т. «Хронологические выписки К. Маркса». Исторический очерк изд. ИМЭЛ 1937–1938 гг. [приписка — *статья Ботта*]
10. Перевод [приписка — с *нем.яз.*] многочисленных Маркса, Энгельса и В. Либкнехта в сборниках изд. ИМЭЛ 1937–1938 гг.
11. Многочисленные методические письма и разработки программ по иностранным языкам — преимущественно немецкому. — Изд. в Бюллетенях ГУУЗа НК ТЯЖ Прома за годы 1932–1935.
12. Переводы всех цитат из древних авторов [приписка — *на лат. и греч. яз.*], включенных в тексты и примечания I, II и III тома последнего изд. «Капитал» Маркса
13. Программа по латинскому языку для Ист-факов и объяснительная записка к ней — изд. в Бюллетенях КВШ за 1939 г.
14. Переписка Плиния Младшего с Траяном. — Перевод, вводная статья и исторический комментарий. — Журнал: «Вестник Древней Истории», 1946 г. №2
15. Статья о Лукреции в журнале «История в средней шк.» 1946 г. №42

16. Статья: «Лукреций Кар и его творчество» в Ученых записках по Историч. факультету №143.
17. Перевод Панегирика Траяна в сборнике: Письма Плиния Младшего изд. Ак.Наук 1950 г.
18. Статья: «К вопросу о методике и методологии учебников по древним языкам» (Вестник Др. Истории 1949 г. №4)
19. Перевод фрагментов истории Саллюстия (В. Др. Ист. 1950 г. №1) [приписка — 5 н.л.]
20. Программа по латинскому языку для факультетов Исторического, Филос. и Юридич. МГУ 1951 г. [приписка — 2 н.л.]
21. Составление совместно с Н.Н. Пикус II-го тома хрестоматии по Истории Древнего мира под ред. ак. В.В. Струве. Уч.Пед.Гиз. М.1951 г.
22. Переводы древних авторов и исторических памятников во II т. той же хрестоматии 1951 г. [приписка — 5 н.л.]
23. Титульное редакторство учебника лат. яз. для ветеринарных институтов авторов Ляндесберг и Голиков, изд. «Советская наука» [приписка — 12 н.л.]
24. Соавторство с проф. Розенталь И.С. в составлении учебника лат.яз. для Юридич. факультетов и Институт. Изд. Литературы на Иностр. яз. М. 1953 [приписка — 12 н.л.]
25. Переводы древних авторов и исторических памятников в III т. хрестоматии по истории древнего мира под ред. ак. В.В. Струве. М. 1954 [приписка — 4 н.л.]
26. Спец.-курсы (критика латинского текста, комментариев, слова) по средневековым авторам:
 - 1) Эйнхард — Жизнь Карла
 - 2) Абельяр — Автобиография (письмо к другу)
 - 3) Титмар Мерзебургский — Хроника
 - 4) Козьма Пражский — Хроника
 - 5) Аноним Гнезненский — Хроника
 - 6) Марсилий Падуанский — Защитник мира, кн.1
 - 7) Томас Мор — Утопия (в отрывках)
 - 8) Ульрих Гуттен — Призыв к войне с турками
 - 9) Эразм Роттердамский — 3 диалога
в составе Хрестоматии средневековых авторов т.1, МГУ 1955
[приписка — 10 н.л.]
27. Плиний Младший. Монография. МГУ 1956 [приписка — 20 н.л.]

28. Исторический комментарий к переводу фрагментов истории Саллюстия. ВДИ 1950 №1 [приписка — 1,5 н.л.]
29. Перевод с английской книги The Ancient Greek Society 1957 г. Изд. Иностр. Лит. [приписка — 15 н.л.]
30. Редакторство (титульное) в сборнике [приписка — переводов] трудов Абеяра А.Н. 1958 г. [приписка — 8 н.л.]

Подготовлено к печати

1. Квинт Курций Руф. — Перевод и комментарий к истории Александра Македонского, кн. 4, 5, 9, 10 [приписка — 15 н.л.]
2. Перевод с латинского чешских хроник по истории Гуситского движения (20 п.л.)
3. Комментарий (исторический и филологический) к греческому тексту Константина Багрянородного «Об управлении» и «О церемониях» (в сборнике греко-латинских источников по истории Киевск. Руси) [приписка — 1,5 н.л.]
4. Спец-курсы (критика греческого текста, комментарий, словарь) по античным греческим авторам:
 - 1) Лисий — 12-я речь
 - 2) Ксенофонт — История Греции, кн. II, гл. 2,3
 - 3) Диодор — О правлении 30-ти тиранов
 - 4) Аппиан — о заговоре Катилины
 - 5) Дион Кассий
 - 6) Плутарх — о восстании Спартака
 - 7) Аппиан
 - 8) Лукиан — Суд Париса в составе Хрестоматии древних греческих авторов, т.1 [приписка — 5 н.л.]
5. Аммиан Марцеллин — последний римский историк IV в. н.э. (статья для ВДИ)
6. Евтропий — римский историк IV века (исследование) для сборника «Научные труды Ист.-Фак.»

[Подпись: Вик. Соколов]

[Приписка: Список научных работ и подпись Соколова В.С. заверяю. Ученый секретарь Исторического фак-та МГУ А. Сергеев]

Е.В. Фёдорова

ПРОФЕССОР В.С. СОКОЛОВ — ОСНОВАТЕЛЬ КАФЕДРЫ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ*

Виктор Сергеевич Соколов родился 15(2) февраля 1889 г. в Москве в семье архитектора, где из поколения в поколение передавалась память о родоначальнике семьи Соколовых: это был выходец из Шотландии, который в конце XVIII в. служил садовником в богатом подмосковном имении Вороново, принадлежавшем графу Ф.В. Ростопчину, организовавшему там рациональное хозяйство; иностранец-садовник был его составной частью.

Виктор Сергеевич уже в детстве получил блестящее образование с прекрасным знанием иностранных языков. Когда его однажды спросили, помнит ли он то время, когда еще не знал латинский язык, он ответил: «Нет, я его всегда знал».

В 1913 г. В.С. Соколов окончил историко-филологический факультет Московского университета по специальности «история», а в 1915 г. — классическое отделение Шелапутинского педагогического института. Еще в студенческие годы он стал преподавать латинский язык в гимназии Реформатского общества. При советской власти эта гимназия была преобразована в техникум, где до 1932 г. Виктор Сергеевич преподавал историю и обществоведение. В тридцатых годах он заведовал кафедрой иностранных языков в Институте повышения квалификации хозяйственных работников тяжелой промышленности.

* Впервые опубликовано: Труды кафедры древних языков (к 50-летию кафедры). СПб., 2000 (Труды исторического ф-та МГУ: вып. 15; серия III. Instrumenta studiorum: 6). С. 10-14.

Преподавателем кафедры древних языков на историческом факультете Московского университета В.С. Соколов стал в 1936 г. Одновременно он преподавал в Институте Истории, Философии и Литературы (ИФЛИ).

В первые месяцы войны в МГУ восстановили филологический факультет и слили с ним ИФЛИ. Кафедра древних языков исторического факультета прекратила свое самостоятельное существование, так как на филологическом факультете ИФЛИ была кафедра классической филологии, которая превратилась в университетскую. Виктор Сергеевич стал членом этой кафедры.

Много усилий приложил В.С. Соколов к тому, чтобы убедить университетское руководство в необходимости восстановить на историческом факультете кафедру древних языков, что и было сделано осенью 1949 г. Заведующим стал Виктор Сергеевич, а значительная часть преподавателей была переведена с кафедры классической филологии.

В.С. Соколов с самого начала придал кафедре источниковедческий характер, создав новую методику целенаправленного изучения древних языков, позволяющую в сжатые сроки (по сравнению с обилием учебных часов на филологическом факультете) научить студента понимать подлинный исторический текст, античный или средневековый. Адаптированный текст был исключен из преподавания почти полностью (достаточно сказать, что в общем курсе латинского языка при четырех часах в неделю первокурсники знакомились с подлинным античным текстом уже в ноябре; правда, это была только первая глава первой книги «Записок о галльской войне» Юлия Цезаря).

Заслугой кафедры является то, что был освоен широкий круг античных и средневековых авторов и документов, ранее никогда не входивший в практику преподавания.

Виктор Сергеевич был превосходным преподавателем; он обладал не только широким знанием языков и истории, но и особым умением установить дружеский контакт со студентами, сочетая требовательность с очень уважительным отношением к ним. Он не был злым человеком, и студенты ощущали и ценили его благожелательность; у него никогда не было с ними никаких конфликтов. Те, кто у него учились, на всю жизнь сохранили о нем восторженные воспоминания. Перефразируя известные слова А.С. Пушкина, можно сказать, что Виктор Сергеевич своим самоотверженным трудом пробуждал в студентах добрые чувства и этим был им любезен.

А.Ч. Козаржевский, его многолетний коллега, в некрологе почтил его такими словами: «В.С. Соколов был педагогом по призванию».

нию. Он ценил в студентах прежде всего сознательное отношение к делу, непримиримо борясь как с бездумной зубрежкой, так и с пренебрежением черновой работой в освоении языка. При чтении исторических источников он не ограничивался чисто грамматическими объяснениями, а всегда давал обширные комментарии исторического характера. Античность для него не была чем-то застывшим, музейным, бесконечно далеким от современности. Многочисленные ученики В.С. Соколова (а среди них немало известных ученых) с благодарностью вспоминают своего учителя за то, что древность в его устах была вечно живой» («Вестник Московского университета». 1967. История. № 4. С. 93).

Виктор Сергеевич был первым среди филологов-классиков, кто категорически заявил о необходимости отраслевой методики преподавания древних языков, о том, что их надо преподавать поразному филологам, историкам, юристам, философам. Он эту методику создал и успешно претворил в жизнь. В соавторстве с И.С. Розенталем он написал учебник латинского языка специально для юристов (он издан дважды — в 1953 и в 1956 г.). Совместно с А.Ч. Козаржевским был создан учебник древнегреческого языка специально для историков (издан в 1962 г.). В 1956 г. вышла первая хрестоматия латинских средневековых исторических текстов (под ред. В.С. Соколова и Д.А. Дрбоглава). Кафедра издала коллективные труды — переводы «Истории Александра Македонского» Квинта Курция Руфа и сочинений Николая Дамасского.

В 1943 г. В.С. Соколов защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук «Девять книг писем Плиния Младшего как художественное произведение эпистолярного стиля»; в 1956 г. опубликована его монография «Плиний Младший (Очерк истории римской культуры времен империи)».

В.С. Соколов уделил много внимания исследованию трудов историков IV в. н. э. и результаты этой работы частично опубликовал в виде отдельных статей (их полный перечень помещен в его некрологе). Кроме того, он перевел большое число древних и средневековых текстов, в частности, 10 книг «Римской истории» Диона Кассия.

В 1965 г. В.С. Соколову было присвоено ученое звание профессора.

Виктор Сергеевич был человеком замечательным, он принадлежал к лучшим представителям русской дореволюционной и советской интеллигенции. В нем всегда очень проявлялись качества именно дореволюционного интеллигента. Это выражалось в его высокой образованности, в совершенно свободном владении немец-

ким и французским языками, в широте его научного кругозора, в его глубоком либерализме, в его особой тактичности, в очень благожелательном отношении к людям, в его стойкости в перенесении несчастий, а они его не миновали (достаточно вспомнить, что оба его сына, очень достойные молодые люди, погибли на фронтах Отечественной войны, пришлось ему пережить и кончину своей супруги Лоры Александровны, женщины в высшей степени добродетельной, но это его не сломило и не озлобило).

Виктор Сергеевич был человеком столь увлекающимся работой, что иногда преступал меру; он был убежден, что надо работать всегда. Однажды это выразилось в том, что научный план кафедры оказался настолько перегружен количеством запланированных работ, что руководство факультета решило уменьшить их число, и это в те времена при советской власти, когда лозунгом эпохи были слова из популярной песни: «Всё выше, и выше, и выше». Так вот, беспартийному Виктору Сергеевичу указали, что кафедра устремилась слишком высоко. План сократили. Но в данном случае Виктор Сергеевич, будучи интеллигентом дореволюционного времени, следовал традициям патриарха классической филологии Сергея Ивановича Соболевского; когда тот был уже в преклонном возрасте, от него потребовали, чтобы он представил план научной работы на пять лет вперед; Соболевский представил план на 20 лет вперед; он сохранял работоспособность до 95 лет. Но... не все обладают силой Соболевского и не от всех ее можно требовать. Однако благодаря энергии Виктора Сергеевича кафедра древних языков дала большую печатную продукцию.

Виктор Сергеевич всегда оставался деятельным человеком с живым интересом к людям, к своей работе, к науке. Тлетворный дух скептицизма был очень далек от него. Виктор Сергеевич был человеком светлой души, любил посмеяться и пошутить, но его шутки всегда были изящны и беззлобны. Будучи уже весьма пожилым, он всё еще оставался очень восприимчивым к тому смешному, что встречается в жизни. Однажды был такой случай. Одна из преподавательниц кафедры собиралась переехать на новую квартиру, которая находилась на окраине Москвы около Верёво-Войлочного проезда. Виктор Сергеевич был потрясен тем, что в Москве есть улица с таким диким названием. Случилось так, что в эти дни он вместе с другой преподавательницей пошел в консерваторию на симфонический концерт. Но удовольствие оказалось полностью испорченным. Как рассказывала потом эта преподавательница, время от времени Виктор Сергеевич вспоминал про Верёво-Войлочный проезд, и его душил смех, явно неуместный при серьезной музыке.

Эта живость восприятия всегда отличала Виктора Сергеевича. Он был человеком очень легким в общении. И даже если ему что-то не нравилось, он умел выразить свое отношение тактично. Будучи человеком старых вкусов, он ценил в людях скромность и не приветствовал следование моде. Однажды одна молодая преподавательница изменила прическу: подстриглась под мальчика. Виктору Сергеевичу это очень не понравилось, но он ей ничего не сказал, а на заседании кафедры мельком заметил: «Появился у нас ужасный мальчишка». Преподавательница смущенно улыбнулась, а все присутствовавшие сделали вид, что ничего не поняли, а потом, когда волосы отросли, неудобная прическа исчезла сама собой, и не могло быть речи о ее восстановлении. У Виктора Сергеевича был естественный взгляд на мир: он полагал, что женщина должна быть похожа на женщину, а не на что-нибудь другое. Разумеется, при Викторе Сергеевиче ни одной представительнице прекрасного пола не могло прийти в голову явиться в университет в брюках; другое дело — во время путешествия, в горах — там можно. Сам Виктор Сергеевич одевался скромно и очень достойно, всегда при галстукe. Держался прямо. Был худощав. Ходил с палочкой быстрым и легким шагом.

Виктор Сергеевич к людям относился с уважением, а к студентам не только с уважением, но и с особой любовью, и они ему платили взаимностью, хотя человек он был требовательный. Всем своим обликом, всем своим поведением он вызывал к себе чувство уважения и симпатии; не было людей, которые о нем говорили бы плохо — нечего было сказать. Напротив, не раз нам, работникам кафедры, приходилось слышать: «Вы — счастливые люди, вы работаете у Виктора Сергеевича». Это была правда, ибо мы шли на работу с интересом и легким сердцем.

Виктор Сергеевич Соколов благополучно прошел свой жизненный путь, будучи окружен любовью и вниманием своих коллег. Он заблаговременно позаботился о преемнике, дав возможность Андрею Чеславовичу Козаржевскому войти во все кафедральные дела. Виктор Сергеевич покинул мир спокойно, зная, что дело всей его жизни — кафедра древних языков — остается в надежных руках. Свою библиотеку он завещал своей кафедре, которая благодаря этому располагает хорошим собранием текстов древних греческих и латинских авторов.

Виктор Сергеевич скончался у себя дома 21 апреля 1967 г. в возрасте 78 лет.

Вся жизнь В.С. Соколова была образцом высокого человеческого достоинства и преданности своему делу.

Н.М. Мещерякова

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ — В.С. СОКОЛОВЕ*

В сороковые-пятидесятые годы, когда мне посчастливилось учиться на историческом факультете, находившемся тогда на необычном научном подъеме, кафедра истории средних веков была едва ли не самой сильной своим профессорско-преподавательским составом. На ней работали наши дорогие старики — Е.А. Косминский, С.Д. Сказкин, В.М. Лавровский, А.И. Неусыхин, М.М. Смирин, и молодые, только что вошедшие в науку — Н.А. Сидорова, Е.В. Гутнова, Э.В. Удальцова. О каждом из преподавателей кафедры можно было бы написать поучительные и увлекательные очерки — столь яркими и незаурядными не только учеными и преподавателями, но личностями они являлись. Существовавшая благодаря им на кафедре атмосфера высокой научной требовательности, поощрения исследовательского поиска, доброжелательности и дружелюбия благоприятствовала в огромной мере научному формированию студентов и аспирантов.

И, казалось, может вызвать удивление тот факт, что в первую очередь и чаще всего вспоминаются с величайшей благодарностью и теплотой занятия на кафедре латинским языком, по сути вспомогательной дисциплиной, но, конечно, обязательной и необходимой для историка, его неизменным инструментарием. Эти занятия вел Виктор Сергеевич Соколов. Кто знал его и учился у него, не станет удивляться.

Занятия по своей организации в малочисленных группах студентов и аспирантов (не более двух-трех человек) отличались вполне камерным характером. Однако, естественно, дело не в этом. Важно, что мы постоянно встречались с Виктором Сергеевичем на частых регулярных занятиях, и теперь, издалека, с особым смыслом видится и ценится то, как существенно и необыкновенно обогащали нас эти встречи. Обогащали не только знанием языка, но мудростью и редко встречаемой именно такой, какая была прису-

* Впервые опубликовано: Труды кафедры древних языков (к 50-летию кафедры). СПб., 2000 (Труды исторического ф-та МГУ: вып. 15; серия III. Instrumenta studiorum: 6). С. 15–16.

ща Виктору Сергеевичу, высотой нравственности. Огромную роль в воспитании студентов и аспирантов играла личность самого Учителя. Даже внешне скромный, особо не приметный облик Виктора Сергеевича поистине излучал свет внутреннего, душевного богатства, жизненной стойкости, доброты.

Латинский язык, как познавали мы на занятиях Виктора Сергеевича, сам по себе дает великолепные образцы логики и диалектики, глубины и широты мышления. А неспешное содержательное обсуждение различных тем и проблем в латинских текстах на занятиях Виктора Сергеевича в действительности превращалось в настоящие философские раздумья и откровения. Более всего впечатляло и запомнилось на всю жизнь изучение текстов Лукреция «De rerum natura» и од Горация.

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi, quem tibi
Finem di dederint... —

эти горациевы строки, повествующие о восприятии поэтом вечной проблемы жизни и смерти, приковывали наше пристальное внимание благодаря проникновенному раскрытию их содержания трактовкой, рассуждениями Виктора Сергеевича. Комментарии Виктора Сергеевича основывались на богатом, но отнюдь не легком, горестном опыте его собственной жизни.

Подлинным уроком гражданственности становилось знакомство с одой Горация, посвященной осмыслению темы римской государственности в бытность трудных времен республики:

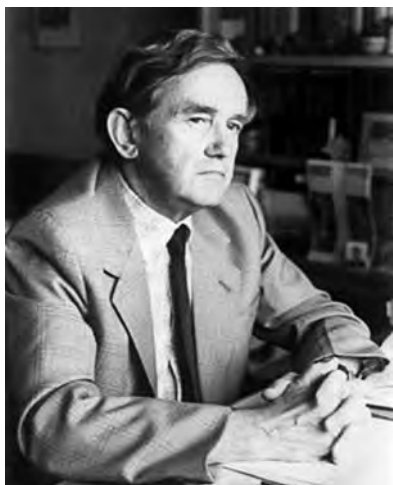
O navis, referent in mare te novi
Fluctus! O, quid agis? Fortiter occupa
Portum...

К вдумчивым толкованиям Виктором Сергеевичем стихов Горация нередко и сейчас по памяти обращаешься, сталкиваясь с различными вопросами на жизненном пути. И диву даешься, как сам Виктор Сергеевич стойко и мужественно переносил со свойственной ему нравственной силой выпавшие на его долю несчастья.

Как сейчас помню, прекрасная музыка скорбной прощальной мелодии Седьмой симфонии Бетховена в Актовом зале Истфака на улице Герцена сопровождала уход от нас Виктора Сергеевича. Но уже проверено достаточно длительным с той поры временем, что искренняя признательность замечательному, светлому человеку, ученому, мудрому Учителю сохраняется в душе пожизненно.

Е.В. Фёдорова

**ПРОФЕССОР А.Ч. КОЗАРЖЕВСКИЙ —
ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ
ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ В 1967–1995 гг.***

Андрей Чеславович Козаржевский был, бесспорно, выдающейся личностью. Он пользовался широкой известностью не только в МГУ, но и в Москве и за ее пределами. Высокая культура, подлинная интеллигентность, широта интересов, активная жизненная позиция, энергия, личное обаяние привлекали к нему множество людей разных возрастов и профессий. Он обладал природным даром лектора и истинным талантом общения с любой аудиторией. Диапазон его деятельности был чрезвычайно велик.

К А.Ч. Козаржевскому в полной мере применимо знаменитое древнеримское изречение «Человек сам своего счастья кузнец». Судьба далеко не всегда была к нему добра: наградив его талантом и равнодушной душой, она отмерила ему немалую горсть трудностей, которую рассыпала на его пути уже в первые годы жизни.

Андрей Чеславич (а именно так он сам себя называл — Чеславич, а не Чеславович) родился 19(6) августа 1918 г. в интеллигентной семье почтовых служащих. Его мать, Анастасия Александровна, была дочерью обрусевшего немца Александра Эдуардовича Аккермана и русской — Елены Павловны Глебовой. Его отец, Чеслав Альфонсович, поляк, в 1918 г. находился в Гродно и по причине из-

* Впервые опубликовано: Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1996. № 2. С. 60–66; вторично (с изменениями): Труды кафедры древних языков (к 50-летию кафедры). СПб., 2000 (Труды исторического ф-та МГУ: вып. 15; серия III. Instrumenta studiorum: 6). С. 17–22.

менившейся политической ситуации не смог приехать в Россию; он знал, что у него родился сын, но неблагоприятная судьба не позволила встретиться отцу и сыну, оказавшимся в разных государствах. В 1920 г. в Польше Чеслав Альфонсович скончался от болезни. Андрей Чеславич остался без отца.

В 1936 г. А. Ч. Козаржевский окончил в Москве среднюю школу и стал студентом классического отделения Московского института Истории, Философии и Литературы (ИФЛИ).

В 1938 г. умерла мать Андрея Чеславича. Заботу о нем взяли на себя ее сестры, к которым он навсегда сохранил чувство глубокой признательности.

В 1941 г. Козаржевский с отличием закончил институт, получил рекомендацию в аспирантуру и блестящую характеристику, подписанную крупными учеными: профессором С. Гвоздевым, академиком М. Покровским и профессором Д. Коноваловым. На характеристике стоит дата: 17 июня 1941 г.

Через четыре дня началась война, и вся жизнь перевернулась.

Андрей Чеславич, будучи человеком активным, студентом вступил в ВЛКСМ, а в первые дни войны записался добровольцем в народное ополчение. У него был туберкулез легких, и поэтому в регулярную армию его не взяли. Наркомпрос направил его работать в Сибирь учителем русского языка и литературы средней школы в селе Ермаковском Красноярского края. Так, лишенный родных, больной, Козаржевский начал свой самостоятельный жизненный путь далеко от Москвы в годы великого лихолетья своего Отечества.

В этих экстремальных условиях молодой Козаржевский не пал духом, но с увлечением стал осваивать профессию учителя. Впоследствии он всегда с душевной теплотой вспоминал годы, проведенные в сибирском селе, и хотя в дальнейшем работал только в высшей школе в Москве, тем не менее всегда думал, что его призвание именно в том, чтобы быть учителем. Уже будучи профессором, он сам себя считал учителем и проявлял к студентам именно учительское отеческое отношение, сеял разумное, доброе, вечное. Студенты это чувствовали и любили Андрея Чеславича.

В 1944 г. Всесоюзный Комитет по делам Высшей Школы при СНК СССР отправил А. Ч. Козаржевскому вызов в Москву для поступления в аспирантуру классического отделения филологического факультета МГУ. В связи с отъездом из Сибири директор школы А. Крупская выдала ему характеристику, где было отмечено, что его уроки как в младших, так и в старших классах проходили живо и интересно, что ученики любят его, что он хороший обществен-

ник, работал агитатором в колхозе, был внештатным лектором РК ВЛКСМ и читал лекции в клубе, парткабинете и других местах.

Так в юные годы в тяжелейших условиях А.Ч. Козаржевский сумел найти свое достойное место в жизни. Болезнь, особо опасная в годы лишений, через много лет всё-таки отступила, и в 1958 г. его поставили на военный учет, признав полностью здоровым.

В Москве Андрей Чеславич навсегда вернулся к своим любимым древним грекам и римлянам. В январе 1954 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему: «„Киропедия“ Ксенофонта Афинского как историко-литературный памятник IV в. до н. э.»

В 1946 г., будучи еще аспирантом, Козаржевский начал преподавать античную литературу, древнегреческий и латинский языки в Московском Городском Педагогическом институте им. В.П. Потемкина сначала на условиях почасовой оплаты, а затем в штате; в его характеристике отмечено, что он умеет связать преподавание древних языков с новыми, что является «очень ценным преподавателем для лингвистических специальностей, прекрасным квалифицированным педагогом, пользующимся, несмотря на свою молодость, большим авторитетом у студентов и аспирантов».

С 1953 г. Андрей Чеславич стал работать на кафедре древних языков исторического факультета МГУ (сначала как старший преподаватель, с 1959 г. — как доцент, с 1967 г. — заведующий кафедрой, а с 1985 г. — профессор Московского университета).

Когда кафедру древних языков возглавил А.Ч. Козаржевский, она уже имела свое лицо, свои традиции и немалую печатную продукцию.

Будучи человеком в высшей степени интеллигентным, Андрей Чеславич всегда с глубоким почтением относился к добрым традициям и следовал им: он вел кафедру в ее прежнем направлении. Обладая хорошим практическим знанием не только языков, но и истории, он никогда не являлся филологом-лингвистом, его специализацией было литературоведение, а его кандидатская диссертация имела явно выраженный исторический уклон.

Научная деятельность А.Ч. Козаржевского целиком подчинялась интересам исторического факультета. Продолжая традицию создания отраслевой методики преподавания древних языков, он написал учебники по латинскому и древнегреческому языкам, ориентированные специально на студентов-историков. Козаржевский не любил абстрактного теоретизирования, и вся его деятельность по преподаванию и созданию учебников преследовала чисто практическую цель — научить студента досконально понимать текст ис-

торических источников, без чего невозможна научная работа. При этом он стремился к лаконичности изложения материала, терпеть не мог наукообразную заумь и не любил многословия; ему всегда было тяжело общаться с людьми, употребляющими слишком много слов. В учебнике по латинскому языку он учел также интересы студентов-юристов и философов. Для юристов А. Ч. Козаржевский написал особое краткое учебное пособие, представляющее исключительную ценность, ибо специальный учебник по латинскому языку для юридических факультетов, написанный И. С. Розенталем и В. С. Соколовым, был сожжен в те печальные годы, когда латынь была отменена на юридическом факультете.

Андрей Чеславич глубоко почитал университетские традиции: он был сторонником фундаментального и широкого образования, проявлял уважительное отношение к личности, считал, что университетский преподаватель имеет право на свой метод, а студент — на собственное мнение. При необходимости соблюдения учебного плана преподаватели кафедры древних языков не были обязаны, как по команде, в одно и то же время произносить одни и те же слова. В рамках единых требований и определенного объема материала преподаватель имел возможность варьировать (например, на первом курсе вместо традиционных двух глав Цезаря и двух Цицерона можно было прочесть и вынести на экзамен две главы Цицерона, одну Саллюстия и одну Юстина). Это придавало преподавательской работе творческий характер, побуждало к поиску новых текстов, способов объяснения материала и методов его усвоения. Отсутствие формализма создавало основу для хороших отношений между преподавателями и студентами, большинство из которых с интересом относились к учебе.

Не будучи формалистом и уважительно относясь к людям, Андрей Чеславич редко посещал чужие занятия, ибо хорошо понимал, что в его присутствии преподаватель чувствует себя «не в своей тарелке», а студенты от страха теряют способность соображать. Он любил приходить в чужую группу в случае отсутствия преподавателя и тогда, ведя занятие сам, мог судить о знаниях студентов. Именно знания студентов были для него критерием качества работы преподавателя. Андрей Чеславич всегда охотно допускал на все занятия чужих студентов и преподавателей, не преследующих целей инспектирования. Об уровне работы кафедры говорит тот факт, что выпускники исторического факультета МГУ преподают древние языки во многих учебных заведениях вплоть до Лингвистического университета. В этом заслуга создателя кафедры В. С. Соколова и достойного продолжателя его дела А. Ч. Козаржевского.

В непосредственные обязанности Андрея Чеславича входили только практические занятия по древним языкам. Но его кипучая и неутомимая натура уводила его далеко за эти пределы. По собственной инициативе А.Ч. Козаржевский создал курс лекций по мастерству устной речи, а также по памятникам мировой истории и культуры (с показом диапозитивов и даже с музыкальным сопровождением). Человек богатой и щедрой души, он стремился свой интерес к жизни, к культуре, к искусству передать студентам. Он вообще считал, что главное в жизни не потреблять, а именно отдавать свои знания, свои силы, свои чувства. По собственному желанию Андрей Чеславич создал также спецкурсы по источниковедению раннего христианства, по восточно-греческому диалекту «койне» и читал их не только на историческом факультете, но и на классическом отделении филологического факультета МГУ.

Деятельность А.Ч. Козаржевского не ограничивалась стенами МГУ. Он читал лекции по ораторскому искусству и памятникам истории и культуры для самой широкой аудитории. Выступал в Политехническом музее, а также во многих других учреждениях Москвы вплоть до Аппарата Президиума Верховного Совета СССР и КГБ. По линии всесоюзного общества «Знание» Козаржевский читал лекции во многих городах Сибири, Литвы, Латвии, Западной Украины, Грузии. В круг его интересов входила также история христианской религии и культа; это были лекции по религиозно-социальной проблематике Нового Завета, по символике православного храма и иконы, по старообрядчеству и обновленческому расколу. Преимущественно эти лекции он читал в Православном университете и в Богословском институте. А.Ч. Козаржевский был участником многочисленных конференций. Когда коллеги пытались уговорить его не перегружать себя, он отвечал, что испытывает огромное удовлетворение от общения с людьми, в том числе и с людьми иных профессий. Ему была присуща огромная потребность в общении, он не был кабинетным ученым, не мог проводить жизнь, замкнувшись только в мире книг. Ему нужны были люди.

Активная жизненная позиция А.Ч. Козаржевского обусловила его обширную общественную деятельность. На историческом факультете МГУ он много лет был агитатором в студенческих группах, а также возглавлял факультетскую организацию общества «Знание». Вместе со своим коллегой по кафедре доцентом Донатом Александровичем Дрбоглавом Андрей Чеславич создал работавший много лет кружок по изучению Москвы и Подмосковья (формально он был приписан к Дому культуры МГУ на улице Герцена, и поэтому студенты имели возможность за счет университета совер-

шать автобусные экскурсии по Подмосквовью, а по Москве, экономя университетские деньги, ходили пешком). За многие годы работы кружка была составлена фототека и собраны ценные сведения по выявлению состояния памятников архитектуры, что сыграло определенную положительную роль в их постановке на охрану и дальнейшей реставрации.

В последние годы А. Ч. Козаржевский возглавлял университетское бюро организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, был членом Экспертно-консультативного Совета при Главном Архитектурном управлении Москвы, а также руководителем лекторской группы правления Всероссийского общества «Знание».

А. Ч. Козаржевский награжден медалями «Ветеран труда» и «В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», почетным знаком Министерства высшего образования СССР. В 1992 г. ему присуждена Ломоносовская премия за блестящее лекторское мастерство (это был первый случай присуждения Ломоносовской премии именно за преподавательскую, а не за научную работу).

Андрей Чеславич имел неброскую внешность, не выделялся высоким ростом и атлетичностью сложения, но подобно Юлию Цезарю относился к себе сурово и закалил себя так, что отличался силой, выносливостью и простуда редко осмеливалась приблизиться к нему. В обращении Козаржевский был прост и тактичен. Как подлинно интеллигентный человек он был не способен на грубость, и злое слово не могло слететь с его уст, это было просто вне его природы. Даже студентам, ошалевшим от демократии, он не делал резких замечаний; когда эти несмышлениши начинали шуметь на лекциях, он увещательным тоном без малейших признаков раздражения говорил: «Друзья мои, тихонечко, тихонечко». Легкоранимая душа его страдала при виде хамства. Он очень любил студентов и искренне огорчался, если замечал в них заносчивость, разболтанность, неуважение к другим. И терпеть не мог так называемую «раскованность». Ему нравились в людях простота и естественность. Его внутренне передергивало при виде размалеванных дам; в этом отношении он был человеком старомодным. А элегантные худосочные парижанки произвели на него самое тягостное впечатление. Когда одна из них коснулась на улице его руки, он, по его собственным словам, почувствовал хватку скелета и поспешил избавиться от этого ужасного ощущения. Он избегал общаться с молодыми бородачами, ибо среди них нередко попадались личности с некоторым «сдвигом». Уважительно относясь к религии, Андрей Чеславич резко осуждал сектантство и выражал возмущение по поводу

пропаганды экстрасенсов и тому подобного. Он не имел ни малейшей склонности к мистике. Проявление бездумности современного мира удручало его. Как у всякой яркой личности, у Козаржевского были не только единомышленники, но, обладая достаточной силой духа, он не реагировал на шипение недоброжелателей.

Андрей Чеславич был профессором в самом подлинном и высоком смысле этого слова: он говорил перед большой аудиторией, говорил прекрасно и был счастлив, когда видел перед собой неравнодушные, одухотворенные лица.

Силой своего лекторского таланта и незаурядностью личности он производил сильнейшее впечатление на аудиторию. Один из его слушателей, доцент-химик из казахстанского города Аркалыка, посещавший его лекции по памятникам истории и культуры, оставил такую запись: «Нежно-саркастичный, галантный и изумительный Андрей Чеславич своей непостижимой верой в людей, тонкостью восприятия мира, располагающей незащищенностью, духовностью высшего порядка, неустанным стремлением к укреплению утончающейся связующей нити времен пробуждает в нас веру в Добро, надежду на Исцеление и любовь к Красоте. Низкий поклон за это».

Андрей Чеславич скончался у себя дома 26 марта 1995 г. в возрасте 77 лет.

Светлой памяти А.Ч. Козаржевского посвятил свою монографию «Император Диоклетиан и конец античного мира» (М., 1999) доктор исторических наук И.О. Князький, его ученик, закончивший МГУ в 1976 г.

А.Ч. Козаржевский искренне радовался успехам своих учеников; в их памяти он навсегда остался обаятельным, доброжелательным и в высшей степени эрудированным учителем.

А.Ч. Козаржевский прожил яркую и содержательную жизнь; он общался с очень большим числом людей, и это доставляло ему подлинное счастье.

Н.Г. Майорова

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ — А.Ч. КОЗАРЖЕВСКОМ*

Помимо собственно преподавательской деятельности Андрей Чеславович вел огромную просветительскую работу и вне стен учебных заведений.

Долгое время он входил в Комиссию по лекторскому мастерству при Правлении Всесоюзного общества «Знание», был руководителем лекторской группы этой Комиссии и должен был пропагандировать методические знания, отвечать за повышение квалификации лекторских кадров. Кроме того, он и сам выступал с обучающими курсами. Вот выдержки из «Аннотированного каталога лекций, циклов лекций и учебных курсов по мастерству устной публичной речи» (М., 1989), которые позволяют нам представить тематику лекций Андрея Чеславовича в обществе «Знание»: «Техника речи лектора», «Теоретические основы нормативности речи и нормы в области ударения и произношения», «Нормы грамматики и словоупотребления», «Выразительность речи», «Античная риторика», «Русская риторика» и т. д. Все, кто когда-либо слушал Андрея Чеславовича, в один голос говорят, что он был не просто блестящим лектором, но лектором, с удивительным уважением относившимся к аудитории, что встречается не так уж часто.

С лекционными курсами (в частности, с курсом «Памятники мировой культуры»), который читался на историческом факультете МГУ неразрывно связана еще одна сторона деятельности Андрея Чеславовича. В течение почти всей своей жизни он занимался охраной памятников, долгие годы был членом Экспертной комиссии по вновь выявленным объектам при Управлении государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры, что ежемесячно собиралась на Пятницкой, 19.

В октябре 1986 г. Андрею Чеславовичу было поручено возглавить Оргкомитет учредительного собрания ВООПИК МГУ, пред-

* Впервые опубликовано: Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1996. № 2. С. 66-67; вторично: Труды кафедры древних языков (к 50-летию кафедры). СПб., 2000 (Труды исторического ф-та МГУ: вып. 15; серия III. Instrumenta studiorum: 6). С. 23-25.

седателем Бюро которого он и был избран в том же 1986 г. И под его добрым руководством преподаватели, студенты и аспиранты МГУ выявляли, реставрировали памятники, выступали с лекциями, учили и учились сами любить и сохранять город, в котором они живут.

Однако Андрей Чеславович с большой осторожностью относился к вопросу реставрации, а тем более восстановлению памятников, считая, что не все нужно и можно восстанавливать. И он имел право так думать, потому что у него была еще одна «пламенная страсть»: Андрей Чеславович знал и беззаветно любил Москву, изучал ее, пропагандировал историю, культуру, быт города, в котором родился и жил.

В конце декабря 1989 г., в день 80-летия «Старой Москвы» в стенах Государственной публичной Исторической библиотеки двенадцать энтузиастов решили воссоздать Комиссию «Старая Москва». Среди этих людей, конечно же, был и Андрей Чеславович.

На заседаниях Комиссии Андрей Чеславович сделал интересные по тематике и содержанию сообщения: «Старомосковский говор и его судьба», «Патриарх Тихон в Донском монастыре (к 400-летию Донского монастыря)», «Праздник Пасхи в Москве», «Музыкальная жизнь Москвы в 20 — 30-е годы». Ведь он был не только краеведом и «москвоведом» (к слову, Андрей Чеславович — профессор МГУ — постоянно подчеркивал, что в этой области он не специалист, что оценка тех или иных памятников — только его личное мнение, а как краеведа и знатока Москвы высоко ценил своего одноклассника по ИФЛИ Ю.А. Федосюка), он жил в той самой Москве двадцатых-тридцатых годов, о которой рассказывал. Он сам праздновал праздник Пасхи в храме Ильи Обыденного, прихожанином которого был с детства и оставался до конца своей жизни. Именно отсюда, наверное, его прекрасное знание расположения и истории московских храмов, священнослужителей (а со многими из них он был знаком лично), и, конечно же, уставной службы. К ней Андрей Чеславович относился очень ревностно, считая кощунственными любые «модные», по его выражению, нововведения.

Все свои лекции, какие только было возможно, А.Ч. Козаржевский сопровождал музыкой. А про себя в одном из выступлений сказал, что и как преподаватель он состоялся именно благодаря музыке. И какой музыке! Андрей Чеславович рассказывал, что, учась в ИФЛИ, он умудрялся бывать на тридцати концертах и на тридцати оперных спектаклях в год. Он слушал Марию Юдину, Мирона Полякина, Владимира Софроницкого, поклонялся Евгению Мравинскому, считая его величайшим дирижером современности, и с

детской радостью сообщал, что однажды ему довелось сидеть на концерте рядом с Сергеем Сергеевичем Прокофьевым и наблюдать, как тот слушает произведения Шостаковича.

Обо всем этом Андрей Чеславович говорил не только в специальных лекциях, но и просто проводя занятия со студентами. Иногда могло показаться, что он отвлекается, уходит в сторону от «учебного процесса». В действительности же это были самые нужные, самые «учебные» минуты его лекций и семинаров, потому что Учитель не рассуждал о духовности и возрождении культуры, а щедро делился тем, что знал и пережил лично, принадлежа к той самой старой русской интеллигенции, о которой так много говорят сейчас.

Андрей Чеславович считал себя «не пишущим, но говорящим человеком» (тем не менее, А.Ч. Козаржевский написал немало; перечень его трудов помещен в «Вестнике Московского университета», серия «История». 1996, № 2. С. 68 — 71.) и очень жалел, что почти нет стенограмм и магнитофонных записей его лекций, хотя, к счастью, многие из них, в том числе и выступления на Комиссии «Старая Москва», превратились в статьи, стали нашим общим достоянием.

Т.С. Нагайцева

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ — Е.Б. ВЕСЕЛАГО*

Елена Борисовна Веселаго (27.12.1895 г. — 9.06.1987 г.) была доцентом кафедры древних языков исторического факультета МГУ, одним из ее ведущих преподавателей с 1949 по начало 1963 года.

Елена Борисовна Веселаго была одним из моих самых любимых преподавателей, человеком в высшей степени интеллигентным и высокообразованным, блестящим педагогом, воспитавшим большое количество успешно работающих в разных областях истории учеников, благородным и бескомпромиссно честным человеком, высоко требовательным прежде всего к себе. Для всех, знавших ее, она была и на всю жизнь осталась высочайшим, недостижимым образцом человека и педагога, чья жизнь и работа является интересным и поучительным примером.

Е.Б. Веселаго, будучи нашим преподавателем, практически ничего о себе не рассказывала, а когда говорила о своих учителях, то по косвенным данным мы могли узнать кое-что и о ней. Уже будучи на пенсии, она поведала нам, проводивавшим ее ученицам, некоторые сведения о своей жизни. Много мне рассказал ее сын после кончины Елены Борисовны, и я очень благодарна ему за это.

Долгая жизнь Е.Б. Веселаго стоит того, чтобы о ней рассказать, насколько я могу, подробно.

Елена Борисовна Веселаго родилась 27 декабря 1895 года в Петербурге в дворянской семье. Ее отец, Коялович Борис Михайлович (1867 — 1941), был профессором математики и метрологии Санкт-Петербургской военно-инженерной академии, работал также в Главной палате мер и весов, преподавал на Высших женских курсах, а в конце тридцатых годов XX в. в Педагогическом институте им. А.И. Герцена в Ленинграде. Он автор более 40 научных трудов, известный математик своего времени и известный шахматист (он играл даже с Алёхиным и Ласкером и однажды выиграл у Алёхина; см.: Историко-математические исследования. Вып. XVШ.

* Впервые опубликовано: Труды кафедры древних языков (к 50-летию кафедры). СПб., 2000 (Труды исторического ф-та МГУ: вып. 15; серия III. Instrumenta studiorum: 6). С. 26–32.

Наука, 1973. С. 310). Происходил из старинного дворянского рода литовского происхождения (см. Брокгауз).

Дед, Коялович Михаил Осипович (1828 — 1891), будучи сыном священника, стал профессором Санкт-Петербургской духовной академии, где заведовал кафедрой сравнительного богословия и русского раскола, затем — кафедрой русской гражданской истории. Автор многих трудов по истории юго-западных областей Руси. Его перу принадлежит огромный труд «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (СПб., 1884. 603 с.) и ряд сборников документов. Елена Борисовна рассказывала, что ее дед давал уроки русской истории детям великого князя Константина Романова (поэта), и показывала нам, в составе большого семейного архива, письмо великого князя, на романовской гербовой бумаге, М.О. Кояловичу относительно этих уроков. Еще Елена Борисовна говорила, что Михаил Осипович бывал в Петербурге ходатаем по делам Юго-Западного края и показывала нам письма к нему на разных языках.

Дядя Елены Борисовны, Коялович Михаил Михайлович, был известным в свое время писателем, автором повестей и рассказов.

Другом отца был выдающийся русский востоковед Б.А. Тураев, часто посещавший семью Кояловичей, жившую в большой петербургской квартире в начале Владимирского проспекта. Елена Борисовна рассказывала, что три ее сестры и она очень любили Бориса Александровича и, радуясь его приходу, выбегали в прихожую с восторженными возгласами: «Бог Тот пришел, бог Тот пришел». А гость гонял их по античной мифологии, по тонкостям ее, и «мы, четыре девицы», как говорила Елена Борисовна, старались читать и перечитывать Гомера, Овидия, Вергилия, Аполлония и других авторов, чтобы не оплошать перед Борисом Александровичем, не запутаться...

Так что интерес к истории и историческим сочинениям был у Елены Борисовны, что называется, в крови.

Елена Борисовна рассказывала, что родители уделяли большое внимание воспитанию и образованию детей. Особенное значение придавалось изучению иностранных языков. Елена Борисовна подчеркивала, что в родительском доме и его окружении не придавалось значения знатности происхождения, богатству, положению или близости ко двору, так как главным считалось воспитание, образованность и, конечно, нравственные качества. С целью знакомства с памятниками истории и культуры, а также для совершенствования в активном знании языков летом родители с дочерьми ездили в Западную Европу. Жили в недорогих гостиницах и панси-

онах, посещали музеи. И в 1914 году Первая мировая война застала семью на курортном побережье Германии, в которой, по воспоминаниям Елены Борисовны, царил необыкновенный милитаристский и шовинистический дух. Она подробно рассказывала нам в последние годы своей жизни, как несколько русских семей с большим трудом, наняв полузатопленное судно, ночью, без огней, перебрались в Скандинавию и через Финляндию возвратились в Россию.

По окончании гимназии Елена Борисовна, после долгого обсуждения в семье вопроса о дальнейшем образовании дочерей, поступила на Бестужевские Курсы и, пройдя их полный курс, не стала сдавать выпускные экзамены и получать диплом, считая это неважным.

В начале 1918 года Елена Борисовна вышла замуж за Георгия Сергеевича Веселаго, инженера-энергетика, происходившего из старинного и очень разветвленного, известного со времен Ивана Грозного, дворянского рода, многие десятки представителей которого из поколения в поколение служили в морском флоте и морском министерстве. В конце 1918 года у Е.Б. Веселаго родился сын. Вскоре с мужем и маленьким ребенком она уехала на Волховстрой, куда был назначен на работу ее муж. Там, по рассказам младшего сына Елены Борисовны, она, чтобы полноценно питать мужа и сына, завела огород и корову, которую сама доила. Елена Борисовна, оказывается, умела, когда нужно, делать всё. Хотя мне очень трудно представить ее на дойке коровы, но я уверена, что и это она делала хорошо. Более того, она даже сама построила сарай; он получился, как она рассказывала, несколько кривым, но держался крепко (опорные столбы забили в землю мужики, а всю остальную работу предоставили представительнице слабого пола).

В дальнейшем, когда мужа Елены Борисовны направляют на строительство Днепрогэса, где он был одним из ведущих инженеров, а впоследствии получил за это орден Ленина, она с сыном едет туда же. Здесь у нее родился второй сын. Она с детьми живет в деревне, которая теперь затоплена водохранилищем, заводит огород и, на этот раз, козу.

В 1937 году, когда муж Елены Борисовны погиб в железнодорожной катастрофе, она решила, имея образование, но не имея диплома, поступить в ИФЛИ, а после его ликвидации экстерном сдавала экзамены в МГУ по кафедре классической филологии филологического факультета, также посещая некоторые курсы исторического факультета.

С 1946 года Е.Б. Веселаго работала на кафедре классической филологии филологического факультета МГУ, а с осени 1949 го-

да перешла на кафедру древних языков исторического факультета, организованную стараниями Виктора Сергеевича Соколова. Елена Борисовна считала очень важным образование такой источниковедческой кафедры для подготовки научных и педагогических кадров историков, видела большую перспективу кафедры именно древних языков широкого профиля, чрезвычайно ценила сделанное В.С. Соколовым в этом направлении и целиком ушла в работу. На этой кафедре Е.Б. Веселаго проработала до начала 1963 года, когда ушла на пенсию после двухмесячной болезни (нам, своим ученикам, она сказала о причине ухода, что студенты должны регулярно видеть преподавателя, а не его бюллетень), неожиданно для коллег.

Е.Б. Веселаго очень любила педагогическую работу, в которой добилась больших успехов. Она вела все виды занятий латинским и древнегреческим языками с первого курса и до последнего года аспирантуры, занималась с сотрудниками и преподавателями, читавшими разнообразные, порой очень сложные тексты на обоих древних языках в самом широком диапазоне от античности и поздних комментариев к античным авторам до поздней Византии, истории славянских стран, западного и восточного средневековья и т. д.

Е.Б. Веселаго занималась со студентами из национальных республик в отдельных группах (она очень ценила тех, кто с детства знает два и более языков), организовала отдельные занятия для слепых студентов, дополнительно занималась с отстающими и особенно хорошо успевающими студентами, считая, что любого и каждого можно научить, стимулировать заниматься и даже заставить, если не подходить к делу формально, без души и энергии, а главное — «знать дело» самому преподавателю. Она часто повторяла, что роль преподавателя исключительно важна, что он должен помогать развиваться способностям студентов, выявлять скрытые способности, ни в коем случае не ломать индивидуальность студентов, а способствовать раскрытию ее, а некоторых, наиболее способных и самостоятельно работающих учеников, только контролировать, консультировать и по мере надобности направлять и помогать им.

Е.Б. Веселаго прочла со своими студентами и аспирантами много ценных и трудных исторических источников, разработав специальные курсы и спецсеминары по ним. Например, она читала со своими учениками письма Феофилакта, Записку греческого топарха, Хронику Льва Диакона, грамоты сербских королей, комментарии позднего времени к Аристотелю, хроники Дуки и Сфрандзи,

источники на греческом языке по истории России феодального периода и т. д. и т. п.

Е.Б. Веселаго в 1955 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Византийский историк XV века Лаоник Халкокондил как источник по истории средневековой Албании». Переведя этот огромный по размерам и сложный труд в несколько сот страниц, она посвятила много лет работы ему и впоследствии передала рукопись этого перевода византинистам в Академию наук, чтобы желающие могли пользоваться переводом этого источника.

В 1958 году Е.Б. Веселаго было присвоено ученое звание доцента. Перу ее принадлежит 12 научных трудов. Е.Б. Веселаго принимала участие в коллективных трудах кафедры древних языков, много занималась переводами, придавая большое значение вводу в учебный и научный оборот переводов исторических источников.

Е.Б. Веселаго очень любила студентов. Она, при внешней сдержанности, активно вникала в их научную работу, поддерживала всякий искренний интерес к делу, любую серьезную работу с историческими источниками. Так, она одобрила интерес Б.Л. Фонкича к изучению греческих рукописей и сделала для этого всё, зависящее от нее. Елена Борисовна помнила абсолютно всех своих учеников. С особым удовольствием вспоминала успешно занимавшихся и специализировавшихся на кафедрах, где изучались древние языки. С уважением вспоминала послевоенных студентов, вернувшихся с фронта и жадно стремившихся к знаниям. Помнила и интересовалась дальнейшей судьбой тех, с кем занималась всего один-два раза, заменяя коллег, но заметила способности и вкус к древним языкам.

Е.Б. Веселаго много готовилась к занятиям. Лето и «просветы» в учебной работе использовала для проработки многочисленных и сложнейших источников, которые ей придется читать в учебном году. У нее всё было заранее переведено, продумано, прокомментировано. И во время занятий... хранилось в портфеле. Она говорила, что в течение учебного года из-за большого количества сложных занятий ей некогда к ним готовиться «как полагается». В последние годы, к тому же, Елена Борисовна вела только специальные занятия, первого курса у нее не было, и каждое занятие было далеко не простым. Работа была главным делом ее жизни. В выходные дни Елена Борисовна тоже работала и мы, любопытные ученицы, однажды спросили у нее, бывает ли у неё свободное время. И Елена Борисовна ответила: «Да-а! В воскресенье после 5 часов вечера я свободна». Вообще, это «да-а!» или «о-о!» могло иметь множество оттенков и выражать всё многообразие различных чувств без комментариев.

Е.Б. Веселаго радовалась успехам своих учеников, защищает ими кандидатских и докторских диссертаций, их активным занятиям наукой, преподавательской работой, что растут поколения знающих людей с широким кругозором.

Е.Б. Веселаго вспоминала с удовольствием библиотеки Москвы и Ленинграда: Горьковскую, Ленинскую, Публичную, БАН. С теплым чувством говорила, что сотрудники этих библиотек всегда всё ей предоставляли, что она никогда не знала отказа. «Я любила самые дальние и темные углы в читальном зале, — говорила Елена Борисовна, — там хорошо работалось».

Е.Б. Веселаго свободно знала основные западные языки. Во время занятий иногда любила читать комментарии к трудным местам текстов из разных изданий и переводы на разные языки. Выразительно улыбалась, если переводы были не точные, а иногда говорила: «Фантазия!».

Елена Борисовна очень уважала и ценила своих коллег. Снисходительно относилась к небольшим человеческим слабостям, как выяснилось в последние годы ее жизни. Более всего требовала от самой себя. Философски воспринимала неприятности на работе, если кто-либо ей жаловался на это. И в таком случае говорила: «На работе редко бывает хорошо, надо просто работать». Аскетическая в быту, Е.Б. Веселаго всё подчинила работе, которая была смыслом ее жизни.

В молодости Е.Б. Веселаго серьезно занималась теннисом. Еще в 1935–37 годах посещала теннисную секцию Дома инженеров и техников. Говорила, что играла с чемпионкой Тепляковой («Играть с чемпионкой — совсем другое дело!»). Всю жизнь выписывала «Советский спорт», любила смотреть по телевизору хоккей, переживала за наши команды во время международных встреч и говорила: «Когда наши проигрывают, у меня повышается давление».

Будучи на пенсии, Елена Борисовна, по возможности, следила за литературой по античности и византиноведению. С удовольствием прочла, попросив принести ей эту книгу, работу С.С. Аверинцева по византийской эстетике и высоко ее оценила. Была очень рада, что византилисты, среди которых много ее учеников, подарили ей I том «Культуры Византии».

Коллеги Елены Борисовны Веселаго и ее многочисленные ученики помнят, что Елена Борисовна на занятия всегда приходила заранее. Неизменно строго одетая, в темном костюме с белой блузкой, гладко причесанная и собранная, она размеренным шагом прогуливалась по коридору, потирая руки, в ожидании звонка, и весь ее облик благородной красивой дамы, старой интеллигентки, настра-

ивал нас соответствующим образом. Она говорила нам в последние годы, что если явиться в последний момент, «занятие не то, если не пропало». Всё у Елены Борисовны было четко продумано, логически выстроено, сложные конструкции она объясняла понятно, приводя во многих случаях соответствующие параграфы и примеры из С.И. Соболевского. И всё это было у нее заранее выписано на отдельные листы и раздавалось нам. В то же время Е.Б. Веселаго учила нас не упрощать авторского текста, при этом она многократно вспоминала слова своего учителя С.И. Соболевского: «Трудное чтение есть верное чтение». Я бы сказала, что в подходе к переводу у нее было в отношении синтаксиса философское понимание в духе А.Ф. Лосева, труды которого она чрезвычайно ценила.

Е.Б. Веселаго большое значение при работе с историческими источниками придавала умению работать со словарями и призывала делать это как можно тщательнее, учитывая все возможные оттенки значений.

Е.Б. Веселаго и в 90 лет была очень живым, всем интересующимся человеком. Общение с ней доставляло большое удовольствие, она так быстро и тонко на всё реагировала, что просто не верилось, что Елене Борисовне уже 90 лет, более 90...

Е.Б. Веселаго воспитала двух сыновей. Старший, Андрей Георгиевич Веселаго, участник Великой Отечественной Войны, от тяжелых ран умер в госпитале. Елена Борисовна никогда об этом не говорила. Радовалась, что внука назвали его именем. Младший сын, Виктор Георгиевич Веселаго, физик, доктор наук, работает в ФИАНе, профессор МФТИ, лауреат Государственной премии.

Елена Борисовна Веселаго скончалась 9 июня 1987 года на девяносто втором году жизни и похоронена на Донском кладбище рядом с мужем.

Нам, ученикам Елены Борисовны Веселаго, очень повезло в жизни, что у нас был такой замечательный учитель в годы учебы в МГУ, и еще более повезло тем, кто имел счастье общаться с ней и в последующие годы. Для нас Елена Борисовна была и на всю жизнь останется самым высоким образцом человека и педагога, представителем старой русской интеллигенции, посвятившей всю свою жизнь работе и служению самым высоким человеческим идеалам.

И.В. Ведюшкина

ПАМЯТИ Л.А. ГОДОВИКОВОЙ*

Лидия Николаевна Годовикова родилась 8 марта 1930 г. в Москве. В 1948 г. поступила на классическое отделение филологического факультета МГУ, который окончила в 1953 г. Сразу же начала работать на кафедре древних языков исторического факультета МГУ; сначала старшим лаборантом с почасовой нагрузкой в вечерние часы, затем преподавателем, старшим преподавателем, доцентом, вплоть до кончины 26 декабря 1986 г.

Лидия Николаевна вела занятия как по элементарному курсу латинского и древнегреческого языков на историческом и юридическом факультетах, так и в специальных группах кафедр истории древнего мира, Средних веков, археологии, истории искусств, а также индивидуальные консультации с дипломниками и аспирантами этих кафедр и, очень редко, кафедр периода феодализма и источниковедения отечественной истории. Уже в последние годы жизни, в непрерывной борьбе с тяжелой болезнью, заново разрабатывала и вела восстановленный в восьмидесятые годы на биологическом факультете (как оказалось, ненадолго) спецкурс «Греко-латинские основы палеонтологической терминологии».

Значительную долю в преподавательской нагрузке Л.Н. занимали не элементарные курсы (к которым, впрочем, она относилась очень серьезно и отточила их до блеска и виртуозности), а специализированные занятия с дипломниками и аспирантами с очень широким репертуаром сложнейших источников. Это были тексты, созданные на протяжении всех столетий использования латыни и древнегреческого. В.И. Исаева начинала под ее руководством знакомство с источниками по проблемам греческого полиса IV в. до н. э., а А.И. Сидоров — со сложнейшими гностическими текстами. С полонистом М.В. Дмитриевым она занималась поздней латынью, а с автором этих строк читала русские известия византийского хрониста XI века Иоанна Скилицы, тогда еще не переведенного ни на один из современных языков. Стажеры и аспиранты историче-

* Впервые опубликовано: *Якоб Ульфельдт. Путешествие в Россию*. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 26–30.

ского факультета, приехавшие в Москву из провинциальных вузов, навсегда запомнили ее консультации, помогавшие за несколько лекций систематизировать все знания по латинской грамматике. С большой теплотой и благодарностью вспоминает эти занятия львовянин С.Г. Яковенко.

К сожалению, мне знакомы лишь немногие из учеников Л.Н., поэтому не могу даже просто перечислить всех основных тем ее фактически спецкурсов по древним и средневековым авторам. Среди ее бумаг остались многочисленные подготовительные выписки к занятиям по Никите Хониату, Иоанну VI Кантакузину, И. Кобенцелю и Д. Буховскому, десяткам более традиционных античных авторов.

Научная специализация Л.Н. — латинские источники по истории России XVI в. В 1971 г. она защитила кандидатскую диссертацию по историческим сочинениям Антонио Поссевино о России, а в 1983 г. издала перевод этих сочинений со вступительной статьей и комментарием. Выбор темы был далеко не случаен: Л.Н. была глубоко убеждена, что именно латинские и греческие источники по отечественной истории должны изучаться русскими филологами-классиками, причем в первую очередь именно с позиций историка, филология должна играть вспомогательную роль. Отсюда и наиболее азартный интерес к работам тех учеников, которые изучали иноязычные источники по истории Руси и России, в частности к моей. Отсюда и желание возродить задуманный еще в 50-е годы, но не осуществленный проект издания учебного пособия для студентов-русистов — хрестоматии греческих и латинских источников по русской истории с историко-филологическим комментарием. Это начинание Л.Н. не успела завершить. Даже невероятные сложности с изданием перевода Поссевино — он пролежал без движения в издательстве МГУ более 8 лет — не разочаровали ее в выбранной теме. Справедливость требует заметить, что в той тяжелой ситуации не было вины издательства: такова была политическая обстановка в Москве 70-х годов XX века. Мало кто теперь поймет, почему «недружественные высказывания» иезуита XVI в. о России Ивана Грозного воспринимались в некоторых инстанциях почти как «антисоветские» и уже сами по себе могли стать препятствием к публикации. Поссевино же вдобавок еще и активно содействовал русско-польским переговорам, а в те годы любые упоминания о Польше в открытой печати, мягко говоря, не приветствовались, что в очередной раз затормозило книгу, прошедшую уже почти все стадии издательского цикла. Причем степень свободы, отпущенная разным издательствам, была различна: то, что проходило малым

тиражом в издательстве «Наука», запрещалось в рассчитанной на более массового читателя серии «Университетской библиотеки».

Сочинение Якоба Ульфельдта Л.Н. переводила в последние месяцы жизни, прекрасно понимая, что времени осталось немного и надо спешить. Предварительная работа по этому автору была ею проделана, видимо, еще за несколько лет до этого, в процессе занятий с одной из дипломниц. Когда Л.Н. узнала, что ученица не собирается больше заниматься наукой, она сочла своим долгом перевести интереснейший источник сама. Нет никаких сомнений в том, что какие-то наброски комментария Л.Н. делала уже в процессе перевода, для нее эти виды работы были совершенно неразделимы. Но после ее кончины нам с В.И. Исаевой удалось обнаружить в ее архиве лишь машинопись готового перевода. Валентина Ивановна, самая преданная ученица Л.Н., предприняла несколько безуспешных попыток пристроить готовый перевод без комментария для публикации. Болезнь и безвременная смерть Валечки Исаевой в возрасте 46 лет возложила на меня ответственность за судьбу рукописи. После очередной неудачи я обратилась за помощью к А.Л. Хорошкевич, содействовавшей выходу в свет труда Л.Н. о Поссевино, и не ошиблась. Особенно радует, что в настоящем издании перевод Лидии Николаевны приобретает не просто достойный, а прямо-таки блестящий «конвой»: латинский текст, а также комментарии, исследовательские статьи и приложения, созданные трудом коллег; со знанием и вкусом подобранные иллюстрации; возможность включения мемориальной части; наконец, что немаловажно, качественная полиграфия. Хочется надеяться, что это тот действительно редчайший случай, когда научная работа выигрывает от всех проблем и промедлений с публикацией, и что интереснейший источник в новом более точном переводе наконец-то дойдет до современного читателя. А сама книга останется лучшим памятником Лидии Николаевне, увлеченному и честному человеку, бесконечно преданному науке.

Список основных трудов Л.Н. Годовиковой

1. *Николай Дамасский*. История (Фрагменты) // Вестник древней истории. 1960. № 4 (перевод).
2. *Герман Лей*. Очерки по истории средневекового материализма. М., 1962 (перевод латинской части).
3. Музыкальная эстетика западноевропейского Средневековья и Возрождения. М., 1966 (перевод фрагментов).

4. Сведения о России XVI в. Паоло Кампани // Вестник МГУ. Серия история. 1969. № 6 (перевод).
5. «Московское посольство» А. Поссевино // Вестник МГУ. Серия история. 1970. № 5.
6. Исторические сочинения Поссевино о России XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971.
7. *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. / Пер., вступ. ст. и комм. Л.Н. Годовиковой. М., 1983.
8. *Квинт Курций Руф.* Римская история. 2-е изд. М., 1993 (участие в переводе).
9. Иностранцы писатели XVI в. о русском городе // Русский город: Исследования и материалы. Вып. 8. М., 1986.
10. *Якоб Ульфельдт.* Путешествие в Россию. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Г.Г. Козлова

**SCRIPSI, QUOD MEMINI,
RECORDENTUR PLURA POTENTES***

(О кафедре древних языков)

В 2004 г. кафедре древних языков исторического факультета МГУ исполнилось пятьдесят пять лет. Возраст почтенный, и год до некоторой степени юбилейный.

Я состояла ее членом с того самого момента, как она отделилась от кафедры классической филологии, студенткой, аспиранткой и преподавательницей которой я была последовательно с 1935 г. В 1949 г. те члены кафедры, которые преподавали на историческом, юридическом и философском факультетах, образовали другую кафедру, получившую название кафедры древних языков в составе исторического факультета (уже МГУ).

Перемена кафедры совершилась для меня довольно, я бы сказала, забавно. Заведующий кафедрой классической филологии Сергей Иванович Радциг узнал откуда-то, что мой отец в свое время учился на юриста, и рассудил, что поэтому и я не чужда юриспруденции. Он спросил, не соглашусь ли я взяться за преподавание на юридическом факультете Московского университета, поскольку мой отец окончил юридический факультет университета Петербургского? Кто же не согласится с такой логикой заведующего кафедрой! Так я и стала членом кафедры древних языков, о чем ни минуты не пожалела за все пятьдесят пять лет.

Состав кафедры 1955 г. запечатлен на фотографии, помещенной в сборнике «Труды кафедры древних языков», вышедшем в честь 50-летия кафедры. Как это часто бывает, сфотографировались не все члены кафедры, так, например, отсутствует крупный специалист по юриспруденции по фамилии Арнольд (к сожалению, не помню его имени и отчества). Он в соавторстве с А.Л. Сакетти и

* Я написала, что помню, пусть вспомнит больше, кто сможет (перифраза известного выражения «Féci, quód potuí, faciánt melióra poténtes»). — Ред.

Впервые опубликовано: Труды кафедры древних языков. Выпуск II. М., 2009 (Труды исторического ф-та МГУ: вып. 44; серия III. Instrumenta studiorum: 18). С. 367-379.

еще одним юристом (который тоже был членом нашей кафедры, но фамилии его я не помню) выпустил учебник латинского языка для юристов. Студенты занимались по этому учебнику вплоть до того, как В.С. Соколов с И.С. Розенталем издали новый, более современный и весьма компактный учебник. Нет на этой фотографии и другого специалиста в области права, Николая Ивановича Скаткина, который был, кстати сказать, младшим коллегой моего отца.

Отсутствует на снимке и еще один наш коллега, пользовавшийся в свое время чрезвычайной популярностью в кругах университетских гуманитариев — Владимир Антонович Домбровский. Популярность основывалась на его необычайной, доходившей до фанатизма приверженности марксистско-ленинскому учению. Он, помнится, обрушился как-то на некоторые цитаты из текстов древних авторов, обнаруженные им в хрестоматии С.И. Соболевского. Эту хрестоматию Сергей Иванович выпустил в 1938 г. и поместил в ней массу фраз из произведений античных прозаиков, драматургов и поэтов для иллюстрации теоретических положений составленной им фундаментальной «Грамматики латинского языка». Особенно ополчился Домбровский на следующие места из Сенеки-Младшего: «Ubi bene — ibi patria» и «Omnis locus sapienti viro patria est»¹. Он счел это мнение мыслителя I века нашей эры ужасным космополитизмом и обвинил Сергея Ивановича если не в контрреволюционности, то в анти-марксизме-ленинизме и в пропаганде антипатриотических воззрений среди нашей молодежи. И ведь, кажется, изъяли эту хрестоматию из числа учебных пособий! Примерно в то же время в советском сельском хозяйстве разыгралась борьба двух способов подхода к селекции — Мичурина и Лысенко. Последний был резко осужден, а первый — превознесен. Владимир Антонович стал называть себя «мичуринцем в филологии». Такой вот преподаватель вошел в состав кафедры древних языков. О качестве его преподавания я ничего не знаю. Мне напоминают, может быть, что *de mortuis aut bene, aut nihil*, но я оправдуюсь тем, что если моя характеристика и не совсем bona, то она всё же приправлена некоей долей юмора, что может послужить мне извинением.

Вспоминаю еще один маленький, уже послевоенный, эпизод: как-то на групповом (кафедр древней истории, средних веков и нашей) партсобрании Владимир Антонович сделал мне комплимент — не по поводу моей наружности (помилуй Бог, нет!), но по

¹ «Где хорошо — там и родина» и «Любое место для мудреца — родина» (из «Посланий» Сенеки-Младшего).

поводу какой-то моей фразы. Я не удержалась и воскликнула: «Вот ведь можете же Вы, Владимир Антонович, и доброе слово сказать!» Эта реплика была встречена общими, даже и от аттестуемого, саркастическими улыбками.

Вообще же на кафедре всегда, в частности, на заседаниях, царил дух благожелательности и доброго отношения друг к другу. И в этом заслуга, прежде всего, нашего многолетнего заведующего — незабываемого Виктора Сергеевича Соколова. Надо сказать, что унаследовавший этот пост Андрей Чеславич Козаржевский никогда не изменял его принципам. О них обоих мы вспоминаем с самыми светлыми чувствами. Пожалуй, только один раз на заседании чуть не вспыхнул конфликт. Это было в далеком 1950 г. Понадобились два преподавателя на заочное отделение исторического факультета. Виктор Сергеевич предложил занять эти должности Леониду Петровичу Богдавленскому и Георгию Михайловичу Кесаеву. Они были, пожалуй, самыми старшими из нас, и Виктор Сергеевич справедливо рассудил, что преподавание на этом отделении потребует от них меньших усилий, чем на дневном или вечернем, поскольку на заочном не надо было заниматься по несколько часов в день. У заочников-москвичей на каждом из двух курсов было только по два учебных часа по воскресеньям, иногородние приезжали на две сессии — по месяцу зимой и летом, а их контрольные работы преподаватель проверял, разумеется, дома. Леонид Петрович и Георгий Михайлович, однако, расценили это поручение как некую ссылку, считая заочное отделение чем-то второсортным. И тут я, прикинув, что при наличии маленькой дочери и далеко еще не оконченной диссертации такая сравнительно легкая нагрузка была бы мне очень кстати, сказала Виктору Сергеевичу, что охотно взялась бы за преподавание на этом самом злополучном отделении. Виктор Сергеевич с удовольствием принял мое заявление, и конфликт был улажен. Это я говорю, разумеется, не в похвалу себе: я просто вспомнила такой случай.

Так я ушла с юридического факультета, а то, чего доброго, попались бы мне группы, где учились (последовательно) политический деятель Анатолий Иванович Лукьянов (известный еще и как поэт Осенев) и Михаил Сергеевич Горбачев, который, кажется, платыни учился не блестяще.

Первоначально преподавание на заочном отделении мы вели попеременно с Лидией Николаевной Годовиковой, но потом я осталась одна на обоих курсах. Преподавала я по двухтомному учебнику для заочников, составленному Александром Николаевичем Поповым. Однако, несмотря на всё мое уважение к автору, моему

первому и лучшему учителю, этот учебник мне не очень нравился, так как был рассчитан на филологов, и после восьми лет преподавания я осмелилась сама составить учебник для историков по своему вкусу. Работала я над ним несколько лет, немалое время ожидала возможности его напечатать. Так что вышел он только в 1972 году в издательстве МГУ в двух частях (для одной книжки он оказался слишком толстым). Переработанный и, так сказать, более лаконичный вариант я напечатала в 1980 году в издательстве «Высшая школа». В следующем году, шестидесяти семи лет от роду, я вышла на пенсию по причине ухудшившихся зрения и слуха, так что по новому изданию мне почти не пришлось преподавать. А еще через год в МГУ перестало существовать на историческом факультете заочное отделение. Может быть, в каких-то университетах России оно еще осталось?

Члены нашей кафедры, кроме преподавания, вели немалую научную работу. Назову здесь кое-что, может быть, не всё вспомню. Прежде всего упомяну коллективный труд кафедры — фундаментальную двухтомную хрестоматию средневековых латинских писателей. Она стала совершенно необходима в преподавании медиевистам и «феодалам». В ее создании под руководством Виктора Сергеевича Соколова участвовало несколько членов кафедры, в том числе Людмила Михайловна Попова — наш признанный специалист по медиевистике и моя лучшая подруга во всю мою жизнь в Университете. О ней я всегда вспоминаю с нежностью и любовью.

С Людмилой Михайловной я была знакома еще со студенческих времен. Будучи студентками, мы не особенно сближались, хотя разница у нас была всего в один год: разные преподаватели и разное расписание отдаляли нас друг от друга. Людмила Михайловна не была комсомолкой, так что и на собраниях мы не могли встречаться. Только недолго у нас был один общий семинар по римской литературе. Но конечно, было живое, чисто девчачье общение. Мы сблизились и по-настоящему крепко сдружились, когда стали вместе преподавать на нашей кафедре, и дружба наша длилась более полувека. Людмилу Михайловну отличало необыкновенное добросердечие, подкупающая всех искренняя приветливость. Одна из гардеробщиц на «Герцена, 5» (факультет ведь располагался в двух зданиях, через дорогу, их так и называли: «Герцена, пять» и «Герцена, шесть») — говорила мне, что никто из преподавателей не здоровается с ними так уважительно и даже почтительно, как Людмила Михайловна. Она была общительна и дружелюбна, хотя никто не упрекнул бы ее в болтливости. Я, пожалуй, не могу назвать никого,

о ком она отозвалась бы отрицательно, и не думаю, что был хоть один человек на факультете, неприязненно к ней относившийся.

В связи с научно-педагогической деятельностью Людмилы Михайловны мне хочется сказать похвальное слово по адресу декана биолого-почвенного факультета: он, не в пример некоторым другим деканам, понимал немалое значение греко-латинской терминологии в науках его факультета и где-то в начале шестидесятых годов обратился к нашей кафедре с просьбой вести для их студентов сокращенный курс древних языков. Такой курс и вела у них с большим успехом Людмила Михайловна в течение нескольких лет. В виде небольшого отступления поясню, что, сказав о некоторых других деканах, я имела в виду декана факультета журналистики, которого лично (и, наверное, не я одна) понапрасну не раз убеждала в необходимости преподавания журналистам хотя бы элементов латинского языка: знакомство с ним, несомненно, уменьшило бы малограмотность многих журналистов. Я убеждена, что даже сравнительно беглое знакомство с таким точным языком, как латинский, дисциплинирует языковое мышление и повышает языковую культуру при общении с любым языком, в том числе и родным, что немаловажно для журналиста.

Людмила Михайловна первая из нас стала называть студентов по именам. До этого всеми нами употреблялось казенное обращение «товарищ имярек». Она относилась к студентам тепло и дружелюбно, как-то по-домашнему, и они ее очень любили. Что греха таить — она, бывало, отвлекалась (да и кто из нас этим не грешил?!), и иные бывшие ее студенты лучше помнят, как она лечила насморк у внука, чем, допустим, разницу между герундием и герундивом. Кто-то мог подсмеиваться над ее разговорчивостью, но все искренне ее уважали и старательно учились. Ее студенты прекрасно знали предмет. Мне это известно точно: я иногда экзаменовала ее учеников, например, при их поступлении в аспирантуру, и не было среди них неуспевающих. А если кто-то на старших курсах (Людмила Михайловна вела занятия и с первокурсниками) переходил к другому преподавателю, скажем, к античнику, или «феодалу», или к другому медиевисту, то в грязь лицом не ударял. Внимание и сердечность по отношению к студентам были следствием личных качеств Людмилы Михайловны, и они же, я думаю, определили ее занятия общественной работой: она ведала отделением Красного Креста на факультете и организовывала донорство, в чем неизменно занимала первые места в университете.

Из других членов кафедры со студенческой скамьи я была знакома еще с Андреем Чеславичем: с ним я познакомилась в 1936 году,

и тогда он был для меня просто Андрюшей. Он поступил учиться на классическое отделение литфака ИФЛИ на год позже меня. Кстати, он, как и я, перешел сюда с исторического факультета, и, как и я, ни разу о том не пожалел! Тогда это был живой и общительный юноша, собственно говоря, скорее мальчик, подвижной, худенький, с умными глазами. Хотя у нас не было общих лекций и семинаров, мы охотно общались курсами, и старшие никогда не отказывали младшим в помощи и консультации. После войны Андрей Чеславич стал преподавать в Пединституте, а в 50-х годах Виктор Сергеевич пригласил его на нашу кафедру, и Андрей Чеславич быстро завоевал авторитет у всех коллег, включая и старших. Он, кстати, настаивал именно на таком написании его отчества: «Чеславич», а не так, как стало принято писать в поздние времена — «Чеславович», считая эту последнюю форму неграмотной. Виктор Сергеевич сделал его своим заместителем, и, когда он ушел от нас, не было ни малейшего сомнения, что заменить его мог только Андрей Чеславич. Как заведующий он был чрезвычайно доброжелателен и тактичен, и у нас никогда не возникало серьезных конфликтов: традиции теплых дружеских взаимоотношений на кафедре не нарушались.

А эти традиции были богатыми! Для меня они стали явными буквально с самых первых шагов на кафедре. Прежде всех я увидела, разумеется, заведующего — Виктора Сергеевича. Он принял меня неожиданно тепло, и я, хотя и была еще не очень опытным преподавателем, не испытала ни малейшего смущения, так как не ощутила с его стороны ни недоверия, ни желания проверить мои возможности. Здесь, кстати, не могу не вспомнить забавной выкладки Александра Николаевича Попова о педагогическом стаже (уверена, что это имя знакомо всем специалистам по древним языкам независимо от их возраста): «Первые пять лет, — говаривал он, — преподаватель мучится, вторые пять лет учится, третьи — учит, четвертые — мучит». Вот я и была на пороге второго пятилетия. Чем дольше служила я на кафедре, тем больше ценила внимательность и такт нашего заведующего. Он не только держал в своих руках служебные отношения, но и был знаком, так сказать, домами с некоторыми из нас. Да что там с «некоторыми»! К себе на семейные торжества он не раз приглашал всю кафедру, благо у его семьи была отдельная квартира, что было в те годы редкостью. Навещал он и сам кое-кого из коллег, в том числе Клавдию Андреевну Морозову, хотя была она в те годы всего-навсего лаборанткой!

Как-то раз он пригласил нас с мужем к себе на дачу (не собственную, а снятую), и мы с удовольствием провели у него целый день.

И никогда не забуду: когда умерла моя мать, он вместе с Людмилой Михайловной приехал выразить мне свое сочувствие. У Виктора Сергеевича было два сына. Оба погибли на войне, и на семейном погребении на Новодевичьем кладбище (невдалеке от могилы Собинова) для них был устроен кенотаф. Жил Виктор Сергеевич с женой на Гоголевском бульваре в старинном шестиэтажном доме. В нем не было лифта, но благодаря стараниям Виктора Сергеевича к дому снаружи пристроили застекленную лифтовую шахту. Не говорит ли это о сердечности его и заботливости? Ведь сам он жил на третьем этаже, и для него лифт не был такой уж острой необходимостью.

Я упомянула Клавдию Андреевну как лаборантку. Виктор Сергеевич не просто относился к молоденьким лаборанткам как к уважаемым и полноправным членам кафедры, но и помогал им расти в научном отношении, так что со временем Клавдия Андреевна, как и сменившая ее Лидия Николаевна, стали преподавательницами, и — надо отдать им справедливость — очень хорошими. Несмотря на молодость (увы! свойство преходящее), они сразу стали пользоваться уважением коллег и общей любовью и вполне оправдали ожидания Виктора Сергеевича, ни в чем не уступая по мастерству преподавания своим старшим коллегам. Клавдия Андреевна была к тому же серьезной общественной деятельницей, многолетней председателем факультетского профкома. Путь к преподаванию проделала у нас не одна молодая лаборантка: наши заведующие умели растить кадры!

Кроме преподавательской и нередко немалой общественной работы, члены нашей кафедры всегда занимались и работой сугубо научной. Ваша покорная слуга выпустила (благодаря гранту РГНФ) перевод и исследование «Описания Московии» Александра Гваньини. Л.Н. Годовикова издала свой перевод и комментарии записок Антонио Поссевино «De rebus Moscoviticis». К.А. Морозова проделала такую же работу над записками Павла Одерборна, но, к сожалению, этот ее труд не увидел света.

Я как бы объединила эти три работы не случайно, а потому, что в моей памяти они связаны с именем нашего дорогого коллеги и друга — Моисея Наумовича Цетлина. Это он обратил наше внимание на малоизвестные источники и посоветовал серьезно ими заняться. Сам он был большим знатоком средневековых источников по истории России, и, вообще, чего он только не знал и притом в совершенстве! Он был чрезвычайно эрудированным человеком, проявлял ко многому живой интерес, в частности, много работал над библейскими текстами, и мне хотелось бы, в виде приложения к

моим воспоминаниям, поместить сборник афоризмов, сделанный им по тексту «Вульгаты» (снабженный цитатами из оригинала и научным аппаратом и, насколько я знаю, никогда не публиковавшийся). Я записала эти афоризмы в то время, когда Моисей Наумович рассказывал о них на заседании кафедры уж и не помню, в каком году. Видимо, годах в семидесятых.

Мы познакомились с Моисеем Наумовичем в самом начале 1954 года, когда Виктор Сергеевич взял его к нам преподавателем. Он как-то сразу пришелся всем по душе. Он был тактичен, сдержан и доброжелателен ко всем. Не знаю его манеры преподавания: никогда не бывала на его уроках, но видно было, что студенты его уважали и любили, а не это ли — главная примета качества преподавания! Он был наделен мягким и, я бы сказала, милым чувством юмора, никого не обижавшим, а лишь забавлявшим и «адресата», и слушателей или «зрителей». Помню, как-то ко дню моих именин он подарил мне забавный рисунок, изображавший «трех граций»: две моих подруги осеняют меня венком. Мы были нарисованы презабавно, одеты по самой что ни на есть античной моде, а лица наши вполне можно было узнать.

Моисей Наумович был очень скромн: вряд ли кто-нибудь из нас знал, что он был поэтом. Только в 1985 г. вышла книжка его стихотворений, первые из которых датированы еще 1927 годом! А кто знал о его переводческой деятельности? Когда Моисея Наумовича уже не было в живых, Союз писателей с помощью его вдовы Т.М. Соколовой устроил вечер в честь какого-то его юбилея. Вечер состоялся в Малом зале Дома литераторов и прошел очень тепло и трогательно. Выступали многие знавшие и любившие Моисея Наумовича, и только тогда многие любившие, но, как выяснилось, плохо знавшие Моисея Наумовича, услышали о его больших достижениях как литератора.

Выпускали научные труды или участвовали в их создании Д.А. Дрбоглав, Е.В. Федорова, О.В. Смыка, Н.Г. Ткаченко и другие. Отдельно скажу, что А.Ч. Козаржевский выпустил учебник древнегреческого языка (первоначально в сотрудничестве с В.С. Соколовым, позже — самостоятельно), а также учебник латинского языка, по которому и учатся много лет наши студенты. Андрей Чеславич был также признанным знатоком старой Москвы, он изучал ее и делился плодами своих трудов со многими поколениями студентов-историков, в частности, водил их на интереснейшие экскурсии по всему городу. Его лекции были широко известны, и не только в университетском кругу. Он как бы восстанавливал традицию публичных лекций для широкой общественности. Исследователи ис-

тории города Москвы — профессионалы и любители — и сейчас его не забыли: о нем время от времени вспоминают в радио- и телепередачах.

Е.В. Федорова является специалистом по латинской эпитафике, защитила и кандидатскую, и докторскую диссертации. Она также много работает над проблемами истории искусства и выпустила ряд книг, описывающих страны Средиземноморья — не только по научным источникам, но и по собственному впечатлению. Д.А. Дрбоглав, наряду с другой своей научной работой, исследовал найденную в Новгороде берестяную грамоту с латинским (!) текстом. Н.Г. Ткаченко изучала и изучает множество папских булл.

Когда я пришла на кафедру, самой старшей по возрасту преподавательницей была Елена Борисовна Веселаго. Точнее, старше нее был Леонид Петрович Богоявленский; и не моложе, наверное, были Георгий Михайлович Кесаев или Александр Риверьевич Саккетти (я говорю о тех, кто запечатлен на фотографии 1955), но с ними я как-то меньше общалась и вряд ли смогу вспомнить о них что-нибудь. Что же касается Елены Борисовны, то к ней в полной мере подходил эпитет — гранд-дама (данное ей еще в ИФЛИ прозвище wunder-дама имело совсем другое основание: когда она в начале 1935 года появилась на старшем курсе классиков, то была уже очень великовозрастной, но и на фоне совсем молоденьких соучениц делала большие успехи). Она была высока и крупна, но не тяжеловесна, а изящна. Речь ее была проста, но, я бы сказала, изысканно проста: ни одного ученого слова, но и ни одного сколь-нибудь вульгарного, а со стороны стиля — абсолютно правильна. А уж знание иностранных, в особенности древних языков, было безупречным. Она тоже, как и Виктор Сергеевич, приглашала к себе в гости членов кафедры. Раз, помню, она обмолвилась, что в среднем возрасте занималась конным спортом, чему мы, конечно, удивились и в то же время восхитились. Муж ее был инженером и, кажется, не избежал печальной участи многих так называемых «вредителей». Жила она с семьей сына. Когда мы все пришли к ней на торжественный ужин по случаю ее девяностолетия, она шутя сказала, что это — прямо-таки неприличнейший возраст! Мы шумно и совершенно искренно протестовали против такой характеристики. Не помню точно, но полагаю, что она еще в это время преподавала.

Хорошо помню и Ирину Алексеевну Миронову. Это была крупная молодая женщина и, в противоположность Елене Борисовне, отнюдь не чуждалась шутливых и просторечных выражений, допуская иногда острые или бытовые словечки, впрочем, никогда не выходя за грань приличия! По образованию она была медиевист-

кой, латинский язык знала превосходно и пользовалась любовью и уважением студентов. У нас на кафедре она была парторгом и аккуратно собирала членские взносы. Она была в хороших отношениях со всеми, но особенно дружила с Людмилой Михайловной. Они обе не раз проводили вместе часть летнего отдыха. Ирина Алексеевна очень любила Эстонию, знала эстонский язык, и они обычно ездили на какой-нибудь эстонский курорт. Однажды они обе провели там чуть ли не целое лето, тогда как Ирине Алексеевне надо было бы поскорее показаться врачу. Но она упустила время, и вскоре, к несчастью, скончалась. Она была очень внимательна к друзьям и сослуживцам. У меня, например, до сих пор хранятся ее подарки, привезенные из Прибалтики: кожаный футляр для ключей и кожаный плетеный эстонский кошелечек... Вот такие мелкие черточки некоторых моих коллег мне припоминаются, и надеюсь, они могут помочь моим младшим коллегам живее представить себе обстановку на кафедре в далекие годы.

Прошу извинения у тех моих товарищей по работе, которых я не назвала: память моя сохранила не всё, достойное упоминания. К тому же я уже более двадцати лет оторвана от живой жизни кафедры. Другие мои коллеги, надеюсь, исправят мои оплошности и восполнят пропущенное. А вот одного сюжета моих воспоминаний, пожалуй, не восполнит никто. Я имею в виду моих студентов. Эти строчки вряд ли попадутся на глаза хоть кому-нибудь из них, так что и поправить-то меня будет некому. Память человеческая чрезвычайно капризна и избирательна, многое, и иной раз важное, забывается, а ерунда помнится.

Я сама не ожидала, что вспомнила в одной группе двух девочек с фамилиями Тонконогова и Толстопятова, а в другой год и на другом факультете — юношей Кошечкина и Котеночкина — и тоже в одной группе! Это я помню, конечно, потому, что тогда еще называла ребят по фамилиям. Потом, под благотворным влиянием Людмилы Михайловны, я стала звать студентов по именам, а то даже и с отчествами. Дело в том, что на заочном отделении учились порой совершенно взрослые люди. Одна студентка была ровесница моей мамы; работала она директором бюро проката музыкальных инструментов. Вот уж подлинно охота пуще неволи. Конечно, она помогла мне взять напрокат пианино, что было тогда нелегко. Дочь ее оканчивала к этому времени наше же дневное отделение. А еще был однажды среди заочников седовласый полковник. Правда, на заключительном экзамене я его не помню...

Ну и неловко мне было бы называть по именам лейтенантов, старших лейтенантов и даже капитана из Кремлевского полка, че-

ловек десять которых в какой-то год сразу поступили к нам учиться. Пожалуй, это было в самом начале шестидесятых годов: один из этих офицеров стал вскоре парторгом в отряде космонавтов. Фамилии его я не помню. Другой офицер, В.И. Девятков, позднее (видимо, демобилизовавшись) был назначен заместителем директора музея Ленина. Потом у меня учился его сын (вел себя и успевал хуже отца!). Когда сын сдавал латынь, отец вместе с ним нанес мне, как он выразился, «визит вежливости». Почему-то мне пришлось принимать их, стоя в коридоре факультета; кажется, меня вызвали с занятия. Я спросила, было, его, как там работается одному из моих зятьев, только что попавшему в музей по распределению. Тут-то мне и было строго замечено, что он-де наносит лишь «визит вежливости»...

С некоторыми студентами, — конечно, после того, как они заканчивали учиться у меня, — я долго дружила, кое с кем я и мой муж были дружны домами. Мы оба любили Дмитрия Дмитриевича Зуева, который в свое время занимал крупную должность заведующего Куйбышевским Облоно. При всем желании я не могла к такому студенту обращаться только по имени, без отчества! В те годы никому еще не приходило в голову, что всего через каких-то двадцать-тридцать лет в России повсеместно начнут отмирать отчества, и людей, убежденных сединами или занимающих важные посты, станут называть по имени и фамилии, как школьников! Впоследствии Зуев много лет был директором всесоюзного издательства «Просвещение». Теперь уж он, став доктором наук, ушел на пенсию, растит правнуков, но всё еще занимается какими-то издательскими делами.

Его ровесника и друга, литовского писателя Петкявичуса я называла просто Витаутас, да ведь в Литве отчества не в ходу. В 1956 г. в 11-м номере журнала «Švyturius» был помещен его небольшой рассказ, перевод которого, вместе с журналом, он прислал мне через три года. Кто ему сделал этот перевод (специально для меня), я не знаю, но в сопроводительной записке он охарактеризовал его как «не совсем, может быть, гладкий, но вполне ясный». Рассказ называется «Орденские ленты»; его начало имеет некоторое отношение к моему предмету, и потому я попросила Витаутаса дать мне его перевод. Мне показалось в высшей степени любопытным, что рассказ, посвященный учебе в Московском университете, начинался с латинского языка. Вероятно, литовскому студенту, по сравнению со многими другими, он был нужнее, ведь в родном языке употреблялся латинский алфавит. Привожу маленький эпизод из начала рассказа:

«В небольшой комнате студенческого общежития мы, заочники, жили в ней, и сразу стали неразлучными друзьями». Далее Витас описывает каждого, их было четверо, но я, к сожалению, их не вспоминаю. О себе он умалчивает, сообщив только, что он — литовец. Дальше пишет: «...одно могу сказать, что все меня считали знатоком латинского языка. И по этой причине сегодня, в первый день нашей жизни в общежитии, мы начали изучать латинский язык.

– Вам, -bas, -bat, — вбивал себе в голову Валентин Сергеевич, а Радик нервничал, мычал своим костлявым носом и ругался:

– Перестань ты хоть раз! И без твоей музыки обойдемся.

Мы смеялись, а Валентин Сергеевич сморщил нос и, подняв очки, как бы осматривая врагов, втянул через широкие ноздри воздух и метко ответил:

– Не медведь, не сойдешь с ума!»

Дальше говорится о том, что к ним в комнату ввалился человек в зимней одежде, так что совершенно ясно, что речь идет о зимней сессии.

Да, и еще была у нас одна знаменитость: кавалер из танцевальной пары на фигурных коньках, занимавшей в 70-е годы обычно третье место на всесоюзных и даже международных состязаниях. На коньках у него получалось лучше, чем по-латыни... Имя и фамилию его я позабыла.

В 1953–1954 учебном году поступили на заочное отделение несколько испанцев: это выросли те дети, которых вывезли в СССР, спасая от фашистского мятежа в Испании в 1936 г. Несмотря на то, что родной языковой среды они лишились уже так давно и по-русски говорили совершенно свободно, в их речи очень чувствовался испанский акцент. Учились они старательно и очень успешно. Позже, почему-то на короткое время, появился среди заочников еще один испанец — с Кубы. Он был горячим приверженцем Фиделя Кастро; русский знал довольно прилично.

Помню одного украинца. Это был уже взрослый человек, кажется, учитель деревенской школы. Очередную контрольную свою, присланную на проверку, он датировал 5 марта 1953 г. Когда он приехал на сессию, я с болью душевной спросила его: «И вы могли заниматься латынью в такой день?!» (Кто не помнит, поясню: в этот день умер Сталин). Он равнодушно ответил: «Ну и что?» Тогда мне диким показалось такое безразличие.

Приведу еще воспоминание, на этот раз забавное. Приезжали на сессию тоже, по-моему, с Украины, две сестрички-двойняшки. Они и одевались, и причесывались одинаково, а по мордашкам различить

их я не могла. К моему удовольствию, на занятиях они садились рядом, и вызывала их я, глядя промеж них: «Лида, скажите, пожалуйста...», или «Читайте дальше, Таня». Вставала названная, и через какое-то время я могла вызвать вторую, уже глядя ей в глаза (если, конечно, они не подменяли иной раз друг дружку...).

Ну и под конец сообщу, что был у меня студент по фамилии Эль-Регистан (имени не помню). Это был внук небезызвестного соавтора Сергея Михалкова по первому варианту Гимна Советского Союза. Мальчик был шаловливый и даже дерзкий. Кончил ли он факультет, не знаю. Мой курс латинского языка он не окончил.

Но вот, пожалуй, и всё, что мне припомнилось о моих студентах. Разве вот еще что. Правда, это относится еще к преподаванию на филологическом факультете. Среди прочих там был студент Вомперский (которого, конечно же, прозвали Вампирским). Он стал впоследствии профессором факультета журналистики, и в начале 60-х гг. я с ужасом спросила его: «Валентин Павлович, неужели приживется этот ужасный глагол „поменять“ вместо забытых „сменить“, „переменить“, „заменить“ и проч.» Он с грустью ответил: «Видимо, процесс уже необратим». В связи с этим глаголом всегда вспоминается пушкинское: «...иные ль девы сменив, не заменили вас...». Неужели нынешнему поэту пришлось бы сказать: «поменяв, не поменяли»?

Вспомнить можно еще очень и очень многое. С какими теплыми чувствами я припоминаю комнату номер тридцать, где «жила» наша кафедра на «Герцена, пять» — заставленную шкафами с книгами, стульями, большим столом посередине. В особняке было как бы два с половиной этажа: на первый вела широкая лестница в два пролета, на лестничной площадке которой стояло огромное трюмо. А на самом первом, как бы нулевом этаже, был гардероб, с одной из гардеробщиц которого почему-то дружили очень многие сотрудники факультета. Ее звали Дора (а полное ее имя — Федора Степановна, и дочка ее училась у нас). Сразу против лестницы был Актовый зал, очень большой, не меньше метров ста квадратных, и одна из его стен была поверху украшена статуями наподобие кариатид. Еще до входа в Актовый зал был кабинет декана, весь обшитый дубовыми панелями, с кожаным диваном. На этом диване в первые ночи войны могли прикорнуть преподаватели, остававшиеся дежурить в здании...

Если пройти Актовый зал насквозь, миновать кафедру средних веков, которая почти пряталась в углу, и подняться по всегда, сколько я ее помню, скрипевшим ступеням деревянной винтовой лестницы, то попадешь как раз на нашу кафедру. Второй этаж ка-

зался большим, хотя потолки были совсем низкие, с полукруглыми окнами и расположенными чуть ли не на уровне колена подоконниками; он был разноуровневый — ступеньки вверх, ступеньки вниз — там помещалась канцелярия вечернего отделения, много аудиторий, кафедр, и только привыкнув к новому зданию I Гуманитарного корпуса, мы стали удивляться: как же удавалось помещаться в центре?

Однако *vade mesum* по «Герцена, пять» — совершенно особая тема, достойная отдельного исследования. А свои заметки, написанные к юбилею моей родной кафедры, с которой связана буквально вся моя жизнь, могу закончить не просто добрыми словами и надеждой на ее долгие, долгие годы жизни, но и стихом Овидия:

Dúm virés anníque sinúnt, toleráte labóres...

Не зря мы заставляем студентов учить наизусть афоризмы: все знают вторую строчку стиха *a priōri*, а я уже и *a posteriōri*. Примите же, дорогие мои коллеги, от старейшего на сей момент члена кафедры пожелание успехов, — вечных, как сама латынь.

Зоя Ножникова

ГАЛИНА ГЛЕБОВНА КОЗЛОВА*

(20 августа 1914 — 20 апреля 2007)

Галина Глебовна любила точные обороты речи, даже если они казались устаревшими. Она говорила: «Я служу на древних языках». «Служу», а не «работаю». Она служила на кафедре древних языков, служила кафедре, служила древним языкам и античной культуре, российской культуре и русскому языку.

На кафедре древних языков исторического факультета МГУ Галина Глебовна появилась в день ее основания в 1949 г. и проработала там почти сорок лет. Но ее преподавательский стаж гораздо больше: он отсчитывается с середины 30-х гг., когда, еще не успев окончить легендарный ИФЛИ, она сделала первые шаги в обучении студентов. Шестьдесят пять лет Галина Глебовна простояла с мелом в руках у доски; десятилетия сидела напротив студентов и следила за правильностью чтения ими античных текстов по хрестоматиям, повернутым к ней вверх ногами. Умение бегло читать книги, столь причудливо расположенные, удивляло ее маленьких дочерей.

Галине Глебовне посчастливилось учиться у непревзойденных историков и филологов: С.И. Соболевского, М.М. Покровского, С.Д. Сказкина, А.Р. Саккетти, А.Н. Попова, Б.Н. Гракова, С.И. Радцига; работать на кафедре вместе с В.С. Соколовым и его преемником на должности заведующего кафедрой — А.Ч. Козаржевским, ее ближайшими коллегами и часто добрыми друзьями были М.Н. Цетлин, Л.М. Попова, К.А. Морозова, Л.Н. Годовикова, Д.А. Дрбоглав, Е.В. Федорова.

Через руки Галины Глебовны прошли многие сотни студентов. Это были годы, когда древние языки активно преподавались на всех отделениях, в том числе заочном, причем не только филологам и историкам, но и философам, юристам, экономистам и даже на биолого-почвенном факультете. Дочери помнят толстые

* Впервые опубликовано: Труды кафедры древних языков. Выпуск II. М., 2009 (Труды исторического ф-га МГУ: вып. 44; серия III. Instrumenta studiorum: 18). С. 8-11.

пачки тетрадей, которые она без конца проверяла, сопровождала комментариями-перепиской с заочниками и снова проверяла выправленные работы. Галина Глебовна хранила списки *всех* своих студентов с их отметками, и эти тетрадочки занимали почетное место в ее шкафу.

Среди ее учеников было немало известных деятелей науки и культуры, политиков и крупных юристов, у нее в свое время учились многие профессора и преподаватели истфака, а в 60-е годы — парторг отряда космонавтов и офицеры Кремлевского полка. Бывали у нее и необычные студенты. Так, в годы войны ей пришлось работать в Туркменском медицинском институте и Военно-юридической академии. Всем без исключения своим ученикам она запомнилась как учитель строгий, взыскательный, справедливый и, главное, умеющий объяснять сложные латинские премудрости четко, просто, логично и понятно.

Это умение обеспечило ей успех и как автору учебников. Она выпустила два издания «Учебника латинского языка» для студентов-гуманитариев. Это было достаточно традиционно для профессионального преподавателя. Однако интересно, что, будучи уже очень немолодой, сильно за восемьдесят, она предложила издательству «Флинта» «Самоучитель латинского языка». Трудно более наглядно продемонстрировать один из руководящих жизненных принципов Галины Глебовны: «*Nulla aetas ad discendum sera*»¹. Она сумела понять новую актуальность древних языков и четко ее обосновать. Она оказалась права. Вышедший в 2003 г. «Самоучитель» был быстро раскуплен. Она подготовила второе издание (2006 год), тоже раскупленное. В январе 2007 г., девяноста двух лет от роду, Галина Глебовна вчерне завершила работу над третьим, полностью переработанным и расширенным изданием, куда включила совершенно новый раздел. Почти лишившись зрения, она по памяти воспроизводила громоздкие грамматические таблицы, на больших листах толстым фломастером заполняла графы, вносила поправки и дополнения, стремясь к максимальной доходчивости для учащихся.

Служение культуре Галина Глебовна понимала просто: «*Nulla dies sine linea*»². Выйдя на пенсию как аудиторный преподаватель, она, кроме работы над учебниками, занималась переводами. Так, ей принадлежит огромного размера перевод с латыни одного из томов атласа «Топографической анатомии» Н.И. Пирогова. Кроме того,

¹ В любом возрасте не поздно учиться.

² Ни дня без строчки.

получив грант РГНФ, она издала собственный уникальный перевод «Описания Московии» Александра Гваньини, сопроводив его фундаментальными реальными комментариями; подготовила к изданию новый откомментированный перевод «Эфесских повестей» Ксенофонта Эфесского. Вдобавок она много лет сотрудничала с авторитетным научным издательством «Флинта» как комментатор, редактор, составитель латинских учебников, хрестоматий и словарей.

Одновременно на протяжении многих лет Галина Глебовна работала над записками-воспоминаниями. В них она воссоздавала не только историю своей семьи так далеко вглубь времени, как могла, но и описывала события, которым была свидетельницей, с точки зрения их современника. Читатель может увидеть сибирские снега и железную дорогу, протянутую на хрупком льду Иртыша во время Гражданской войны, глазами маленькой девочки, ехавшей на Восток вместе с отцом; знаменитую школу «Памяти декабристов» в центре Москвы, как ее видела девочка-подросток в середине 1920-х гг.; очереди добровольцев в военкоматах в 1941-м, когда она тщетно добивалась отправки на фронт; лесозаготовки под зимним Ашхабадом, куда был эвакуирован ИФЛИ в составе Московского университета. Она старалась не привносить в записки своих поздних представлений, и ей удалось сохранить в них живое ощущение времени.

Записки доведены до 50-летнего юбилея кафедры древних языков, на котором Галина Глебовна сумела выступить. Это был ее последний приезд на факультет.

Галина Глебовна не умела заниматься общественной работой даже в рамках кафедры. Тихая незаметная девочка Галя Грязнова не изменилась с годами. Единственной областью, где Галина Глебовна проявляла высочайшую активность, была борьба за русский язык и культуру. Подобно многим старым интеллигентам, она считала, что времена меняются, а мы не всегда меняемся вместе с ними в лучшую сторону. Она с трудом переносила воинствующую малограмотность и не скрывала этого. Она писала и звонила на радио и телевидение, в газеты и журналы, поправляя языковые и фактические ошибки репортеров. Посмеиваясь над собой, она задавалась вопросом, чего добивается, придерживаясь принципа «*Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo*»³? Может быть, всего-навсего, говорила она: «*Dixi et animam levavi*»⁴?

³ Капля долбит камень не силой, а частым падением.

⁴ Я сказал и облегчил душу (хотя и не принес пользы).

Однако время от времени она получала из редакций ответы с благодарностью, а пару раз даже с извинениями, так как среди уличенных в неграмотности журналистов оказались ее бывшие студенты. В любом случае, она любила руководствоваться восклицанием Горация «*Carpe diem!*»⁵ и использовала свое безупречное знание языка и литературы, принимая участие в разнообразных радиовикторинах. Книжки и аудиокассеты, выигранные ею в 90-е гг., заняли целую небольшую полку.

Галина Глебовна казалась не очень общительной, однако умела объединять вокруг себя многих друзей и знакомых. Она считала своим долгом делиться с другими собственными знаниями. Побывав в начале 60-х гг. с преподавательской экскурсией в Турции и Греции (громадное событие для тех лет!), она не привезла оттуда ничего, кроме охапки фотоленок. Из них были сделаны бесчисленные слайды, и много, много раз домой приходили близкие и дальние знакомые, к восторгу которых Галина Глебовна читала иллюстрированные лекции по античной истории и искусству. Слайды проецировались на простыню, натянутую на стене, и эти доморощенные показы загадочным образом были интересны и коллегам-специалистам, и родственникам или соседям, многие из которых были бесконечно далеки от гуманитарных проблем.

Друзьям и домочадцам Галина Глебовна запомнилась, среди прочего, отчаянным желанием следовать идее Ювенала «*Mens sana in corpore sano*», при этом она всегда помнила о том, что первоначальная мысль была: надо молиться и стараться, чтобы в здоровом теле сохранялся здоровый дух. До самых своих последних недель она побуждала близких гулять с нею (одна гулять она уже не могла), делала гимнастику, обливалась холодной водой. Гибкость тела как нельзя лучше способствовала гибкости ума. За несколько дней до смерти она давала мне, сдававшей в те дни в издательство книгу об авторе XVI в., консультации по латинскому языку.

Галина Глебовна осталась в благодарной памяти студентов, коллег, соавторов и, конечно, дочерей и внуков. У нас остались рукописи и книги, умение правильно ставить ударения в словах, остался ее девиз: «*Non progrēdi est regrēdi*»⁶.

⁵ Не теряйте времени.

⁶ Не идти вперед — значит идти назад.

Е.В. Федорова, Б.А. Макеев

ДОНАТ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДРБОГЛАВ*

(1922–2005)

Д.А. Дрбоглав проработал на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 52 года. Это был уникальный специалист и своеобразный, очень положительный человек.

Предки Доната Александровича жили в Чехии. Его дед закончил Карлов университет в Праге, и его специальностью стали древнегреческий и латинский языки. Он с семьей переселился в Российскую империю и в Тифлисе основал Вторую гимназию, где был ее директором и преподавателем древних языков; выпускником этой гимназии был, в частности, известный теолог Павел Флоренский. В дальнейшем семья рассталась с Грузией и переехала в Россию. Отец Доната Александровича был профессором кафедр химии и птицеводства в институтах Краснодара и Сергиева Посада (Загорска).

Д.А. Дрбоглав родился 1 октября 1922 г. в Краснодаре. В 1940 г., после окончания средней школы, Донат Александрович поступил на исторический факультет МГУ. Во время Великой Отечественной войны из-за проблем со зрением был призван в нестроевые части Советской Армии. Летом 1944 г. вновь продолжил обучение на истфаке, который окончил в 1949 г. С 1949 по 1952 г. учился в аспирантуре Института истории АН СССР. В декабре 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социально-политическое содержание борьбы между империей и папством в конце XI — нач. XII вв». В 1953 г. он был принят преподавателем на кафедру древних языков исторического факультета МГУ. С 1954 г. работал старшим преподавателем, а в 1961 г. получил должность доцента этой же кафедры.

Таким образом, его служебная карьера сложилась на редкость удачно. Он всегда справедливо занимал особое положение, так как был совершенно уникальным специалистом, причем специалистом чрезвычайно добросовестным. Сферой его знаний и научных ин-

* Впервые опубликовано: Труды кафедры древних языков. Выпуск II. М., 2009 (Труды исторического ф-та МГУ: вып. 44; серия III. Instrumenta studiorum: 18). С. 12–16.

тересов стала палеография — латинское средневековое рукописное письмо, которое обладает своеобразным, подчас очень сложным внешним видом. В те годы, когда Д.А. Дрбоглав начинал свою трудовую деятельность, специалистами по палеографии славился Петербург, тогдашний Ленинград (О.А. Добиаш-Рождественская и ее ученики), в Москве же ощущался явный недостаток палеографов. Д.А. Дрбоглав успешно восполнил его, оставаясь при этом историком широкого диапазона. Эта универсальность в полной мере проявилась в его работе редактора и комментатора (совместно с В.С. Соколовым) при издании первого тома «Хрестоматии латинских текстов средневековых авторов» (М., 1956); на столь же высоком уровне подготовлен и второй том данной хрестоматии. Значительную часть своего времени Д.А. Дрбоглав уделял учебной работе: преподавал латинский язык как в группах первого курса, так и в специальных группах всех курсов кафедры Средних веков, вел занятия с аспирантами этой кафедры, читал курс латинской палеографии, а также проводил практические занятия по чтению средневековых рукописей по их фотографиям.

Д.А. Дрбоглав является автором двух учебных пособий: «Учебное пособие по средневековой латыни» (М.: Изд-во МГУ, 1993) и «Грамматика латинского языка» (М.: МАКСПресс, 2003). Первое из них является единственным учебным пособием по средневековой латыни, изданным в России в XX веке. Второе предназначено для гораздо более широкого круга студентов. Следует особо отметить, что Д.А. Дрбоглав издал его тиражом в 200 экземпляров, на свои собственные средства, и почти все книги собственноручно отнес в факультетскую учебную библиотеку и подарил их; небольшую часть тиража он безвозмездно отдал тем двоим членам кафедры, которые любезно осуществили научное редактирование работы и создание компьютерного оригинал-макета.

Научная работа Д.А. Дрбоглава была посвящена преимущественно скрупулезному исследованию эпиграфических средневековых памятников Западной Европы и России. На эту тему им изданы две монографии: «Загадки латинских клейм на мечах IX–XIV вв. (классификация, датировка и чтение надписей)» (М., 1984) и «Камни рассказывают» (М., 1988). В первой монографии представлены клейма на мечах западно-европейского производства (один меч, с надписью «Этцелин меня изготовил», был найден в Московском Кремле в 1975 г.); во второй монографии предметом изучения стали надгробия и закладные плиты, являющиеся памятником пребывания иностранцев в Москве, Серпухове и Астрахани. Ранее этот материал оставался вне поля зрения исследователей. Анализ отдельных

надписей посвящены статьи Доната Александровича; среди них особо следует выделить работы о двух берестяных грамотах, найденных при раскопках в Новгороде Великом, одной с латинским текстом, другой — с немецким. Д.А. Дрбоглав принимал деятельное участие в их расшифровке и неоднократно выступал с научными докладами на заседаниях кафедры археологии исторического факультета МГУ, которая много лет ведет раскопки в Новгороде Великом.

В годы, когда еще существовал Советский Союз, Д.А. Дрбоглав занимался поисками следов библиотеки Ивана Грозного, но не самой библиотеки (ведь тогда на Кремль даже смотреть не рекомендовалось), а того списка книг, который был составлен в XVI в. (документ имеет условное название — «Список Дабелова»). Местонахождение его неизвестно, но вполне вероятно, что копия его находится в архивах магистрата Дерпта-Тарту. Именно Дрбоглав определил Эстонию как наиболее вероятное местонахождение копии документа; пока было можно, он неоднократно туда ездил, работал в архивах, но политическая ситуация после распада СССР заставила его прекратить поиски. На эту тему он опубликовал статьи в «Археологическом ежегоднике» (за 1984 г.: М., 1984) и в «Вестнике МГУ» (серия 8. История. 1991. № 2). Есть у Д.А. Дрбоглава работа и научно-популярного характера: «История неоконченного поиска // Встречи с историей. Научно-популярные очерки» (М.: Молодая гвардия, 1987).

С 1960 г. Д.А. Дрбоглав участвовал в работе по охране памятников культуры, сделал необычайно много для сохранения бесценного архитектурного наследия России. С 1965 г. он являлся членом Совета Московского областного отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), позднее был заместителем председателя секции архитектуры этого отделения. С 1966 г. являлся членом Научно-методического совета по охране памятников Министерства культуры СССР.

Произведения архитектуры как памятники истории и культуры были предметом особого интереса для Д.А. Дрбоглава еще с детских лет; он рассказывал, что в их доме оказалось какое-то старое иллюстрированное издание по истории архитектуры, которое стало его любимой книгой: оно ввело его как в мир истории, так и в искусство архитектуры. У него было очень плохое зрение, и поэтому живопись и другие изобразительные искусства не стали предметом его увлечения, но он мог много ходить и в дальнейшем таким способом изучил очень хорошо все архитектурные памятники Москвы и доступного ему Подмосковья; он всегда

много путешествовал по просторам России и всюду в первую очередь знакомился с памятниками. Наибольший интерес для него представляли именно русские памятники, так что он, по происхождению чех, по своему мироощущению был настолько русским, что даже после посещения собора Парижской Богоматери, в то же лето, мог искренне восторгаться собором в приволжском городе с прозаичным названием Мышкин; кстати, в Чехии он так никогда и не побывал, и ему не удалось взглянуть на родину своих предков.

Прекрасным знатоком историко-архитектурных памятников России был также А.Ч. Козаржевский, заведовавший кафедрой древних языков в 1967–1995 гг. Совместно с Д.А. Дрбоглавом они сначала стали проводить пешеходные экскурсии для всех желающих (коллег и студентов) по Москве. Так естественно образовался кружок по изучению памятников Москвы. Савелий Михайлович Дворин, директор Клуба МГУ на ул. Герцена (теперь снова Большая Никитская) охотно принял этот кружок в состав Клуба. Это был интеллигентный человек широкого кругозора, в прошлом он являлся одним из администраторов Малого театра. Савелий Михайлович сразу понял, что кружок может сыграть большую положительную роль в деле выявления памятников истории с последующей постановкой их на учет и государственную охрану. По его инициативе кружку был выделен за счет университета автобус для изучения памятников Подмосковья, большинство из которых ранее было практически недоступно. За многие годы работы кружка была составлена фототека и собраны ценные сведения по состоянию памятников, часто плачевному, что сыграло большую роль в деле их сохранения — они были поставлены на учет и реставрированы. В деле охраны памятников Д.А. Дрбоглав всегда находил поддержку у не менее страстного любителя старины А.Ч. Козаржевского, имевшего самое прямое отношение к государственной охране памятников. В последние годы своей жизни Андрей Чеславич возглавлял Университетское бюро Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, был членом Экспертного консультативного Совета при Главном Архитектурном управлении Москвы, а также руководителем лекторской группы правления Всероссийского общества «Знание».

А.Ч. Козаржевский и Д.А. Дрбоглав возглавляли экскурсии поочередно. Это были не просто загородные прогулки. Их отличало самое серьезное отношение к делу: уезжали рано утром, возвращались в Москву уже затемно, программа была утрамбована до предела, старались за день увидеть как можно больше и уехать как

можно дальше, ради экономии времени еду брали с собой, только шофер имел возможность где-то пообедать, но экскурсанты в это время смотрели памятники. По Москве экскурсии бывали только пешеходные. Загородные экскурсии, особенно далекие и предполагающие посещение совсем неизвестных памятников, Андрей Чеславич Козаржевский и Донат Александрович Дрбоглав обычно проводили вдвоем; во всех поездках, как правило, принимала участие профессор кафедры Е.В. Федорова, которая была членом правления Дома Культуры МГУ. Надо сказать, что в те времена подмосковная старина преимущественно пребывала в состоянии развала, и такие экскурсии втихую называли «ездой по помойкам», но эти поездки имели большое значение: кое-какие запущенные памятники можно было спасти от полной гибели, и в этом отношении сделано было много.

Д.А. Дрбоглав с большой ответственностью относился к занятиям со студентами и аспирантами. Он очень уважал умных, образованных и знающих учащихся, но превыше всего ценил в них стремление к знаниям. Сам он был блестящим латинистом, хорошо знал особенности средневековой латыни, но при этом всегда стремился к еще более совершенному знанию. Он свободно мог читать практически любые средневековые тексты, а когда его спрашивали, как этого можно достичь, скромно отвечал: «*Usus magister est optimus*».

Изучая со студентами древние тексты, Донат Александрович часто проводил параллели с современным миром, считая историю наукой о том, как не следует и как следует поступать на основании опыта предыдущих поколений. Часто подобные отступления превращались в конце занятий в интересные беседы, о которых сейчас многие бывшие студенты Доната Александровича вспоминают с большой теплотой.

Д.А. Дрбоглав был очень организованным и ответственным человеком и почти никогда не пропускал занятия. Он вел здоровый образ жизни, слышать не мог ни о табаке, ни об алкоголе, много двигался, а бодрый дух поддерживал регулярными комфортабельными путешествиями: каждое лето он плавал на туристических теплоходах, в основном по Волге, а позже, когда были сняты все запреты, с энтузиазмом стал плавать вокруг Европы; он испытывал непреодолимую боязнь перед самолетами и признавал только железную дорогу и водный транспорт. Следуя таким установкам, Д.А. Дрбоглав прожил жизнь долгую, честную, плодотворную, интересную и благополучную.

А.В. Подосинов

ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ ЧИЧУРОВ*

(2 июня 1946–7 июля 2008)

Игорь Сергеевич Чичуров заведовал кафедрой древних языков исторического факультета МГУ с 1996 по 2008 г., когда трагическая смерть 7 июля оборвала его жизненный путь.

И.С. родился в Москве 2 июня 1946 г. в семье военных. После окончания школы поступил на кафедру классической филологии филологического факультета МГУ. Куре, на котором он учился, оказался звездным, некоторые из его сокурсников стали впоследствии известными учеными, достаточно вспомнить М.Г. Финкельберг (Карпову) и Н.И. Щавелеву (Владимирову). Уже в университете И.С. увлекся византистикой; это произошло под влиянием выдающегося отечественного византиста А.П. Каждана, с которым он был знаком со школьных лет и который читал на кафедре классической филологии курс «Византийская культура». Под его

* Впервые опубликовано: Труды кафедры древних языков. Выпуск II. М., 2009 (Труды исторического ф-та МГУ: вып. 44; серия III. Instrumenta studiorum: 18). С. 17–21.

руководством И.С. защитил дипломную работу, посвященную историческим сочинениям Григория Антиоха (XII в.), А.П. Каждан был руководителем и кандидатской диссертации Игоря Сергеевича. Классическое образование дало И.С. на всю жизнь блестящее знание древних языков, а также обширную эрудицию и знание источников византийской истории.

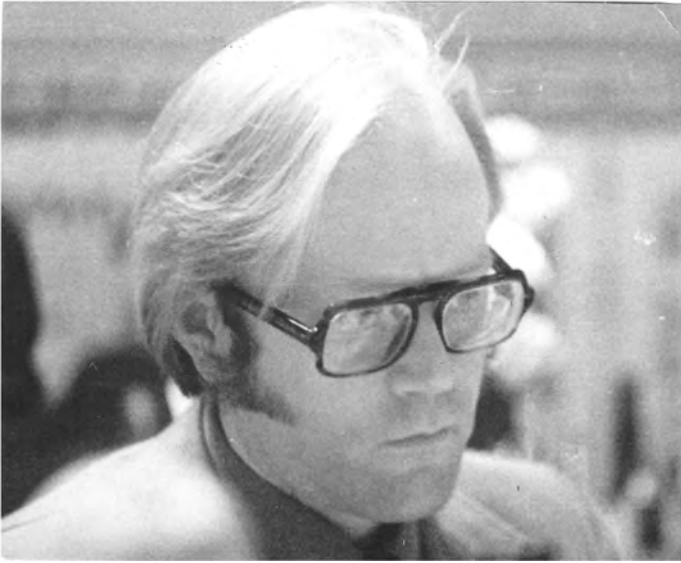
После окончания МГУ в 1969 г. И.С. поступил в аспирантуру Института российской истории РАН в сектор истории древнейших государств, который создал член-корреспондент АН СССР В.Т. Пашуто. Задача сектора состояла в подготовке и публикации свода древнейших зарубежных источников по истории народов СССР. Замечательный ученый, выдающийся организатор науки и прекрасный человек, В.Т. Пашуто подбирал сотрудников с большим тщанием. Свод древнейших источников, в который должны были войти античные — греческие и латинские, византийские, западноевропейские латиноязычные, скандинавские, восточные — древнееврейские, арабо-персидские, тюркские тексты, должны были, по замыслу В.Т. Пашуто, создавать филологи, владеющие редкими древними языками, методикой публикации и анализа текста, рукописной традиции, знанием литературной истории и места в ней публикуемого памятника. Для каждой части свода отбирались соответствующие выпускники-филологи. Историческое образование они получали в процессе работы на специальных семинарах, устраиваемых В.Т. Пашуто.

Византийскую часть свода возглавил Игорь Сергеевич. Молодой византинист составил и в 1971 г. опубликовал список памятников византийской письменности V—XIII вв., подлежащих включению в свод (всего 138 наименований). Логично, что одним из первых томов свода стала его книга «Византийские исторические сочинения: „Хронография“ Феофана, „Бревиарий“ Никифора. Тексты, перевод, комментарий» (М., 1980), продемонстрировавшая высочайший уровень текстологической, переводческой, эдиционной и комментаторской работы автора, задавшая высокую планку последующим изданиям свода.

Одним из принципов работы над сводом было предварительное монографическое исследование памятника, которое часто выливалось в кандидатскую диссертацию. Так было и на этот раз. В 1976 г. И.С. успешно защитил диссертацию кандидата исторических наук на тему «Место „Хронографии“ Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV — начало IX в.)». В 1983 г. она вышла как монография в составе серийного издания «Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования».

И.С. Чичуров (сидит), А.В. Подосинов (стоит) в Институте истории СССР АН СССР
(70-е гг.)

И.С. Чичуров (70-е гг.)

Со временем сформировались научные интересы И.С., которые были направлены на следующий круг проблем и тем: византистика вообще, история византийской литературы и общественно-политической мысли, история церкви, история права, история русско-византийских отношений и история Древней Руси. В результате работы в рамках этих направлений родилась и в 1990 г. была опубликована монография «Политическая идеология средневековья: Византия и Русь», которая в 1991 г. была защищена как докторская диссертация. В книге И.С. представил комплексный анализ и глубокую интерпретацию материала, связанного с византийским наследием Третьего Рима. Многочисленные статьи, опубликованные И.С., разрабатывали названные выше темы. И.С. ввел в научный оборот многие ценные памятники, отражающие распространение христианства в Восточной Европе, а также историю антилатинской полемики в Византии и на Руси.

Большое влияние на научное становление И.С. оказала его двухгодичная стажировка в Мюнхенском университете в конце 70-х — начале 80-х гг. И.С. был одним из первых стипендиатов Научного Фонда имени Александра Гумбольдта из нашей страны в послевоенный период, и этот выбор германского фонда оказался весьма удачным. Прекрасный, я бы даже сказал, изысканный немецкий язык, немецкая пунктуальность и аккуратность, европейские

манеры — всё это в сочетании со славянской мягкостью и душевной щедростью снискали И.С. любовь и уважение многих немецких коллег и просто знакомых. Научная подготовка и собственные исследовательские достижения, а также необыкновенная эрудиция И.С. сразу же поставили его в ряд с лучшими европейскими византинистами. Свидетельством признания научных заслуг И.С. стало избрание его в 1989 г. членом специального научного совета при Институте европейской истории права Общества Макса Планка (ФРГ, Франкфурт-на-Майне); в 1992 г. он исполнял обязанности профессора Тюбингенского университета.

В России И.С. более 20 лет проработал в секторе, основанном в Институте российской истории В.Т. Пашуто, затем в Институте всеобщей истории в Центре по изучению византийской цивилизации, возглавляемом акад. Г.Г. Литавриным. Одновременно много лет он работал в редакции журнала «Византийский временник», где в последние годы был заместителем ответственного редактора. В 1996 г. И.С. возглавил кафедру древних языков истфака МГУ, став позже также заведующим кафедрой истории Церкви и канонического права богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Тесная внутренняя связь с православием, приведшая И.С. в Свято-Тихоновский университет, стала причиной и его активного участия в планировании, подготовке, создании и редактировании многотомной капитальной «Православной энциклопедии» — самом крупном научном проекте в истории русской церковной науки. И.С. являлся куратором редакции Восточных Церквей Церковно-научного центра «Православная энциклопедия» и отдавал много сил и времени работе над очередными томами энциклопедии. Какое значение эта работа имела для И.С., видно из его высказывания в одном из интервью: «Работа над этим уникальным изданием для нас — это не только некий способ приложения своих творческих сил. И я, и большинство моих коллег воспринимаем это как послушание Церкви. Послушание, которое может растянуться на всю жизнь». Для «Православной энциклопедии» И.С. написал большое количество статей, которые могли бы составить отдельный том. С 1994 г. И.С. являлся членом Императорского Православного Палестинского общества и сумел сделать много полезного для его научной деятельности, активно участвуя в работе его конференций и круглых столов.

Много и плодотворно работал И.С. в сфере преподавания, читал различные курсы лекций, например такие, как «Византийская литература как источник по истории византийского искус-

ства» на филологическом факультете МГУ, «История Византии» в Российском православном университете имени св. Иоанна Богослова. На кафедре древних языков исторического факультета И.С. вел занятия по средневековому греческому (византийскому) языку, а также читал курс греческой эпиграфики студентам-старшекурсникам и аспирантам кафедры истории средних веков. Консультациями И.С., являвшимися по сути полноценными индивидуальными занятиями, пользовались и аспиранты филологического и философского факультетов МГУ, а также других московских вузов и научных институтов. Известен, например, случай, когда по просьбе коллеги И.С. прочитал полноценный курс по византийской истории аспиранту кафедры классической филологии, тем самым значительно превысив запланированную учебную нагрузку. Однако И.С. никогда не жалел времени для занятий со своими учениками, с которыми у него складывались особые отношения — строгие, но доверительные. И.С. оставил после себя научную школу, в которую входит много кандидатов и докторов наук — состоявшихся ученых. Ученики И.С. с успехом трудятся в различных академических институтах, вузах, редакциях Москвы и других городов России. К 60-летию своего учителя его ученики издали книгу «ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова» (М., 2006 г.) со своими 12 статьями. Тогда же к юбилею И.С. был издан сборник его избранных статей (Избранные труды. М., 2007).

И.С. был не только крупным ученым-византинистом, но и гражданином своей страны, обеспокоенным сложившимся положением вещей в культуре, образовании, обществе. В его интервью, выступлениях по телевидению, на различных конференциях — везде была видна выстраданная, четко продуманная гражданская позиция, которая могла нравиться или не нравиться, но она была и диктовалась опытом, совестью и глубокими раздумьями о судьбах отечества.

И.С. обладал удивительным даром придавать глубину и объемность многим вопросам, которые окружающим казались простыми и несущественными. Все заседания сектора в Институте всеобщей истории приобретали интригу и становились интересными, если на них делал доклад или участвовал в дискуссии И.С. То высокое служение науке, которое он вовсе не пропагандировал, но которым он просто жил, заражало и всех присутствующих. Работоспособность И.С. вызывала изумление коллег и учеников. Я помню, как И.С. настоятельно советовал каждый день перед сном прочитывать

страничку греческого текста, чтобы постоянно совершенствовать свои знания.

Очень терпелив и доброжелателен был И.С. со своими коллегами по кафедре, всегда находя время выслушать собеседников и помочь в разрешении имеющихся у них проблем. Многим знавшим И.С. вспоминается его особенный душевный склад, отзывчивость, скромность, мягкость характера, доброе отношение к коллегам, подчиненным и ученикам.

Все, кто знал Игоря Сергеевича Чичурова, навсегда сохранят светлую память о нем.

М.И. Чернышева

ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ ЧИЧУРОВ (ВОСПОМИНАНИЯ)*

До сих пор не совсем понятно, как этот человек, будучи не намного старше (как в моем случае) или даже ровесником, становился вскоре, как признают многие его друзья, учителем. А после 4 июля 2008 г., дня его гибели, когда Церковь празднует память преп. Максима Грека, на сайте Паломнического центра Московского Патриархата появились такие слова:

Православная Церковь в уставе литургических чтений всегда находит единственно верные слова, что кому на роду написано. В день его рождения, это была 7-я Неделя по Пасхе, в церкви читалось на утрени Евангелие о щедром улове рыбы Апостолами, а на литургии — Первосвященническая молитва Спасителя со знаменательными стихами об учениках: *Слова, которые Ты дал Мне, Я передал им, и они приняли и уразумели истинно* (Ин. 17, 8). Из Апостола читалось тогда 44-е зачало, в котором Павел также говорит об отношении наставника и учеников: *Бодрствуйте, памятью, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас — и при этом ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал* (Деян. 20, 31, 33). Не о будущей ли судьбе наставника говорилось и в произносимых в тот день, по случаю празднования памяти святителя Московского Алексия, переводчика Нового Завета, заповеди апостола *повинуйтесь наставникам вашим* (Евр. 13, 17)... Похоже, в колыбель ему был положен жребий быть учителем множества учеников, испытать все радости и горести многотрудного научного и педагогического поприща.

И еще в нем была распахнутая щедрость. Он делился всем. Став первым гумбольдтовским стипендиатом (первая его поездка в Германию — 1976–1977 гг.), он приехал преображенным, обогащенным

* Впервые опубликовано: *Чернышева М.И.* Игорь Сергеевич Чичуров — мой учитель и моя судьба // *ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ*. Сборник статей памяти профессора Игоря Сергеевича Чичурова / Под редакцией П.В. Кузенкова, А.А. Войтенко, М.В. Грацианского. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 384–401.

и раздавал: свои знания, возможности, свои связи, наконец, книги... Он помог многим вслед за собой получить такие же стипендии — протоптал тропинку в западный научный мир. Так расширились наши горизонты. Мы все благодаря этому стали другими, другой стала и наша отечественная наука.

Он признавал, что важнейшим событием в его жизни была встреча (со школьных лет) с будущим учителем и научным руководителем Александром Петровичем Кажданом, крупнейшим византинистом мировой величины. Потому вслед за учителем он выбрал византиноведение, дисциплину, о которой почти забыли в советское время. Позже скажут (А.П. Каждан уже уедет в Америку), что именно благодаря Игорю Сергеевичу, который все свои силы отдавал этой науке и будущим византинистам, своим многочисленным ученикам (поскольку для него, хоть Константинополь и пал в 1453 г., Византия по-прежнему была жива), византиноведение стало столь значимым в нашей стране. Знакомство с А.П. Кажданом произошло благодаря тому, что Игорь Сергеевич и сын Александра Петровича были дружны. Мальчик Игорь приходил в этот дом, и беседы и занятия с учителем определили его профессиональный выбор (Игорь Сергеевич окончил классическое отделение МГУ). В интервью от 15 февраля 2004 г. он рассказал о том, как это произошло:

Когда я окончил школу, Александр Петрович Каждан дал мне очень важный совет, что идти учиться надо туда, где труднее. Мой выбор определялся тогда двумя обстоятельствами. Во-первых, с детства я пристрастился к чтению, и довольно рано особый интерес у меня проявился к гуманитарным дисциплинам, хотя в нашей школе были хорошо представлены и физика, и математика. Хорошим тоном для нас, даже для тех, кто собирался посвятить себя гуманитарным наукам, было учить, например, физику не по традиционному курсу Перышкина, а по университетскому трехтомнику Ладсберга. Однако решающее влияние на мой окончательный выбор оказал совет Александра Петровича Каждана. Зная о моих склонностях к журналистике (с начала 60-х я активно сотрудничал с Государственной редакцией радиовещания для детей и юношества на Государственном радио, публиковался в газетах «Комсомольская правда», «Московская правда» и других, брал интервью у Юрия Гагарина), он посоветовал получить серьезное образование на филологическом факультете, а на филологическом факультете именно там, где учиться труднее всего, то есть на отделении классической филологии. И впоследствии оказалось, что выбор был сделан правильно не только потому, что, действительно, как давно уже

было мудро сказано: «тяжело в учении — легко в бою», — еще и потому, что классическое образование было и остается солидной основой для практически любой деятельности в сфере гуманитарных наук, не говоря уже о византиноведении. Для меня классическая филология стала основой последующего выбора византиноведения как специальности. Вплотную с этим я столкнулся уже на 3-ем курсе, когда впервые на кафедре классической филологии А.П. Каждан читал курс «истории византийской культуры», а позже и курс «византийской литературы».

Еще одной яркой фигурой того времени был С.С. Аверинцев, сыгравший значительную роль в развитии отечественной филологии, когда все рвались уже «в новое время». В том же интервью И.С. признавал:

На исходе так называемой «оттепели» интерес к сюжетам, связанным с историей Церкви, с историей христианской эстетики, несомненно, оживился, и одним из ярких примеров этого оживления служит, разумеется, курс лекций Сергея Сергеевича Аверинцева, который тоже оказал определенное влияние на мой последующий выбор. Мне, например, очень запомнился его доклад на нашем студенческом обществе отделения классической филологии, посвященный иконографии Богородицы.

Но, конечно, не только эти знакомства сформировали его внутренний строй. Он всегда был, как натянутая струна, всегда наготове. Уже после кончины И.С. в Интернете поместили фотографию, где юный школьник — пионер Игорь — берет интервью у Юрия Гагарина. Он и тогда был — беленький, прозрачный, — как натянутая струна. В нем никогда не мерк внутренний накал. Он неустанно держал высоко поднятый (для себя самого) уровень поведения и не снижал строгость требований к себе. Много было, конечно, от матери. «Матушка воспитывала меня в строгости, спасибо ей за это», — говаривал Игорь Сергеевич. Но все мы прекрасно знаем, кто на самом деле наш главный судия и воспитатель. Одну историю об Игоре-мальчике поведал его двоюродный брат (сопровождая свой рассказ словами: «Я никому не говорил этого, могу теперь признаться, что слова, произнесенные в детстве Игорем, сильно повлияли на мой формирующийся характер»). «Притча» проста. Оба поледи на даче грядки. Игорь сделал это быстро и хорошо («после него, можно сказать, — и муравьев не осталось»), а наш рассказчик никак не хотел выполнять нудную работу. Тогда Игорь мимоходом заметил: «Знаешь, есть люди, которым можно доверять, надежные люди, на них можно положиться». Сказал — и отошел. «А я долго

стоял и размышлял над его словами». Игорь-мальчик изначально сформулировал для себя некий высокий нравственный кодекс и не отступал от него.

При этом не было человека светлее, добрее и отзывчивее. Чуткая душа, тонкая внутренняя организация, высокая культура поведения — мы почти забыли, что есть такие люди... Смешно сказать, в России его — человека с самым русским лицом! — принимали за иностранца («у нас так себя не ведут»). К нему всегда можно было обратиться за советом, но — что самое замечательное — он сам опережал своими предложениями о помощи и сотрудничестве. Если бы не он, я, может быть, и не догадалась бы, что можно так щедро и радостно делиться.

* * *

Мы познакомились в конце 1975 года, года рождения моей дочери Ирины. Я училась тогда на четвертом курсе классического отделения филологического факультета МГУ. В то время я уже приняла для себя решение, что в дальнейшем не буду изучать «чистую» античность, поскольку, как позже выразился Игорь Сергеевич, «там сильно надыхали». Но, куда идти и чем заниматься, было неясно, поскольку кафедра ориентировала нас именно на «чистую» античность, а мне хотелось новых горизонтов. Оставался еще новогреческий язык, но он едва ли предполагал исследовательскую работу, к которой, похоже, меня все больше тянуло.

Игорь Сергеевич пришел к нам, на филфак МГУ, в составе группы молодых ученых — им не было тогда и тридцати! — которые, по замыслу чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуты, должны были набрать себе учеников — будущих сотрудников сектора «Истории древнейших государств на территории СССР», которым В.Т. Пашуто руководил (в тогдашнем Институте истории СССР АН СССР), для осуществления масштабного проекта — подготовки и публикации памятников письменности, содержащих сведения о народах, живших на территории тогдашнего СССР. В.Т. Пашуто был тогда убежден, что многосторонне и фундаментально исследовать памятники письменности на разных языках могут только филологи, из которых можно «сделать» историков, наоборот же — нет (оговорюсь, что и тогда, и теперь не все с этим согласны). Я сразу поняла, кого я хочу видеть своим учителем. Сагитировала студенческую компанию, в которой кроме меня было несколько человек, в том числе, моя любимая подруга О.Э. Клековкина (в замужестве Захарова), С.А. Иванов и др. Наша дополнительная подготовка состояла из нескольких фаз: лекции на историческом факультете МГУ

(т. к. мы, будучи филологами, весьма приблизительно представляли себе историческую науку), лекции А.П. Каждана по византийской литературе (иногда занятия проходили у него дома, иногда на филологическом факультете МГУ; Игорь Сергеевич и М.В. Бибииков слушали их вместе с нами) и, наконец, вернее, в первую очередь — чтение византийских источников с Игорем Сергеевичем. Первоначально круг памятников определялся исторической связью с «Хронографией» Феофана, компилятивному характеру которой была посвящена кандидатская диссертация И.С., защищенная в 1976 г. Это исследование легло в основу двух его фундаментальных работ: «Византийские исторические сочинения: „Хронография“ Феофана, „Бревиарий“ Никифора: тексты, перевод, комментарий» (М.: Наука, 1980; в серии «Древнейшие источники по истории народов СССР») и «Место „Хронографии“ Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV — начало IX в.)» (книга была опубликована в ежегоднике «Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1981 год. М., 1983», а затем вошла в состав его «Избранных трудов», подготовленных к 60-летию Игоря Сергеевича Научным советом РАН «Роль религий в истории» и Императорским Православным Палестинским обществом; М., 2007). Уже в кандидатской диссертации очевидно прослеживался интерес Игоря Сергеевича к характеру императорской власти и византийской государственной идеологии, раскрывающийся в главах IV «Историк и идеология власти (представления Феофана о характере императорской власти)» и V «От идеи к образу власти (становление парадигмы идеального императора в ранневизантийской историографии)». Этот интерес нашел свое выражение в монографии «Политическая идеология Средневековья: Византия и Русь» (М., 1990) и в докторской диссертации, защищенной в 1991 г.

Много лет творческой деятельности Игоря Сергеевича были связаны с Институтом европейской истории права Общества Макса Планка (ФРГ, Франкфурт-на-Майне). Углубленное изучение источников канонического права повлекло за собой целый ряд публикаций (в том числе, завершение труда В.Н. Бенешевича «Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований»¹ и подготовленный вместе с немецкими коллегами библиографический труд по рецепции византийского права в Древней Руси²). Многолетняя работа

¹ *Бенешевич В.Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований / Подг. к изд. и доп. Ю.К. Бегуновым, И.С. Чичуровым и Я.Н. Шаповым. София, 1987.

² *Bibliographie zur Rezeption des byzantinischen Rechts im alten Russland sowie zur Geschichte des armenischen und georgischen Rechts / Unter Mitwirkung von Azat*

в этом направлении после возрождения Церкви в нашей стране в итоге привела к созданию кафедры истории Церкви и канонического права на Богословском факультете Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, где Игорь Сергеевич разработал целую программу формирования полноценной подготовки современного специалиста по Византии. В интервью 2004 г. он как всегда лаконично и емко объяснил и назревшую необходимость обращения к церковно-правовой тематике, и некоторое смещение акцентов в византиноведении (по сравнению, например, с византиноведческой тематикой и проблематикой советского времени):

То, что византиноведение по определению изначально связано с историей Православия ... не стоит подробно объяснять. Именно это обстоятельство, не в последнюю очередь, стало причиной того, что сразу же после революции и до начала 40-х годов византиноведение в глазах власти было скомпрометировано двояко: и своей конституирующей связью с Православием, и своей в такой же степени определяющей связью с самодержавием. Поэтому для начинающих византинистов сегодня характерно перенесение акцентов в византиноведении на вопросы, связанные с Церковью в самых разнообразных аспектах: агиография, церковная история, каноническое право. Все это естественно и потому, что слишком долгим был перерыв в изучении этих сюжетов, и, не в последнюю очередь, потому, что в российском византиноведении не только церковная, но и церковно-правовая тематика традиционно была широко представлена.

Еще в 1993 г., устроив нам с Людвигом Бургманном прогулку по Мюнхену, он удивил меня не только хорошим знанием города, но и стойким интересом к сфере церковной жизни. Поворот Игоря Сергеевича в конце 90-х годов прошлого века к церковной тематике человеку, мало знакомому с ним, мог показаться неискренним, но людей, хорошо его знавших, это ничуть не удивило: так естественно и органично в нем присутствовало православие, оно, наконец, стало очевидным: мы всегда чувствовали особый духовный строй его устных бесед и письменных трудов, который определяло сочетание веры и науки.

В интервью 2001 года журналу «Православие и мир» его спросили о положении Церкви в современном мире, «где, — по словам

Bozozan, Igor' Čičurov, Sulchan Goginava, Kirill Maksimovič und Jaroslav Ščapov zusammengestellt von Lunwig Burgmann und Hubert Kaufhold. Frankfurt am Main, 1992.

И.С. Чичуров с М.И. Чернышевой и Л. Бургманном. 1993 г.

ведущего, — существует только одна цивилизационная модель — западная», и о возможности воцерковления российской интеллигенции, и он ответил:

Я бы... развел... два понятия — цивилизация и культура... Миссия Церкви в этом контексте — это, прежде всего, работа над воцерковлением культуры. Мы должны вернуть современную отечественную культуру к ее истокам т. е. христианскому мировоззрению. И здесь Церковь должна стать центром притяжения для всей интеллигенции, всех тех, кто формирует лицо современной культуры... Для российской интеллигенции сегодня таким делом стало издание монументальной «Православной энциклопедии». Работа над этим уникальным изданием для нас — это не только некий способ приложения своих творческих сил. И я, и большинство моих коллег воспринимаем это как послушание Церкви. Послушание, которое может растянуться на всю жизнь.

С ним так все и случилось. Он был куратором редакции Восточных Церквей Церковно-научного центра «Православная энциклопедия».

Возвращаясь к воспоминаниям о наших занятиях с Игорем Сергеевичем, должна честно признаться, что, хотя нас многому научили на классическом отделении, по-настоящему использовать приобретенные навыки я научилась только в ходе чтения текстов с И.С., поскольку предполагался не столько привычный грамматический и семантический анализ (он как бы был «в уме», его, по большей части, оставляли в стороне), сколько многомерный: исторический и понятийный. Безусловно, на формирование нашего научного сознания повлиял его тогдашний перфекционизм (казавшийся кому-то чопорностью) и склонность к ювелирному «дотошному» разбору, приведшая к созданию оригинальной методики анализа, которая позволяла ему за «формальными» элементами видеть содержательное начало. Опираясь на предложенную им методику, я стала изучать «Историю войн с готами» Прокопия Кесарийского (VI в.), а затем написала под его руководством дипломную работу «Принципы описания варвара и варварского мира у Прокопия Кесарийского», где для сравнения использовались также факты из произведений других византийских историков: Агафия, Маврикия, Аммиана Марцелина.

В 1977 году я закончила МГУ и вместе с еще одной ученицей И.С. получила распределение в Институт истории СССР АН СССР в сектор В.Т. Пашуты, однако бумага о распределении оказалась «липовой», она означала лишь, что нас «имеют намерение» туда принять, не более того. Все лето я обивала пороги этого Института — все напрасно. Однако я твердо решила, что существует единственное место, где я хочу работать: сектор Пашуты. Несколько раз мы, студенты-выпускники, бывали на заседаниях этого сектора, сами выступали с сообщениями по теме дипломной работы, участвовали в дискуссиях и обсуждениях (это также входило в программу нашей подготовки к работе над «Памятниками»). Коллектив молодой, увлеченный, красивый. Все влюблены в дело, друг в друга и в своего дивного начальника. Энтузиазм, блеск эрудиции, поток озарений. Противостоять этому было невозможно. Атмосфера творческого полета так накалена, что даже малоодаренные люди тогда становились почти талантливыми или казались таковыми. Попасть в эту компанию было единственной мечтой. Но мечта не спешила осуществляться. Игорь Сергеевич продолжал, хотя мы уже завершили учебу в МГУ, заниматься с нами. Немного позже и Александр Петрович Каждан факультативно прочитал нам свой курс «Византийской литературы». Одним из интереснейших зада-

ний, предложенных А.П. Кажданом, было прореферировать и дать оценку только что появившейся «Поэтике византийской литературы» С.С. Аверинцева (М., 1977).

С сентября 1977 года я подрабатывала почасовиком в нескольких вузах, преподавая латинский язык, и на филфаке МГУ, где добавился немного и древнегреческий. И — продолжала ждать. В конце октября раздался телефонный звонок из Института русского языка АН СССР: сотрудники «Словаря русского языка XI–XVII вв.» получили для подготовки рукописи словаря в печать пишущую машинку с греческим шрифтом (что по тем временам было сказочным счастьем — вспомним, компьютеры появились только спустя лет двадцать), и им нужен был человек, который «умеет печатать на греческой машинке» (так и было сформулировано, не: «нужен человек, знающий греческий язык», а именно «умеющий печатать на греческой машинке»). Николай Алексеевич Федоров, знаменитый на всю Москву латинист, наш общий учитель, зная, что у меня нет постоянной работы, предложил мне откликнуться на это предложение. Этого делать я не собиралась: «При чем тут русистика, если я собираюсь заниматься Византией?» За советом отправилась, как всегда, к Игорю Сергеевичу. Мне очень нравилось, когда он задумчиво произносил: «Рита, приезжайте, нужно поговорить» или: «...есть о чем поговорить». К моему удивлению, в ответ на мои пылкие слова: «Я буду твердо ждать места у Пашуты», — он мягко возразил: «Так можно всю жизнь прождать». И добавил: «Поезжайте. Посмотрите, что там».

Дальше началась новая страница в моей жизни и в жизни Словаря, с которым оказалась связана вся моя дальнейшая жизнь, а это уже ни много ни мало более 30-ти лет. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII вв.) начал выходить в том самом 1975 году, когда произошло мое знакомство с Игорем Сергеевичем, и в этом я тоже вижу одно из звеньев в связи неслучайных событий. Основоположником идеи создания словаря древнерусского языка был еще академик А.И. Соболевский (хронологические рамки охвата лексики будущего словаря несколько раз менялись). В 1925 г. идея эта была официально сформулирована, и А.И. Соболевский заложил основу Картотеки ДРС (так стала называться картотека, на которой базируется СлРЯ XI–XVII вв.). В ее создании приняли участие не только выдающиеся ученые своего времени, такие как А.И. Соболевский, М.Н. Сперанский, Ф.И. Покровский и др., но и многие-многие другие известные, малоизвестные и совсем неизвестные люди, фактически на энтузиазме создавшие ее. «Наука движется не одними академиками, а совокупностью сотен и тысяч

лиц, стоящих вне Академии, но объединенных какой-либо силой, какой-либо идеей, внутренней и внешней», — такие слова В.М. Истрина избрала в качестве эпиграфа Л.Ю. Астахина, воссоздавшая историю Картотеки ДРС и «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и собравшая редкие сведения о тех людях, которые принимали участие в этом деле³.

Однако, когда я пришла в Словарь в октябре 1977 года (тогда уже было опубликовано четыре первых выпуска и был готов пятый), очень скоро мне стало понятно, что дело не в том, что кто-то должен в машинописную рукопись впечатывать совершенно случайные греческие параллели (латинских гораздо меньше), но в том, чтобы для начала восстановить в составе Картотеки объем источников, представляющих собой славянские и древнерусские переводы с греческого языка византийской эпохи. Сведения об этом к тому времени были почти совершенно забыты, и в нашей группе (позже — отделе) не было специалистов, которые могли бы указать мне на греческие оригиналы, хотя сотрудники Словаря с уважением называли имя Б.В. Горнунга, консультировавшего прежде «латинские и греческие оригиналы». Следов его деятельности мне так и не удалось обнаружить. Тогда вообще византийско-славянские этюды почти выпали из поля зрения исследователей, и только несколько подвижников не столько трудилось, сколько боролось и яростно отбивалось от хулителей: достаточно вспомнить хотя бы участь М.Ф. Мурьянова, впервые после долгого перерыва обратившегося к византийской гимнографии и ее славянским переводам: его почти никто не понимал и не принимал, в то время как ныне гимнография — золотая жила, приносящая почет⁴. К счастью, в то время Н.А. Мещерский опубликовал свою книгу «Источники и состав древней славяно-русской и переводной письменности IX–XV вв.» (Л., 1978), и я вступила с ним в переписку. Замечательно, что тогда же стал активно работать Е.М. Верещагин, снова после долгого перерыва обратившийся к описанию языка славянского перевода Евангелия путем сравнения его с греческим оригиналом.

³ Астахина Л.Ю. История картотеки. Авторский состав // Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. М.: Наука, 2001. С. 7–262; в том же году эта часть была воспроизведена в «Науке» отдельной книжкой.

⁴ Все крупные труды М.Ф. Мурьянова, в том числе Путятина минея XI в., были опубликованы после его смерти вдовой ученого, И.В. Мурьяновой (Путятина минея — в американском журнале «Палеославика», который издает А. Страхов; многочисленные статьи, в том числе византиноведческого характера, — в итоговом двухтомнике: *Мурьянов М.Ф. История книжной культуры России*. Ч. 1. СПб., 2007. Ч. 2. СПб., 2008; труды по пушкиноведению — в отдельных книжках).

С конца 70-х годов с огромными трудностями началась работа — сначала по убеждению в важности обращения к греческим оригиналам, первоисточникам славянских и древнерусских переводов, что совершенно необходимо для правильного понимания контекстов и, соответственно, семантики слов (не говоря уже о верном словоделении). Слава Богу, тогдашний руководитель отдела, Г.А. Богатова, поддерживала меня. На следующем этапе не менее трудным был поиск и подбор соответствующих греческих оригиналов. Вполне закономерно мои знания, полученные на семинарах Игоря Сергеевича, обрели свое подлинное приложение. Теперь я могу признать, что он был совершенно прав, повернув меня в эту сторону. Литература «Третьего Рима», Руси, — наследница, преемница и хранительница византийского мира. И нет во всем славянском мире словаря, более полного по охвату византийских источников, переведенных славянами, чем «Словарь русского языка XI–XVII вв.». В этом новом для меня деле «открытия давно открытого» Игорь Сергеевич был рядом. Мы искали и думали вместе.

Именно он предложил мне обратиться к славянскому переводу «Хроники» Иоанна Малалы, и в 1987 году мною была защищена кандидатская диссертация «Византизмы в языке „Хроники“ Иоанна Малалы». Позже удалось собрать и переиздать под одной обложкой обнаруженный В.М. Истриным, но разбросанный по разным сборникам славянский перевод «Хроники» (М., 1994). Переиздание включает очерк, посвященный истории изучения славянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы, и несколько приложений: правку издания В.М. Истрина по рукописям, два неизвестных Истрину отрывка «Хроники», а также раздел «Греческие слова, способы их адаптации и функционирование в славянском переводе „Хроники“ Иоанна Малалы».

Итогом моей многолетней работы с греческими оригиналами и их славянскими и древнерусскими переводами стала защищенная в 1994 г. (пока не опубликованная) докторская диссертация «Проблемы влияния греческого языка на язык переводных памятников в древнерусской книжности». И снова этому предшествовал импульс Игоря Сергеевича, который помог мне в начале 90-х годов получить стипендию в Германии, так что я в течение нескольких месяцев имела счастливую возможность работать в мюнстерском Византийском семинаре, возглавляемом профессором Райнером Штихелем. Понятно, сколь значимы научные контакты такого уровня и качества для самого ученого, но, главное, как говорил мой учитель, «для дела».

Когда я в первый раз (с его же легкой руки) отправилась в серьезную научную поездку в Германию (1991), трепеща от неизвест-

ности, и перед поездкой без конца обращалась к нему за объяснениями, он, всегда такой добрый и мягкий, вдруг строго сказал: «За ручку водить не буду». Как с лодки сбросил: плыви! А потом, едва я привыкла к Германии и понемногу начала изъясняться по-немецки в милом мюнстерском Византийском семинаре у профессора Райнера Штихеля, как последовало приглашение (которое он же и организовал) поехать на другой конец Германии во Франкфурт-на-Майне к чудесному другу Игоря Сергеевича Людвигу Бургманну, что стало для меня еще одним испытанием. Он мягко, но настойчиво вытаскивал нас из привычной среды. Кто-то сказал о нем: «нежная суровость». Да, он взял на себя эту миссию. Вижу, что в научной среде есть люди, которые себя берегут, а может быть, их устройство иное. Игорь Сергеевич всегда был распахнут навстречу людям, и дары его казались неисчерпаемыми.

В Германии, кроме удовлетворения моих собственных научных интересов, благодаря прекрасным немецким библиотекам удалось обнаружить целый ряд греческих (в меньшей степени: латинских) оригиналов к переводным произведениям. Результат длительной работы по поиску греческих оригиналов был представлен в новом варианте «Указателя источников» к СлРЯ XI–XVII вв., где они впервые были указаны⁵. Эта деятельность и теперь последовательно продолжается, так что впору готовить новый Указатель источников.

Еще одним итогом поворота к греческим оригиналам стала издательская деятельность нового уровня и качества, развернувшаяся в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Теперь, учитывая лучшие образцы эдичионной практики, в том числе, опыт немецкой серии *Monumenta linguae slavicae*, переводные произведения стали публиковать с их греческими оригиналами (и со временем параллельный материал стал учитываться даже в словоуказателях).

Все вместе взятое не только положительно сказалось на нынешнем уровне составления «Словаря русского языка XI–XVII вв.», но побудило говорить о существовании внутри одного словаря двух: один, первых выпусков, — популярного жанра, второй — строго научный академического типа. Было высказано пожелание: дополнить первые выпуски новыми данными (т. е. словами, опущенными в соответствии с жесткими принципами старой инструкции Словаря, а также обнаруженными в новых источниках, с введением гре-

⁵ Указатель источников. Сост. Г.Я. Романова, Е.И. Державина, М.И. Чернышева // Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. М.: Наука, 2001. С. 263–389.

ческих параллелей) и исправить выявленные погрешности. Это нашло отражение в первом опыте: подготовленные мною Дополнения и исправления к первому выпуску СлРЯ XI–XVII вв. сначала были опубликованы в приложении к 27-му выпуску СлРЯ XI–XVII вв., а затем — отдельной тетрадкой (М.: Наука, 2006). К моему сожалению, эта инициатива не получила поддержки⁶. Незадолго до появления в свет этой работы (которой я придавала тогда большое значение), 15 декабря 2005 г., во время нашей встречи и знакомства Игоря Сергеевича (о чем он меня очень просил) с известным психологом А.В. Сухаревым, я рассказывала им об этой работе и о том, как много было в древнерусской письменности слов с начальными компонентами *благо-* и *бого-* (около тысячи известно, но на самом деле, конечно, их было гораздо больше), которые, к тому же, имели способность к взаимозаменяемости. Тогда Игорь Сергеевич с горечью заметил, что в современном русском языке их почти не осталось и это о многом говорит. И действительно, в популярном словаре русского языка С.И. Ожегова 1991 г. их едва больше 80-ти, а в более современных словарях — и того меньше. В самом деле, высокая лексика уходит из языка, а вместе с ней уходит и сакральность.

* * *

Много-много лет он излучал только радость. Мы приходили к нему за этим, и он щедро ее рассыпал.

Уникальный момент: Игорь (И.С.) и Коля (Н.Н.) Лисовой читают в 1995 г. — вдвоем, одновременно! — цикл лекций в Политехническом музее «Шестнадцать веков Византии»⁷: блеск эрудиции, знаний; прозрения, приходившие тут же. Оба молоды, веселы, артистичны, горят — великолепно. Не знаю, остались ли хотя бы магнитофонные записи...

Но потом что-то произошло, какой-то внутренний надлом, что-ли. Он так и не поделился ни с кем своей бедой. Струна ослабла, а потом и порвалась. Кто-то думал, что виной резкой перемены в его поведении было плохое самочувствие (И.С. уже побывал и в больнице; известно было также, что всю жизнь он очень плохо спал и рано просыпался). Кто-то считал, что все дело в невозможности пережить Вавилон нынешней жизни. Кое-что мы все-таки знали: это неудовлетворенность работой в Академии наук, где масштаб

⁶ В 28-ом выпуске СлРЯ XI–XVII вв. предложен другой тип исправлений (в виде таблицы), подготовленных главным редактором Словаря В.В. Крысько и К.А. Максимовичем.

⁷ Так решили во время поездки в Иерусалим в 1994 году. Было еще несколько небольших циклов лекций; в том же 1994 году — «150 лет русскому Ницше».

его уникальной личности так и остался до конца не оцененным. Уход из Академии наук в Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ), по-видимому, был попыткой преодолеть внутренний кризис.

Теперь он отпустил бороду (она оказалось широкой и курчавой). Внешне стал другим. Встретив, я едва узнала его. Говорил, что здесь, в Православном университете, ему хорошо, и нигде так замечательно к нему не относятся. Его очень тронуло, что к нему приставили студента, который напоминал об обеде и провожал в трапезную. Казалось, все его любили. Что же так мучило? Уже после того, как его не стало, я попросила разрешения у семьи приехать на дачу, где он жил последние годы, посмотрела дом, который он строил для своей жены и девочек, увидела комнату, уставленную знакомыми книгами, но не почувствовала в этом новом кабинете, который показался мне необжитым, той атмосферы, отличавшей его московскую квартиру, где во всем чувствовался высокий накал ритма его жизни, втягивающей и подчиняющей себе всю семью: полные творческих планов отъезды за границу, радостные возвращения, подготовка конференций, проведение их, выступления, научные работы и — ученики, ученики, ученики — везде и дома тоже.

Теперь все видится так, будто он однажды принял решение и уже готовился уйти. И жене сказал, что — скоро. По словам Людмилы, заранее распорядился, где его похоронить, и завещал передать библиотеку в ПСТГУ. Я была (всего лишь за два года до кончины!) на его 60-летию в этом университете. Во дворе на фоне золоченой мозаики со Спасителем он сфотографировался со своими учениками. Я постеснялась присоединиться к ним: уж больно молодыми показались они мне. А когда увидела эту фотографию, то ахнула: все смотрят в объектив, а он — ввысь. Я рассказала Игорю Сергеевичу о запечатлевшем необыкновенный миг кадре. А он: «Значит, пора». Слышать это уже тогда было очень больно.

Одна из последних встреч все в том же Православном университете: поцеловались при встрече, и он горестно прижался головой. А совсем скоро его тут же в храме отпевали.

В девяностые годы все мы вынуждены были выживать, кто как мог. В Российской академии наук (прежде — Академии наук СССР) платили нищенские зарплаты, а в некоторых институтах перебои длились по несколько месяцев (как, например, в Институте русского языка РАН, где я работала). Ходили слухи, что Академия вот-вот развалится. Не развалилась, наверное, только из-за нашего упорства. Мы грустно шутили, что скоро в Институте поставят турникеты, чтобы платили за вход на работу. Самое смешное —

Игорь Сергеевич Чичуров с учениками. 2006 г.

мы бы действительно платили. Тогда все мы пытались найти способы сохранения себя, а значит — и дела. Большинство научных работников стало преподавать (опять-таки за мизерную плату) в различных вузах: кто — в государственных, кто, кому больше повезло, — в коммерческих. Так как денег, чтобы прокормить семью, все равно не хватало, мы, не покидая Академию, преподавали в разных, иногда сразу в нескольких, вузах. И, при полной нехватке свободного времени, все равно старались сохранить свои научные занятия и даже расширяли их. В самое страшное время Игорь Сергеевич спас меня и мою семью, предложив принять участие в одном российско-германском проекте, — мы выжили благодаря этому. А потом появились отечественные фонды, гранты. Казалось, теперь сбудутся самые смелые мечты. Помнится, Игорь Сергеевич думал тогда о своем издательстве. Он взял на себя много, видимо, слишком много для одного человека: заместитель ответственного редактора «Византийского временника», руководитель работ по византиноведению в «Православной энциклопедии», заведующий кафедрой древних языков на историческом факультете МГУ, создатель и руководитель первой в нашей стране кафедры канонического права в ПСТГУ. Кому-то это могло показаться жадностью. Но мне видится все иначе: тогда толком неким было его заменить, и он это понимал, а потому не только взвалил на себя непомерную ношу, но — и это было главным для него в последние годы — старался передать свои знания: отсюда бесконечные занятия с учениками (не говоря уже о выступлениях, оппонировании, рецензировании, об участии в Ученых советах, в коллективных проектах, организации конференций и т. д. и т. д.). Его учительство имело целью поднять подготовку новичка до авторитетного научного уровня (к сожалению, мы до сих пор называем его «европейским», в противовес отечественному). Это предполагало, в первую очередь, умение читать источники на греческом языке в подлиннике (если нужно, — рукописном), анализировать и комментировать их, необходимо было также пользоваться специальной литературой, по крайней мере на трех европейских языках, а также ориентироваться в справочниках. Предполагалось достаточно свободное владение немецким языком для общения с коллегами и умение вести дискуссию. Важнейшим моментом он считал также научиться свободно, без бумажки, публично излагать свои мысли на родном языке и оттачивать письменное слово.

Все это, конечно, привело к эмоциональной и интеллектуальной перегрузке. Последние пятнадцать лет сильно всех нас подкосили. Когда-то, еще в 80-е годы, на мои жалобы, что очень мно-

ПСТГУ. Октябрь 2006 г.

Дача. Май 2008 г.

го работы в Словаре и не остается времени на научные занятия, он радостно отвечал: «Главное, работать, и все будет хорошо». И все время предлагал новые совместные разработки. Я всегда после встречи с ним обретала новое дыхание, и появлялись силы жить дальше. Но в последние годы он все чаще замечал, что ему следует от каких-то работ отказаться, но — не отказывался. А обязательства росли, как снежный ком, с ними уже невозможно было справиться, и вот уже снежный ком грозил раздавить своей тяжестью.

И последнее. Зная, что из-за моей загруженности в Словаре, мне не удастся собрать свои мысли в книгу, он предложил мне помощь по изданию в ПСТГУ монографии, составленной из моих работ. Мы обсуждали содержание, но осуществить задуманное он уже не успел. Книга под названием «Уходящие слова, ускользающие смыслы», где И.С. Чичуров значится ответственным редактором, вышла ровно через год после его кончины, в 2009 г. в другом месте⁸. На самом деле, если бы не строчка с его именем в качестве ответственного редактора, книга была бы посвящена ему. Она ему и посвящена.

⁸ Она была опубликована в Московском государственном университете печати.

А.М. Крюков

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ — И.С. ЧИЧУРОВЕ

В июне 1996 г. Сергей Павлович Карпов, обсуждая со мной, выпускником кафедры Средних веков истфака МГУ, перспективы дальнейшего обучения в аспирантуре, заметил: «Я принял на работу нового преподавателя. Вы его, конечно, знаете, но пусть имя пока останется для вас сюрпризом». В беседах с однокурсниками мы так и не смогли разрешить эту загадку: всё стало ясно лишь в сентябре, когда Игорь Сергеевич Чичуров занял вакантный после смерти Андрея Чеславича Козаржевского пост заведующего кафедрой древних языков. Лучшего научного руководителя я не мог бы для себя желать: ведь Игорь Сергеевич, будучи видным специалистом в области византийской культуры, сочетал в себе прекрасное знание ее античных и христианских истоков, а также умел и любил работать с древними рукописями. Кроме того, в молодости ему довелось изучать кодексы поучений Михаила Хониата, которым надлежало стать основным предметом моей кандидатской диссертации, и опубликовать статью об их рукописной традиции.

С тех пор важной частью моей жизни стали регулярные занятия с Игорем Сергеевичем, обычно проходившие в его кабинете на шестом этаже I гуманитарного корпуса МГУ. Отрываясь от своих бумаг (или, позднее, от компьютера), он приветствовал заглядывавших в дверь учеников и предлагал им занять место за длинным столом. Материалом для занятий служили подобранные им тексты из *Patrologia Graeca*, по времени и тематике примерно соответствовавшие области моих интересов. Лишь много лет спустя я смог в полной мере понять, насколько удачным был его выбор: большинство из этих сочинений мне пришлось еще не раз внимательно проштудировать, чтобы наконец довести свое диссертационное исследование до ума. В качестве преподавателя Игорь Сергеевич отличался тщательностью и даже некоторой строгостью: так, меня поначалу немного удивляло его требование воздерживаться от использования каких-либо записей при переводе текста. Те же самые качества проявлялись и при занятиях греческой палеографией (именно Игорь Сергеевич впервые ввел ее преподавание на

историческом факультете): в качестве образцов для чтения обычно выбирались достаточно сложные с палеографической точки зрения фотоконии афонских актов, которые нужно было обязательно дочитывать до конца, не исключая и всяческих маргиналий, зачастую плохо различимых в печатном издании.

Иногда занятия переносились на квартиру Игоря Сергеевича на Ленинском проспекте, которая запомнилась мне обилием книг по византистике, и, главное, знакомством с ее лохматым обитателем: маленьким белым псом по кличке Малыш. Этот последний всегда встречал меня громким лаем, бдительно следил за ходом занятий из-под письменного стола, а напоследок норовил ухватить за пятку, так что хозяину приходилось его ласково урезонивать: «Успокойся, Малыш, все и так знают, что ты здесь самый страшный зверь». По словам Игоря Сергеевича, этот пес первоначально носил какое-то человеческое (христианское) имя, что недопустимо по правилам православной церкви. Поэтому, взяв щенка в свой дом, Чичуровы первым делом перекрестили его в Малыша.

Игорю Сергеевичу очень нравилось немецкое обиходное обозначение научного руководителя — *Doktorvater*, и для своих учеников он в самом деле старался быть отцом: любящим, заботливым, а иногда и строгим. Впрочем, строгость всегда уравновешивалась присущей ему деликатностью: Игорь Сергеевич явно испытывал некоторое смущение всякий раз, когда ему приходилось задавать неизбежный вопрос о степени готовности работы. Эта же деликатность побуждала его всегда тщательно взвешивать свои слова: одна моя однокурсница, у которой сердце успело уйти в пятки на его фразе «Я нашел вашу работу... зрелой», впоследствии делилась своими впечатлениями: «И вот тогда я обратила внимание, как медленно он говорит!» В то же время Игорь Сергеевич всегда был готов выслушать любого из своих учеников и, если была такая нужда, оказать помощь и поддержку, не считаясь с затратами собственных сил и времени. Это проявлялось как в связи с научной деятельностью, так и в житейских ситуациях. Из множества примеров такого рода приведу лишь один, на первый взгляд незначительный: как-то раз он с ходу продиктовал мне обоснование значимости моей диссертационной темы, необходимое для какой-то официальной бумаги. Для меня, тогда еще не поднаторевшего в сочинении такого рода текстов, эта помощь оказалась чрезвычайно ценной.

Когда в 1998 г. я с подачи Игоря Сергеевича начал преподавать на кафедре древних языков, мне представилась возможность поближе познакомиться с ним не только как с преподавателем, но и как с начальником и коллегой по работе. Будучи «новым челове-

ком» на историческом факультете, Игорь Сергеевич тем не менее с легкостью вписался в коллектив кафедры и с присущим ему тактом внес немалый вклад в формирование теплой, благожелательной атмосферы, при которой каждый из сотрудников, не ощущая над собой слишком мелочной опеки «сверху», в то же время всегда мог обратиться к начальству за помощью в разрешении своих трудностей, причем не обязательно напрямую связанных с учебным процессом. Подобно своим предшественникам, Игорь Сергеевич усматривал задачу кафедры в том, чтобы не просто научить студентов основам латинского и греческого языков, но и привить им любовь к классической образованности, составляющей органическую часть культурного наследия восточнохристианского мира. Как-то раз, когда коллеги на заседании кафедры предались воспоминаниям об Андрее Чеславиче Козаржевском, Игорь Сергеевич отметил: «Да, мы с ним тоже часто встречались... в храме».

В общении с коллегами Игорь Сергеевич мало походил на того чопорного немецкого профессора, которым мог показаться людям малознакомым. Напротив, он с легкостью становился душой любого сообщества, будь то на кафедре, в секторе или где-либо в неформальной обстановке. В то же время общительность не была помехой его всегдашней деликатности, которая позволяла ему находить общий язык с самыми разными людьми, выступая в роли миротворца на благо науки в неразрешимых, казалось бы, ситуациях. В этой связи мне вспоминается эпизод с защитой одного коллеги, чуть было не сорвавшейся из-за отсутствия кворума: Игорь Сергеевич тогда приложил немало усилий, чтобы убедить некоторых из отсутствовавших членов ученого совета всё-таки занять свое место на заседании и тем самым дать защите возможность состояться. Обсуждая со мной этот случай, он порекомендовал сделать из него надлежащие выводы, однако заметил: «Но у вас так не будет, поскольку я об этом позабочусь».

В 2000 г. мне, выпускнику аспирантуры истфака МГУ, предстояло отдать год своей жизни службе в вооруженных силах. Мое отношение к этой перспективе как к неизбежной и в чем-то даже желательной не встретило понимания со стороны Игоря Сергеевича, который, не имея возможности убедить меня изменить свою точку зрения, в какой-то момент даже бросил в огорчении: «Не знаю, как потом сложатся наши с вами отношения на факультете». Нужно заметить, что фраза эта не имела никаких последствий, и сам он потом никогда не вспоминал о ней. Но так или иначе, я вынужден был принять его попытки посредничества. Игорь Сергеевич составил письмо за подписью ректора МГУ, с которым сам пришел на прием

к военкому и, как поначалу казалось, даже добился его поддержки. К добру или к худу, но эти усилия не привели к какому-либо результату: военком не имел возможности своей властью предоставить желаемую отсрочку, да, похоже, и не старался что-то предпринимать. Узнав об этом, Игорь Сергеевич, конечно, был возмущен и впоследствии с негодованием вспоминал о «мерзавце в погонах». Мой же шаг он и в дальнейшем расценивал как ошибочный, хотя с присущим ему тактом воздерживался от обсуждения этой темы. Тем не менее, я был глубоко тронут тем, насколько близко к сердцу он принял всю эту ситуацию и сколько усилий приложил для ее разрешения.

Осенью 2001 г., вскоре после моего возвращения к гражданской жизни, Игорь Сергеевич убедил меня добавить к своим обязанностям по кафедре должность в секторе истории Византии (впоследствии Центре по изучению византийской цивилизации) ИВИ РАН, где мне предстояло включиться в работу над «Византийским временником». Сам Игорь Сергеевич, лишь двумя годами ранее перешедший в сектор из Института российской истории, в то время с энтузиазмом участвовал в его жизни, отдавая много времени редактированию материалов журнала и вычитке корректуры. Однако особенно велика его заслуга в организации XVI и XVII Всероссийских сессий византинистов, проходивших на базе Центра по изучению византийской цивилизации в 2003 и 2004 гг. Лишь благодаря его связям в патриархии удалось успешно решить вопрос с обеспечением иногородних участников местами в гостинице. В то же время Игорь Сергеевич в полной мере разделил с молодыми сотрудниками сектора всю организаторскую работу, будь то закупка канцелярских товаров для комплектов участника, переговоры с типографией о печатании тезисов или подготовка кофейных пауз и фуршетов. Естественно, эти хлопоты часто влекли за собой непредвиденные расходы, которые Игорь Сергеевич, как и в других случаях, всегда готов был покрыть из своего кармана, не позволяя никому другому принять в них участие. Но гораздо важнее было само его присутствие, неизменно заражавшее оптимизмом и позволившее нам сравнительно легко пережить эту страду, несмотря на чрезвычайную ограниченность сил и возможностей сектора.

Вообще, Игорь Сергеевич всегда был желанным гостем в компании научной молодежи. В начале двухтысячных годов вокруг него сформировался кружок из учеников и коллег по Институту всеобщей истории, Московскому государственному университету, Российскому Православному университету имени Иоанна Богослова, Православному Свято-Тихоновскому гуманитарному универси-

тету. Встречаясь на разнообразных научных мероприятиях, члены этого кружка затем часто продолжали общение в неформальной обстановке, причем появление Игоря Сергеевича ни в коей мере не стесняло присутствующих: напротив, благодаря ему общение становилось более живым и интересным. Этим встречам принадлежала важная роль в формировании научных предпочтений молодых византинистов: ведь в процессе дружеских «посиделок» Игорь Сергеевич не только задавал тон в обсуждении ключевых проблем истории Византии, но и рассказывал о собственном пути в науку. Особую роль здесь играли его воспоминания о собственном наставнике, А.П. Каждане, позволявшие нам лучше понять роль этой фигуры в истории отечественной византистики и ощутить свое место в преемственности поколений ученых.

К сожалению, его надежды, связанные с Центром по изучению византийской цивилизации, не оправдались: к середине двухтысячных годов стало ясно, что перспектива сохранения центра под руководством Игоря Сергеевича, который должен был бы со временем сменить на этом посту Г.Г. Литаврина, не вписывается в планы руководства института. К этому обстоятельству добавилась и усталость от совмещения обязанностей в ряде научных учреждений и обществ, и семейная трагедия (гибель одного из зятьев). Конечно, и раньше у Игоря Сергеевича были поводы для огорчения. В частности, по некоторым обмолвкам можно было понять, что его вовсе не радует происходящее со страной начиная с 1991 г., хотя он и не навязывал никому своих политических, равно как и религиозных, убеждений. Теперь, однако, у него уже не получалось скрывать тягостные мысли под маской оптимизма. «Заграничный лоск» Игоря Сергеевича, иной раз заставлявший зрителей в музеях принимать его за иностранца, часто становился предметом шуток среди знакомых, но его самого такая ситуация, судя по всему, вовсе не радовала, и однажды в минуту откровенности Игорь Сергеевич заметил: «Не хочется быть иностранцем в собственном отечестве».

Не позднее 2006 г. Игорь Сергеевич стал готовить почву к уходу из ИВИ РАН, постепенно перенося центр своей деятельности в ПСТГУ. Для него, человека глубоко верующего и к тому же давнего прихожанина храма Николы в Кузнецях, такое решение было вполне естественным, тем более, что здесь его опыт сразу же оценили по заслугам: видимым знаком этого уважения стал 60-летний юбилей Игоря Сергеевича, празднование которого было организовано администрацией Свято-Тихоновского университета и сопровождалось большой торжественностью. На новом месте Игорь Сергеевич сразу же получил под свое начало кафедру истории Древней

Церкви и канонического права и с энтузиазмом погрузился в организацию семинаров по византийской тематике.

В те годы изменился сам его внешний облик: ранее всегда чисто выбритый, он отпустил бороду, которая вскоре сделалась предметом его гордости: Игорь Сергеевич любил рассказывать, что на вопросы о том, как он ухаживает за своей бородой, добиваясь ее эффектного внешнего вида, ему приходится отвечать: «Никак, сама растет помаленьку». В то же время Игорь Сергеевич стал всё чаще задумываться о вечном. По разным поводам мне доводилось слышать от него реплику одного из персонажей пушкинского «Скупого рыцаря»:

Как знать? дни наши сочтены не нами;
Цвел юноша вечер, а нынче умер,
И вот его четыре старика
Несут на сгорбленных плечах в могилу.

В разговорах со мной он не раз указывал, что надеется на скорейшее завершение моей диссертационной работы, ибо в противном случае ему, быть может, уже и не доведется с ней ознакомиться. Здоровье Игоря Сергеевича в то время действительно внушало опасение (ему несколько раз довелось лежать в больнице), и всё же трудно было себе представить, как скоро оправдаются эти его слова.

В мае 2008 г. Игорь Сергеевич в первый и, кажется, последний раз побывал на кафедре древних языков в новом корпусе исторического факультета МГУ. Хотя большинство сотрудников кафедры отнеслись к этому переезду скептически, ему явно приглянулось новое просторное помещение. Эта реакция нашла выражение в его словах: «Я бы сказал, впечатляет». Незадолго до этого я обратился к нему с просьбой выступить в качестве восприемника моей новорожденной дочери. Эта просьба очень обрадовала Игоря Сергеевича. Он отнесся к ней со всей серьезностью: обещал купить крестик, предложил провести саму церемонию в храме Николы в Кузнецях, но рекомендовал поторопиться, поскольку летом ему предстояло ехать с экспедицией реставраторов на Соловки. Увы, судьбою было назначено иное.

Мне никогда не забыть тот жаркий июльский день, когда на экране моего мобильного внезапно появилось сообщение: «Не стало Игоря Сергеевича Чичурова. Пока неизвестно, когда похороны». Смерть его поразила своей неожиданностью и какой-то несправедливостью: ведь она положила конец такому количеству планов и замыслов как самого Игоря Сергеевича, так и окружавших его людей. Конечно, горевал я и о том, что у моей дочери не будет любящего

дедушки, который, в этом нет сомнения, наилучшим образом справился бы с обязанностями крестного родителя. Эта утрата оставила в душе чувство пустоты, которая не может затянуться и спустя много лет. В качестве утешения мне остается лишь повторять строки В.А. Жуковского, неизменно звучащие на поминках по ушедшим коллегам:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были.

И.Л. Маяк

НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА МАЙОРОВА*

(1960–2008)

В начале 80-х годов на кафедре истории древнего мира появилось несколько желавших специализироваться девочек. Все они были сильными студентками, но среди них выделялась своим живым интересом к античности, особенно к истории Рима, милая, скромная Наташа Фомичева. Она стала моей подопечной, и я радовалась ее успехам. Отмечал ее успехи и Андрей Чеславович Козаржевский, который занимался с ней греческим и частично латинским языком.

Наташа блестяще защитила дипломную работу о правлении Анка Марция и поступила в аспирантуру, где работала над исследованием римского общества середины VII в. до н. э. Это была новая тема, сопряженная с трудностями освоения недавно появившихся археологических материалов и трудов по изучению древнейших латинских текстов. Эти данные взрывали устоявшиеся представления об античной традиции о раннем Риме. Гораздо более опытные ученые, привыкшие к вердикту К.Ю. Белоха о том, что достоверная история Рима начинается лишь с III в. до н. э., не хотели, даже не могли отказаться от этих представлений. Но Наташа не испугалась и смело начала изучать новую итальянскую литературу и публикации новых источников. Это был для нее нелегкий путь. Ей приходилось идти вслед за немногими учеными, дерзнувшими отказаться от гиперкритицизма, которые работали и на нашей кафедре. В результате ее кандидатская диссертация была великолепно защищена, Андрей Чеславович принял Наташу, ставшую Майоровой, на кафедру древних языков исторического факультета, а вслед за своим научным руководителем она продолжила исследование раннего Рима в сакрально-правовом аспекте и стала известным специалистом по истории фециалов.

* Впервые опубликовано: Труды кафедры древних языков. Выпуск II. М., 2009 (Труды исторического ф-та МГУ: вып. 44; серия III. Instrumenta studiorum: 18). С. 22–23.

Мы, занимающиеся древнейшим царским и раннереспубликанским Римом, привлекли ее к работе редколлегии в созданном по нашей инициативе журнале «Ius antiquum», а также к переводу «Римских древностей» Дионисия Галикарнасского. Понемногу Наталья Геннадьевна превратилась в известного и в России, и за ее пределами специалиста в области римской архаики. Но и на поприще преподавания древних языков Н.Г. Майорова снискала себе уважение и любовь студентов благодаря своим знаниям, безотказности, скромности и доброте.

К сожалению, личная жизнь Н.Г. Майоровой из-за недугов и потерь близких подорвала ее душевные и физические силы. Все это привело к тому, что ей пришлось оставить кафедру древних языков и уйти из МГУ. Буквально за несколько дней до этого она звонила мне и сказала об уходе с факультета. Я уговаривала ее отказаться от этого шага, но тщетно. Через несколько дней Наташи не стало.

Эта безвременная смерть еще раз напоминает нам (что я отношу и к себе!) о необходимости большего внимания к людям, о бережном отношении к ним, особенно к способным, но мягким и незлобивым.

Память о ней сохраняется в моем сердце как память о талантливом, честном и скромном Человеке.

М.Н. Славягинская

СЛОВО О СЧАСТЛИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ: ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ФЕДОРОВА*

(24.08.1927–18.05.2015)

Заголовок этих заметок есть чуть измененное название книги Елены Васильевны Федоровой о ее отце¹.

Можно ли назвать счастливым человека, у которого не сложилась семейная жизнь (или, наверное, он сам сознательно ее не сложил — так будет точнее), которого в расцвете ее научной и просветительской деятельности «отлучили» без предупреждения от его *alma mater*, человека, которого так подвело здоровье, что последние годы она не выходила из своей квартиры, не спускалась (боясь упасть) даже до почтового ящика?.. Оказывается, можно, если этим человеком движет творчество, о котором Елена Васильевна писала так: «Всем людям, посвятившим свою жизнь творчеству, независимо от степени их дарования, свойственно особое душевное состояние. Они всегда влюблены в свое дело и всегда бывают людьми яркой энергии и острых эмоций. Они могут быть разными: экспансивными и внешне сдержанными, талантливыми и бездарными, честными и фальшивыми, прямодушными и коварными. Они не могут только одного — быть равнодушными»².

«Все мы из детства...»

Детство у Елены Васильевны было замечательным. Гордостью дочери был отец — народный артист БССР, заслуженный деятель искусств, орденоносец Василий Федорович Федоров, который первым при советской власти получил диплом режиссера за подписями А.В. Луначарского и В.Э. Мейерхольда. Частые отъезды отца только сплачивали семью, а его работа позволяла Леночке много времени проводить в театре: «...значительная часть моего детства

* Первые опубликовано: Труды кафедры древних языков. Выпуск IV. М., 2016 (Труды исторического ф-та МГУ: вып. 83; серия III. Instrumenta studiorum: 27). С. 315–331.

¹ Федорова Е.В. Повесть о счастливом человеке. М., 1997.

² Там же. С. 4.

прошла в зрительном зале; я с малых лет допускалась на вечерние спектакли, и еще до того, как пошла в первый класс, я, сидя в ложе дирекции, начала постигать внешний облик разных стран и культур». О том, что она часто была рядом с отцом, когда шли его спектакли, говорит такой случай. Однажды в Минске проходила конференция по классической филологии. Я жила с Еленой Васильевной в одном номере, и как-то раз она предложила мне во время перерыва между утренним и вечерним заседаниями зайти в Русский драматический театр. Это было днем, но когда разнеслась весть, что в театр зашла Леночка Федорова — сбежались все, кто был свободен: здесь она была своя.

Жизнь Е.В. Федоровой протекала в незаурядной по высоте интеллекта и творческой активности семье, где царили две стихии: театрально-художественная и научно-историческая (без последней невозможно себе представить творчество В.Ф. Федорова). Эти две линии дали знать о себе и в последние годы ее жизни. Напомним о таких книгах, как «Давние века истории России»³ или трилогия о Пушкине — Есенине — Маяковском⁴, в каждой части которой автор задавала один и тот же вопрос: гибель поэта — это закономерность или случайность? Последней ее работой стал альбом «В мире театральных костюмов».

* * *

Интеллектуально-художественный мир отца своеобразно отразился на жизни Елены Васильевны. Она поступила в Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова на самое сложное, пожалуй, отделение — отделение классической филологии. Но и здесь она сумела найти интеллектуально-зрительный путь в науке — эпиграфику.

Что касается точности научных исследований Е.В. Федоровой, то она удивляла даже известных ученых. Так, однажды Ю.В. Откупщикова попросили дать рецензию на книгу Е.В. Федоровой «Ранняя латинская письменность. VIII–II вв. до н.э.» (М., 1991). При встрече Юрий Владимирович сказал мне: «Елена Васильевна так точна, что поставила меня в тупик. Как рецензент я должен был сделать какие-то замечания, но не смог найти ни одной погрешности!».

³ Федорова Е.В. Давние века истории России. М., 2008.

⁴ Федорова Е.В. Гибель А.С. Пушкина — закономерность или случайность? М., 2012; Федорова Е.В. Гибель С.А. Есенина — закономерность или случайность? М., 2012²; Федорова Е.В. Гибель В.В. Маяковского — закономерность или случайность? М., 2011.

В 2005 г. Елена Васильевна выпустила книгу «Мифы и реальность Древней Греции». Это не удивительно, удивительно то, что она соединяла мифы и реальность в своей жизни. Она много путешествовала и очень часто объясняла реалии нашего мира через мифы. Как-то во время путешествия по Италии в зимнее время друзья повезли ее в горы. И там она неожиданно увидела среди пожухлой листвы и серых стволов деревьев какое-то золотое облако — это было удивительное растение — лиана-омела. Елена Васильевна, знаток истории и мифологии, сразу сопоставила золотое покрывало на дереве и золотую шкуру барана из мифа об аргонавтах.

С 1958 г. в течение 48 лет Елена Васильевна работала на кафедре древних языков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В основном, она вела курс латинского языка и читала спецкурс «Латинская эпиграфика» на своей кафедре и на кафедре классической филологии филологического факультета МГУ. Что касается латинского языка, Елена Васильевна справедливо полагала, что этот курс следует читать по-разному на разных факультетах. На историческом факультете, считала она, задача курса латинского языка — погрузить студента через латинский текст в исторические события и реалии древнего Рима. Удивительно, что, будучи по образованию филологом, она часто подменяла лексико-грамматический анализ латинского текста рассказом о событиях и реалиях, связанных с этим текстом. Этим она зачастую вызывала недоумение у студентов и аспирантов (которые, за немногими исключениями, приходили на кафедру за так им необходимыми лингвистическими знаниями). Метод, которого придерживалась Е.В. Федорова, был хорош только после подробного начального лексико-грамматического анализа текста. А она, обладая многоярусной эрудицией, никак не могла отказаться от немедленного комплексного анализа любого текста, даже достаточно простого.

Что касается курса латинской эпиграфики, то, по мнению большинства слушателей, по крайней мере, филологов, он был точным по типу информации, а тем самым не только полезным, но и интересным.

Многоаспектность, многомерность, многослойность тех знаний, которыми обладала Елена Васильевна, должны были воплотиться в ее «многослойных» работах. К их числу относится ставшая в свое время бестселлером книга «Императорский Рим в лицах» (1979)⁵, посвященная «Светлой памяти Федора Александровича Петровского, тонкого знатока античности и превосходного переводчика».

⁵ Федорова Е.В. Императорский Рим в лицах. М., 2002⁴.

Во введении Елена Васильевна писала: «Тема этой книги — люди императорского Рима, как они выглядели и что собой представляли: римский скульптурный портрет дан в соединении с тем повествовательным материалом, который содержится в произведениях античных писателей и в надписях; таким образом, искусство скульптуры и искусство слова взаимно дополняют друг друга.

Римский скульптурный портрет является в высшей степени ценным психологическим документом мировой истории, так как виртуозная техника ваятеля сочетается в нем с беспощадным реализмом.

Римский портрет, как и античная литература, убеждает нас в том, что античный мир был миром очень энергичных людей с чрезвычайно богатым разнообразием характера и интеллекта, был миром людей, психология которых во многом перекликается с психологией современного человека: у древних римлян были иные социально-экономические условия, иной исторический опыт, но в принципе они были такими же людьми, как и мы»⁶.

Пронесенная через всю жизнь любовь к искусству во всех его внешних проявлениях (архитектура, живопись, скульптура) и идущая с детства «театральность», желание рассказать о нем как можно большему числу людей побудило Елену Васильевну вместе с заведующим кафедрой древних языков профессором А.Ч. Козаржевским создать при историческом факультете аудио-визуальный цикл лекций для студентов. Его охотно посещали преподаватели и студенты других факультетов. Следует сказать, что Елена Васильевна была отличным фотографом и десятки лет ездила по разным городам и странам со своим советским фотоаппаратом ФЭД, не соглашаясь променять его ни на какой другой и делая превосходные слайды и фотографии.

Елена Васильевна не обходила вниманием и свой родной факультет — филологический, охотно читая лекции для слушателей Секции классической филологии, приезжавших тогда в оплаченные командировки со всех концов Советского Союза на курсы повышения квалификации. Вот, например, тема ее лекции в 1997 г. «Памятники античного Рима» или в 1999 г. — «Античные памятники Южной Италии и Сицилии (Акрагант, Пестум, Помпеи)».

⁶ Там же. С. 5.

Последние годы

Уход (а вернее, неожиданное удаление) с кафедры древних языков исторического факультета обескуражил Елену Васильевну очень ненадолго: она придумала, как реализовать свои многолетние и многослойные знания. Елена Васильевна создала свой повествовательный научно-публицистический жанр, рассказывая о самых различных временах и людях. При этом читатели сразу отметили, что последние ее книги — это творчество не дилетанта, а скрупулезного историка, но пишущего не для узкого научного сообщества, а для широкого читателя. Заметим, кстати, что Елена Васильевна обладала великолепным слогом, а особую «изюминку» ее рассказам придавало то, что она могла высказывать свое личное мнение по поводу тех или иных событий и людей.

Очень многие люди в Москве, да и не только, специально собирали книги Е.В. Федоровой.

Дом и гости

Можно по-разному относиться к старшему поколению преподавателей. На филологическом факультете МГУ о них помнят, у них дома часто занимаются студенты, их посещают аспиранты и молодые преподаватели. А о себе Елена Васильевна сказала: «Обо мне не вспомнили ни в 80 лет, ни в 85. Свои юбилеи я отмечала только с родственниками». Жаль, что молодежь не познакомилась с Еленой Васильевной у нее дома. Видимо, молодые люди думали, что найдут неприметную дряхлую старушку в грязной квартире. Но Елена Васильевна принадлежала к типу людей с мало изменяемой с течением времени внешностью и в свои 86 лет выглядела на 60. Гостей же она всегда принимала красиво: стол со старинными тарелками и хрустальными фужерами, дорогое вино, горячая еда (ее Елена Васильевна заказывала даже к приходу одного гостя) и пр. Но главное, жаль, что молодежь не услышала ее мелодичный голос, богатую малоизвестными фактами речь. Жаль, что не услышали ее рассказов об основателе и заведующем кафедрой древних языков исторического факультета МГУ Викторе Сергеевиче Соколове (1889–1967) (правда, есть ее статья о нем, но где?)... Жаль... жаль... жаль...

Начало и конец жизненного пути Елены Васильевны Федоровой удивительным образом совпали с началом и концом ее творческого пути. С детства она хорошо рисовала, а театральный мир отца подсказал ей тему: театральный костюм. Вот как она сама написала

об этом в своей последней книге «В мире театральных костюмов»: «Мой интерес к театральному костюму и познания в этой области объясняются тем, что я происхожу из театральной семьи; я выросла в окружении огромного числа превосходных книг по искусству... Собрание моих рисунков предназначено для зрителя, который серьезно любит театр и воспринимает его как замечательную школу жизни, где значение имеет и внешность персонажей, в том числе и костюм, что в какой-то мере раскрывает характеры людей и смысл разных эпох — от древности до современности»⁷.

О Елене Васильевне вспоминает ее сокурница.

Людмила Павловна Поняева

О Елене Васильевне Федоровой

Зачисленных на 1 курс отделения классической филологии МГУ к началу 1946/1947 учебного года было более 15 человек, поэтому для занятий древнегреческим и латинским языками нас разделили на 2 группы (мы с Леной были в разных группах). Среди студентов 1 курса было несколько фронтовиков — спустя год после окончания войны у них были льготы при поступлении в университет. Эти две группы занимались с разными преподавателями, и только к началу 3-го курса, когда количество студентов (по разным причинам) убавилось, мы стали заниматься одной группой — по-гречески у С.И. Соболевского, по-латыни — у Н.Ф. Дератани.

В учебном плане нашего отделения тогда не было таких необходимых для нашей специализации курсов, как «История античного искусства» (правда, С.И. Радциг после занятий в субботу вечером водил нас в «Музей изобразительных искусств»), не было ни эпиграфики, ни диалектологии, не было много других предметов. Поскольку в те годы было трудно найти работу по специальности, мы все 5 лет обучения в университете подробно изучали русский язык и литературу; лекции нам читали профессора с кафедры русского языка и русской литературы, да и в дипломах у нас было указано, что помимо основной квалификации по классической филологии нам присвоено звание учителя средней школы. Кроме этого существовала обязательная медицинская подготовка, 2 семестра мы слушали лекции профессоров из медицинского института, сдавали экзамены и зачеты (из нас готовили медсестер). Когда мы были на 2-ом курсе, эта специализация была отменена.

⁷ Федорова Е.В. В мире театральных костюмов. М., 2014. С. 6.

«Классики» выпуска 1951 г. на встрече выпускников в 1981 г. Слева направо: Поняева Людмила Павловна, Гололобова Элина Георгиевна, Дугина Галина Васильевна, Гринцер Павел Александрович, Левант Маргарита Львовна, Петерсон Майя Рудольфовна, Зотова Зоя Алексеевна, Федорова Елена Васильевна. Кроме них в группе учились Темчина Наталья Григорьевна, Ткачева Людмила Васильевна, Шестоперова Валентина, Товаровская Елена Борисовна, отсутствующие на фотографии.

Сложности в нашей студенческой жизни создавало и отсутствие больших словарей и необходимых учебных пособий (по истории латинского языка, по греческому языку); приходилось домашние задания выполнять в библиотеках (Ленинской, Исторической; Горьковка пускала в общий зал только дипломников).

На таком фоне проходила студенческая жизнь, особенно на первых курсах. В 50-е годы издательская деятельность по выпуску учебников и словарей оживилась, появились и переводные издания (Шантрен, Нидерман, Эрну).

Лена Федорова всегда была подготовлена к занятиям, ее ответы и сообщения на учебных и семинарских занятиях всегда были глубокими, основательными. Погрузившись в мир латинских надписей, Лена написала о них две книги, подготовила лекционный курс и тем самым закрыла одну из лакун в истории латинского языка.

У нее всегда был интерес к тем странам, где античность оставила свои следы. Этот интерес она утоляла, организуя туристические поездки по этим землям. Свежие впечатления от таких поездок хорошо оживляли ее аудиовизуальный курс, который она много лет с неизменным успехом вела на историческом факультете. Эти же поездки стали первым побудительным мотивом к написанию многих книг, особенно в начале ее писательской деятельности.

Неоценимую помощь в подготовке путешествий и в написании книг Лена получала дома от тех книг, которые в большом количестве всегда окружали ее. Ее отец — Василий Федорович, успешный и известный театральный режиссер, страстный библиофил, собирал книги по искусству всю жизнь. Ее мама, Татьяна Ивановна, в молодые годы тоже увлекалась театром; она всегда поддерживала Лену во всех ее начинаниях, вдохновляла на осуществление новых замыслов. А трудолюбия, упорства в достижении цели, таланта в исполнении самых трудных задач у Лены всегда было достаточно.

Мы всегда будем помнить ее увлекательные рассказы о путешествиях, ее книги и ее замечательные успехи в науке.

15 сентября 2015 г.

* * *

Еще одним приложением хотелось бы дать небольшую статью Е.В. Федоровой «Имеет ли миф об Аргонавтах реальную основу?»⁸

Имеет ли миф об Аргонавтах реальную основу или же представляет собой целиком и полностью художественный вымысел, облеченный в более или менее совершенную литературную форму?

Слово «миф» на протяжении более чем трехтысячелетней истории кардинально изменило свой смысл. В современном мире миф означает нереальность, вымысел, преднамеренную ложь. Для древних греков миф — это «слово», сказание, реальная история, только очень-очень древняя; это память народа о тех временах, когда уже происходили значительные события, но еще не было такого письма, которым можно было бы записать связный текст; это история, которая сохранилась только в форме устного предания, со временем принявшего художественную форму в виде эпоса. Так как давняя история стала материалом для поэзии, открылись широкие возможности для переосмысления предания, для его произволь-

⁸ Опубликовано в: Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 1996. № 6. С. 31-35.

ного или преднамеренного искажения и появления мотивов нерельных, сказочных, фантастических.

Миф об Аргонавтах имеет множество откровенно сказочных мотивов, начиная с самого золотого руна — золотой шерсти барана. Это фантастическое золотое руно охраняет столь же фантастичный вечно бодрствующий дракон. Корабль «Арго» обладает способностью говорить: когда плыли мимо берега Фессалии, «Арго» человеческим голосом провещал, чтобы Геракл сошел на берег, так как слишком тяжел для корабля. На побережье Фракии двое Аргонавтов, сыновья Борея Зет и Калаид, избавили слепого прорицателя Финея от мучивших его крылатых гарпий. Скалы Симплегады, движущиеся в открытом море, навсегда остановились после того, как между ними проплыл «Арго». Ясон в Колхиде сумел запрячь медноногих быков с огнедышащими пастями, которых бог-кузнец Гефест подарил царю Ээту. Ясон засеял поле зубами дракона, а из них выросли воины в полном вооружении. Волшебница Медея продемонстрировала свое искусство перед наивными дочерьми царя Пелия, разрубив на куски барана, сварив их и превратив в ягненка. Царь Коринфа и его дочь Главка сгорели в пламени, которое вспыхнуло от отравленного покрывала, подаренного Медеей. После этого фантастического преступления Медея бежала из Коринфа на колеснице бога Гелиоса, запряженной крылатыми драконами. Таковы основные сказочные элементы мифа об Аргонавтах.

Принципиальное различие между мифом в его древнем понимании и сказкой в теперешнем смысле слова заключается в том, что сказка находится вне времени и пространства. Например, в русских сказках действие происходит «в тридевятиом царстве, в тридевятиом государстве»; когда? — «при царе Горохе». И никому, естественно, не приходит в голову искать на карте оное «тридевятиое царство», равно как и отыскивать в анналах истории «Царя Гороха».

В отличие от сказки греческие мифы о героях, даже щедро украшенные фантастическими мотивами, не пребывают вне времени и пространства. Всегда точно указано, где происходит действие. Более сложный вопрос «когда?» тоже можно решить, так как известно, в каких хронологических соотношениях друг с другом находятся мифологические персонажи, кто старше, кто моложе, кто современники. Результаты археологических раскопок последних ста пятидесяти лет подтвердили наличие исторической основы у мифов о героях — это предметы материальной культуры и остатки построек II тысячелетия до н. э., найденные именно в тех географических пунктах, о каких повествуют мифы. Гомер в VIII в. до н. э. называет Микены «златообильными», и золото найдено Генрихом

Шлиманом не где-нибудь, а именно в Микенах (гробничный круг А XVI в. до н. э.).

Взглянем с этой точки зрения на миф об Аргонавтах. Хотя он и изобилует элементами фантастики, его география вполне реальна. Исследователи давно обратили на это внимание.

Отправным пунктом экспедиции Аргонавтов является город Иолк. Это отнюдь не фантастический город. Он реально существовал в Фессалии и существует до настоящего времени под именем Волос. Его современное население составляет более 70 тыс. человек. Он расположен на берегу залива Пагаситикос и является третьим по величине портом всей Греции и портом Фессалии. Современный Волос возник в XIV в. на месте древнего Иолка, существовавшего во II тысячелетии до н. э. В этой местности были селения уже в IV тысячелетии до н. э. (около деревни Сескло) и в III тысячелетии до н. э. (около деревни Димини). При выезде из современного Волоса в северо-западном направлении в сторону Лариссы с правой стороны между линией железной дороги и руслом реки находятся остатки дворца времени около 1400 г. до н. э., который сгорел при пожаре около 1200 г. до н. э. Таким образом, Иолк — не вымысел, а реальность, оставившая после себя вещественные доказательства: камни дворца можно увидеть и потрогать. Напротив Иолка на полуострове Певкеи находилось селение Нелейя. Археологи обнаружили там погребения микенского времени. Вероятно, это было кладбище Иолка.

Итак, исходный пункт маршрута Аргонавтов абсолютно реален. Столь же реален и весь их маршрут: остров Лемнос, побережье Мисии, Фракии, Вифинии, Колхида — все это реальная география. Обратный маршрут древних Аргонавтов был более сложным: они проплыли мимо земель лигий и кельтов, по Сардинскому морю, мимо Тиррении, побывали на острове Эя, у волшебницы Кирки (Цирцеи), проплыли мимо Скиллы (Сциллы) и Харибды, мимо Тринакрии (Сицилии), побывали на островах Керкире, Анафэ (близ острова Фера) и на Крите; затем миновали остров Эгину и проплыв между Эвбеей и Локридой, прибыли в Иолк. Все плавание заняло четыре месяца — срок вполне возможный, это не два дня и не двести лет, как могло быть в сказке.

В этом перечне ближе всех к фантастике стоит остров Эя, остров волшебницы Цирцеи, которая была родственницей Медеи, сестрой ее отца Ээта, т. е. приходилась Медее тетей, так что естественным было желание племянницы повидаться со своей тетей, волшебницей более могущественной. Но даже и этот мотив имеет реальную географическую основу. Древние авторы неоднократно

называли полуострова островами. На западном побережье Италии почти на полпути между Римом и Неаполем есть полуостров, издали очень похожий на остров, который называется Горой Цирцеи — по-итальянски Монте Чирчео. Известно, что история дольше всего живет в географических названиях. На плоской поверхности этой высокой обрывистой горы, далеко выдающейся в море, сейчас находится городок Сан Феличе Чирчео с населением около 8 тыс. человек. У моря, у основания горы, есть пещеры, где обнаружены следы деятельности первобытного человека в течение очень долгого времени, начиная с эпохи среднего палеолита, продолжавшейся от 130 тыс. до 36 тыс. лет до н. э. Особый интерес представляет пещера Гуаттари, которая около 50 тыс. лет назад была местом магических действий неандертальцев; там сохранились следы ритуала человеческого жертвоприношения. В других пещерах Монте Чирчео обнаружены следы людей верхнего палеолита и мезолита (последний период продолжался от 10 тыс. до 6 тыс. лет до н. э.). Таким образом, эта гора и ее пещеры оставались священным местом очень долгое время. При римлянах, которые обосновались здесь в VI в. до н. э., на вершине горы находилось святилище Цирцеи, а у воды — пещера, носящая ее имя. В народной фантазии Цирцея трансформировалась в Венеру; при раскопках святилища обнаружили надпись на латинском языке — «Цирцее святейшей» — и голову Венеры, представляющую собой реплику знаменитой Афродиты Книдской Праксителя. В образе Цирцеи воплотилась традиция магии, бытовавшая здесь в продолжение десятков тысяч лет.

Что касается Сциллы и Харибды, то давно установлено, что Сцилла — это мыс в Мессинском проливе, глубоко выдающийся в море и очень опасный для мореходов, а Харибда — водоворот, недалеко от Сциллы.

Пятидесятивесельный корабль «Арго» сделан не из птичьих перьев, а из пелионских сосен и дуба в носовой части. Лучшим доказательством его действительного существования служит тот факт, что несколько лет тому назад построили корабль в подражание «Арго», и он совершил плавание по древнему маршруту из Волоса в Потю, продемонстрировав, что ничего невозможного в этом нет. Сейчас этот «Арго» XX века представляет собой один из любопытных музейных экспонатов Грузии.

Таким образом мы видим, что география мифа об Аргонавтах реальна.

Ну, а как обстоит дело с хронологией? Аргонавты принадлежали к поколению, предшествовавшему поколению участников Троянской войны. Ясон — современник Геракла и Тесея. Геракл — со-

временник аркадийца Эвандра, который, согласно сообщению Дионисия Галикарнасского (I, 31, 33), за шестьдесят лет до Троянской войны переселился в Лаций и обосновался на Палатинском холме. В результате раскопок установлено, что Троянская война — это исторический факт, имевший место в середине XIII в. до н. э.; следовательно, Аргонавты и их современники жили в конце XIV — первой трети XIII в. до н. э. (древние считали, что, как правило, за век проходит жизнь трех поколений).

Итак, миф об Аргонавтах не существует вне времени и пространства подобно сказке.

Теперь обратимся к характеру его героев и посмотрим, насколько реально мотивированы их поступки. Кто они такие и зачем поплыли в Колхиду?

Миф может иметь несколько достаточно распространенных версий. Будем придерживаться в основном наиболее объективного и беспристрастного изложения, которое характерно для «Мифологической библиотеки» Аполлодора, афинского грамматика II в. до н. э.

Ясон — потомок царей Фессалии, известной в древности как страна чародейства; согласно одной из мифологических версий, бог врачевания Асклепий родился именно в Фессалии (об этом сообщает Аполлодор — Библ. III, X, 3). В древнем мире магия и врачевание тесно соприкасались друг с другом. Ясон является сыном Эсона, внуком Кретея, основателя Иолка, правнуком Эола, первого царя Фессалии. Узурпатор Пелий отстранил от власти Эсона и, естественно, боялся его сына. Ясон, согласно Гесиоду (Теогония, 40), долгое время жил у кентавра Хирона в пещере лесистого Пелиона и там научился искусству врачевания. В роду Ясона был человек, обладавший даром прорицания (Мелампод, его двоюродный племянник, правнук Кретея). Имя Ясон — «Иасон» — имеет корень глагола «ιαΐσται» — «лечить». Живя в Фессалии около Иолка Ясон занимался земледелием и имел к этому особое расположение (это отмечено Аполлодором — Библ. I, IX, 16).

Таким образом, Ясон предстает перед нами не как могучий и отважный воин, а как мирный человек, сведущий в магии и врачевании, знающий целебные и волшебные свойства растений, на воинственного эпического героя он совсем не похож.

Мысль о том, чтобы снарядить экспедицию в Колхиду, внушил узурпатору Пелию именно Ясон. Пелий спросил у него, как бы он поступил с тем из соплеменников, относительно которого ему было бы предсказано, что тот станет его убийцей (Пелий имел в виду Эсона как мстителя за отца). Ясон, сведущий в магии, разумеется, догадался, о ком идет речь, и ответил, что послал бы его за золотым

руном. Тем самым Ясон сам напросился в участники экспедиции. Следовательно, для Ясона золотое руно — вещь желанная, а Пелий, не сведущий в магии, едва ли представлял себе, что это такое. Главное заключается в том, что золотое руно — это нечто смертоносное, годное для расправы с врагом.

Следует отметить, что поход Аргонавтов был акцией сугубо мирной, это был всего один корабль. Разные авторы называют различное число участников: Пиндар (Пифийская ода, IV) — 11, Аполлоний Родосский (Аргонавтика, I, 200–233) — 55, Аполлодор (Библия, I, IX, 16) — 45. Во всяком случае, одного корабля и даже пятидесяти пяти участников, во главе которых не воин, а врачеватель, недостаточно для достижения военных целей в далекой Колхиде. Это была разовая мирная экспедиция за золотым руном и только.

Что же такое золотое руно? Шкура с золотой бараньей шерстью, висящая на дереве, — явно сказочный образ. Висеть на дереве шкура может, но иметь золотую шерсть — нет.

В качестве самого простого объяснения можно предположить, что золотое руно — это художественный образ золота; правда, совсем непонятно, почему этот драгоценный металл висит на дереве, а не спрятан в сокровищнице. Кроме того, если экспедиция в Колхиду преследовала грабительские цели, то одного корабля и даже пятидесяти пяти участников было явно недостаточно; вспомним, что Пиндар определяет число участников в одиннадцать человек.

Золотое руно — золото, висящее на дереве, — может иметь и другое толкование, при котором и цвет золота, и его пребывание на дереве окажутся вполне естественными. Как золотая россыпь выглядят зимой ягоды и стебли омелы на голых ветвях дерева.

Омела (латинское название *viscum*) — это растение-паразит, которое живет высоко на ветвях деревьев во влажном климате, так как имеет воздушные корни. Многие древние народы Европы приписывали омеле сильнейшие магические и целебные свойства — якобы она уничтожает действие любого яда, помогает при эпилепсии, заживляет раны, способствует плодовитости, а также защищает от пожаров и от всякого колдовства, короче говоря, омела — это универсальное средство от всех бед.

По верованиям древних жителей Скандинавии, омела имеет огромнейшую силу: веткой омелы был убит бог Вальдер. Вспомним, что Ясон предложил Пелию добыть золотое руно именно для гибели врага, но Пелий не понял, что это оружие может быть направлено против него же самого; важно, что золотое руно фигурирует в мифе именно как орудие убийства: после возвращения

экспедиции с золотым руном Пелий погиб. Омеле, этому эффективно растению, поклонялись друиды Галлии; для них не было ничего священнее, чем омела, растущая на дубе. Омелы в Галлии много, но на дубе она растет крайне редко. Поэтому такая омела представляет величайшую ценность. Добыть ее очень трудно. Согласно древнему поверью, только жрец с соблюдением сложных обрядов может срезать ее с дерева, причем непременно золотым серпом. Если сорвать омелу рукой, она потеряет свою силу. При отсутствии золотого серпа омелу надо было камнем сбить с дерева и подхватить на лету, так как считалось, что при соприкосновении с землей она тоже теряет свою магическую силу.

Золотое руно вполне сопоставимо с омелой. Для Ясона, чародея и врачевателя, она представляла огромную ценность, но добыть ее в Греции с ее жарким, засушливым климатом было едва ли возможно; она хорошо растет в густых и сырых лесах Швеции, а также и в жаркой влажной Колхиде. Добраться до лесов Швеции для древнейших обитателей Греции было нереально, добраться же морем до Колхиды реально вполне; кроме того, Колхида богата сочными и разнообразными травами и другими растениями. Обратим внимание на то, что, согласно Аполлодору (I, IX, 16), золотое руно в Колхиде висит именно на дубе, т. е. если под золотым руном подразумевается омела, то это омела наиболее ценная. Отметим также и то, что в носовой части корабля «Арго» был укреплен ствол прорицающего дуба из Додоны, где находился знаменитый оракул Зевса (Аполлодор. Вибл. I, IX, 16), значит, дуб в этой ситуации имеет особое магическое значение. Знаменательно, что золотое руно снял не Ясон, ибо он жрецом не был, руно сняла местная чародейка или жрица, Медея (Аполлодор. Вибл. I, IX, 23). В дальнейшем развитии сюжета на первое место выходит роман Медеи и Ясона. Но если золотое руно — это омела, то Медея была нужна Ясону именно как жрица, знающая, как обращаться с омелой и другими волшебными-целебными растениями. Царь Колхиды Ээт, послав погоню за Аргонавтами, требовал вернуть именно Медею, а не золотое руно (Аполлодор. Вибл. I, IX, 24).

Таким образом, есть основания считать, что поход Аргонавтов был единичной экспедицией за волшебными и целебными растениями в ту страну, которая ими богата. Успех экспедиции обеспечил ей славу в эллинском мире, недаром в «Одиссее» (XII,70) корабль «Арго» имеет эпитет «всем известный» — «Арго пási мѐлюса». И само собой разумеется, что древние греки забыли о роли омелы в мифе об Аргонавтах, так как она у них не росла.

* * *

Ниже публикуется список книг, написанных и опубликованных Е.В. Федоровой.

1. Латинская эпиграфика. М.: МГУ, 1969.
2. Латинские надписи. М.: МГУ, 1976.
3. Императорский Рим в лицах. М.: МГУ, 1979.
4. Введение в латинскую эпиграфику. М.: МГУ, 1982.
5. Знаменитые города Италии. Рим. Флоренция. Венеция. Памятники истории и культуры. М.: МГУ, 1985.
6. Люди императорского Рима. М.: МГУ, 1990.
7. Ранняя латинская письменность. VIII–II вв. до н. э. М.: МГУ, 1991.
8. Императорский Рим в лицах. 2-е изд. Смоленск, 1995.
9. Императорите на Рим. Величие и упадък. София, 1997 (на болгарском языке).
10. Повесть о счастливом человеке. М., 1997.
11. Императорский Рим в лицах. 3-е изд. Ростов-на-Дону, 1998; Смоленск, 1998.
12. Париж. Века и люди от основания города до Эйфелевой башни. М.: МГУ, 2000.
13. Императорский Рим в лицах. 4-е изд. М., 2002.
14. Англия. Тысячелетия и люди от каменного века до башни королевы Виктории. М., 2002.
15. Испания. Века. Люди. Искусство. М., 2002.
16. Мальта. Тысячелетия. Люди. Тайны. М., 2003.
17. Беспокойная жизнь мастера Бенвенуто. Историческая повесть. М., 2003.
18. Люди древнего Египта. М., 2003.
19. Люди прекрасной Франции. Историческая повесть. М., 2003.
20. Малая Азия. Тысячелетия. События. Творения. М., 2004.
21. Путешествие по Узбекистану. М., 2004.
22. Мифы и реальность Древней Греции. М.: МГУ, 2005.
23. Неаполь и его окрестности. Века. Люди. Искусство (в соавт. с М. Лесницкой). М.: МГУ, 2005.
24. Сицилия. Века. Люди. Искусство. М., 2005.
25. Визуально-лекционный курс «Памятники мировой истории и культуры». Перечень диапозитивов и текст к ним. Ч. 1. Греция и Италия. М., 2006.
26. Исторические заметки. М., 2006.

27. Человек в истории Западной Европы. М., 2007.
28. Человек в истории Западной Европы. Ч. 2. Рим — Вечный город. М., 2007.
29. Давние века истории России. М., 2008.
30. Подлинные голоса Древнего Рима. М., 2008.
31. Знаменитые женщины мировой истории. М., 2009.
32. Гибель С.А. Есенина — закономерность или случайность? М., 2010.
33. Милан. Века и люди (Ум и глупость как движущие силы истории). М., 2010.
34. Эпизоды из жизни средневекового Рима. М., 2011.
35. Гибель В.В. Маяковского — закономерность или случайность? М., 2011.
36. Миф о царе Эдипе. М., 2012.
37. Гибель С.А. Есенина — закономерность или случайность? 2-е изд. М., 2012.
38. Гибель А.С. Пушкина — закономерность или случайность? М., 2012.
39. Слово о Владимире Маяковском. М., 2013.
40. Древние тираны, демагоги и олигархи. М., 2013.
41. Пестрые воспоминания. М., 2014.
42. Мальта. Тысячелетия. Люди. Тайны. 2-е изд. М., 2014.
43. Трагедия Вильяма Шекспира «Гамлет». М., 2014.
44. В мире театральных костюмов. Альбом. М., 2014.

О.В. Смыка

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА НАГАЙЦЕВА

25 января 2018 г. скончалась Татьяна Сергеевна Нагайцева, наша коллега с 1961 г. по 1995 г. Ее уход в Татьянин день отзывается болью в сердцах всех, кто ее знал, кто учился у нее или вместе с ней работал.

Таня Ергина — Нагайцева она по мужу — родилась в Загорске 1 ноября 1938 г. Она была единственным ребенком любящих родителей, за которыми и сама преданно ухаживала в нелегкие последние дни их жизни. Девочка получила музыкальное образование, а среднюю школу она окончила с золотой медалью, и вся ее школа гордилась, что эта способная ученица в 1956 г. с первого раза поступила на дневное отделение исторического факультета МГУ.

С 1956 г. по 1961 г. ее студенчество проходило на кафедре истории древнего мира. Любимыми учителями были Елена Борисовна Веселаго и Андрей Чеславович Козаржевский, а любимыми предметами — латынь и древнегреческий.

С марта 1961 г. по октябрь 1971 г. Татьяна Сергеевна работала лаборантом сначала на кафедре истории древнего мира, а затем на кафедре древних языков.

С сентября 1961 г. она начала преподавать латынь, сначала на вечернем отделении юридического факультета, а затем на дневном и вечернем отделениях исторического факультета. С ноября 1971 г. была переведена на должность преподавателя, а с 1991 г. — старшего преподавателя.

С 1992 г. Татьяна Сергеевна по совместительству работала в Юридическом колледже МГУ. В 1994 г. она уволилась из МГУ и перешла на должность учителя латинского языка в школе № 2 в г. Железнодорожный. С 1995 г. по 2015 г., не оставляя работы в школе, Татьяна Сергеевна преподавала латынь в Юридическом колледже (его новое название СИЮ — Специальный институт юриспруденции) в должности старшего преподавателя. С сентября 2005 г. и до конца своей жизни Татьяна Сергеевна Нагайцева — старший преподаватель Высшей школы перевода МГУ.

Татьяна Сергеевна вела и научную работу, она занималась творчеством Ксенофонта Афинского.

Педагогические способности Татьяны Сергеевны были очень незаурядны. Она была внимательна к своим ученикам, тонко понимала их психологию, умела оказывать на них влияние и похвалой, и порицанием и добивалась от них твердых знаний грамматики, осмысленного умения переводить, а изучение афоризмов превращала в увлекательное занятие, которое расширяло их культурный кругозор. И студенты, и школьники заинтересованно занимались у Татьяны Сергеевны, ее уроки были всегда живыми и интересными.

Татьяна Сергеевна была красивым, остроумным и любознательным человеком, любила и знала музыку и сама играла на фортепьяно.

Студенты-истфаковцы, которые учились у нее много лет назад, со скорбью восприняли весть о ее кончине, так же как и все, кто ее знал.

Светлая ей память!

Опубликованные работы Т.С. Нагайцевой:

1. Программа по латинскому языку для юристов // Программы по естественнонаучным и гуманитарным дисциплинам. М.: Юридический колледж МГУ, 1996. С. 268–280.
2. Методические рекомендации по курсу «Латинский язык». М.: Юридический колледж МГУ, 1999. 70 с.
3. Латинский язык для юристов: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2007. 254 с.

Избранная библиография трудов сотрудников кафедры. Составители А.В. Мосолкин и Г.С. Беликов

Аверинцева Наталья Петровна (до 1975 г. — **Зембатова**)

Роман Гелиодора «Эфиопика» и его место в истории жанра // Ан-
тичный роман / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М., 1969. С. 92–106.

«Священный брак» эллинизма и варварства в романе Гелиодора
«Эфиопика» // Типология и взаимосвязи литератур древнего ми-
ра / Отв. ред. П.А. Гринцер. М.: Наука, 1971. С. 267–279.

Два плана в «Эфиопиках» Гелиодора // Античность и современ-
ность: к 80-летию Ф.А. Петровского / Редкол.: М.Е. Грабарь-
Пассек, М.Л. Гаспаров, Т.И. Кузнецова. М.: Наука, 1972.
С. 285–290.

Аникьев Илья Игоревич

Эволюция метафоры зеркала в Каролингскую эпоху // Проблемы
истории и культуры средневекового общества. Т. 31. СПб., 2012.
С. 194–196.

Переписывая житие: построение идеала каролингского епископа //
Проблемы истории и культуры средневекового общества. Мате-
риалы XXXIII Всероссийской конференции студентов, аспиран-
тов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (26–29 ноября 2013
года). Т. 33. СПб.: Свое издательство, 2015. С. 359–362.

«Золотая легенда» Иакова Ворагинского: к публикации перево-
дов // Труды кафедры древних языков исторического факуль-
тета МГУ. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2016.
С. 193–234.

Иаков Ворагинский. Золотая легенда. Т. 1–2. Переводы, вступи-
тельная статья, комментарии. М.: Изд. Францисканцев, 2017 (в
соавторстве с И.В. Кувшинской).

Антонец Екатерина Владимировна

Введение в римскую палеографию. М.: Русский Фонд Содействия
Образованию и Науке, 2009. 400 с.

Латинский язык: учебное пособие. М.: Высшее образование;
Юрайт-Издат, 2009 (в соавторстве с А.И. Солоповым).

- Фрагменты римских грамматиков в Научной библиотеке МГУ // *Ancient Grammar and its Posterior Tradition*. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 20–23 апреля 2005 г.) / Отв. ред. Л.Г. Степанова, В.И. Мажуга. СПб.: Наука, 2005. С. 5–10.
- Средневековые стихотворные грамматики латинского языка и их фрагменты в Научной библиотеке МГУ // *Индоевропейское языкознание и классическая филология — IX*. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2005. С. 17–20.
- Рукописи римских классических авторов в Российской национальной библиотеке // *ВДИ*. 2005. № 3. С. 168–221.
- К вопросу о значении слова *charta* в латинском языке классического периода // *Индоевропейское языкознание и классическая филология — X*. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2006. С. 3–8.
- Manuscripts of Priscian in libraries of Saint-Petersburg and Moscow // Colloque international Priscien*. Lyon, 10–14 octobre 2006. Résumés. Ecole normale supérieure Lettres et sciences humaines. 2006. P. 9–13.
- Principatus medio* (Plin. n. h. XIII 74). К проблеме интерпретации описания производства папируса у Плиния Старшего // *ВДИ*. 2007. 1. С. 9–19 (в соавторстве с А.И. Солоповым).
- К вопросу о синтаксисе латинских количественных числительных больше тысячи // *Индоевропейское языкознание и классическая филология — XI*. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2007. С. 6–10.
- Фрагменты «Грецизма» Эбергарда Бетюнского в Научной библиотеке МГУ // *Монфокоп*. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатики. № 1. М.; СПб., 2007. С. 373–393.
- «Коллекция документов Густава Шмидта» (Фонд № 40). Каталог // Сквайрс Е.Р., Ганина Н.А. Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета. М., 2008. С. 27–128 (в соавторстве с Е.Р. Сквайрс и Н.А. Ганиной).
- Фрагмент рукописи Присциана в «Коллекции документов Густава Шмидта» // Сквайрс Е.Р., Ганина Н.А. Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета. М., 2008. С. 182–191.
- Фрагмент Дигест Юстиниана в «Коллекции документов Густава Шмидта» // Сквайрс Е.Р., Ганина Н.А. Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов

- Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета. М., 2008. С. 243–246.
- Фрагмент латинского перевода «Метеорологии» Аристотеля, выполненного Вильемом из Мёрбеке, в «Коллекции документов Густава Шмидта» // Сквайрс Е.Р., Ганина Н.А. Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета. М., 2008. С. 275–281.
- Фрагмент «Доктринале» Александра из Вильдэ в «Коллекции документов Густава Шмидта» // Сквайрс Е.Р., Ганина Н.А. Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета. М., 2008. С. 312–314.
- Фрагменты рукописей Горация в «Коллекции документов Густава Шмидта» // Сквайрс Е.Р., Ганина Н.А. Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета. М., 2008. С. 315–318.
- Античные авторы о появлении пергамента в греко-римском мире // Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона. Материалы международной научной конференции (Москва, 14–16 мая 2008 г.). М., 2008. С. 7–14.
- Палимпсест в античности: к интерпретации Catull. 22, 1–8 // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2008. С. 6–10.
- Фрагменты латинских литературных текстов в «Коллекции документов Густава Шмидта» (Научная библиотека МГУ) // *Colloquia classica et indogermanica* — IV. Классическая филология и индоевропейское языкознание / Под ред. Н.Н. Казанского. СПб., 2008. (*Acta linguistica Petropolitana*. Труды ИЛИ РАН. Т. IV. Ч. 1) С. 366–414.
- Деревянные диптихи типа грамот Виндоланды и их отражение в римской литературе // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2009. С. 13–20.
- Manuscripts of Priscian in libraries of Saint-Petersburg and Moscow // Priscien. Transmission et refondation de la grammaire. De l'antiquité aux modernes / Éd. Marc Baratin, Bernard Colombat, Louis Holtz (*Studia Artistarum. Études sur la Faculté des arts dans les Universités médiévales*. 21). Turnhout: Brepols, 2009. P. 77–81.

Дигесты Юстиниана в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: к истории рукописи Lat. F.v.П.25 // Западные рукописи и традиция их изучения. СПб.: Российская национальная библиотека, 2009. С. 124–131.

Беликов Григорий Сергеевич

[Рецензия:] *Альберт К.* О понятии философии у Платона / Пер. с немецкого, предисловие и примечания М.Е. Буланенко // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2013. № 2 (46). С. 151–154.

[Рецензия:] *Chernyakhovskaya O.* Sokrates bei Xenophon: Moral — Politik — Religion. Tübingen, 2014 // Аристей. Вестник классической филологии и древней истории. 2017. 15. С. 235–240.

К вопросу об источниках Plut. de gen. socr. 20; 588c–589f // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVIII. Материалы чтений памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2014. С. 32–39.

De Valahfridi Stroh professoris monacensis adventu // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2014. 9. Р. 13–16.

Культ Ахилла Понтарха у Максима Тирского (ор. 9.7) // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2016. С. 66–71.

Белоусов Алексей Владиславович

Ахилл и амазонки на Белом острове // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XI. Материалы чтений памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2007. С. 15–20.

Нереиды и культ Ахилла на Боспоре // Боспорский феномен. СПб., 2007. С. 30–35.

Флавий Филострат в контексте die Schwindelliteratur эпохи Империи: Критика Гомера в диалоге *Ἠρώϊκος* // Классическая филология: Материалы секции XXXVII Международной филологической конференции, 11–15 марта 2008 г. СПб., 2008. С. 11–55.

Почему Протесилай? Героика Филострата и воскресший герой // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XII. Материалы чтений памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2008. С. 18–29.

[Рецензия:] Matthias Dall'Asta. Philosoph, Magier, Scharlatan und Antichrist: Zur Rezeption von Philostrats Vita Apollonii in der Renaissance. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 2008 // Вестник ПСТГУ. Богословие. Философия. 3(27). М., 2009. С. 104–111.

- [Рецензия:] Новая книга о культуре Ахилла в Северном Причерноморье // ВДИ. 2009. 4. С. 221–228.
- Pythagorica-Hermetica: К вопросу об источниках Philostr. Vita Apoll. III. 34 // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIII. Материалы чтений памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2009. С. 61–69.
- «Embeddedness» и «семейное сходство» эллинических религий // XIX ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2009. С. 78–80.
- Ахилл, Палемон, дети Медеи и Лемносское очищение. К вопросу о фессалийском культе Ахилла в Троеде (Philostr. Her. 52.3–54.1) // Новый Гермес. Вестник классической филологии и археологии. 2009. Вып. 3. С. 65–83.
- Культе Солнца у Аполлония Тианского // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 2 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2009. С. 61–69.
- [Рецензия:] Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung / Hrsg. von Joachim Hupe. Rahden/Westf.: Leidorf, 2006. (Internationale Archäologie. Bd. 94) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 2–4. Leiden: Brill, 2009. P. 307–319 (на англ. яз.).
- «Жизнь Аполлония Тианского» и «Героика»: Флавий Филострат в религиозном контексте эпохи Северов / Автореферат канд. дис. М., 2010.
- И.И. Толстой — И.М. Тронскому: Письмо 1943 года (предварительная публикация) // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIV. Материалы чтений памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2010. С. 141–150.
- «Dialexis» Флавия Филострата о природе и законе // XX ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2010. С. 211–215.
- «Любовь к Богу» в контексте истории эллинических героических культов // XX ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2010. С. 248–251.
- «Духовная жертва» и «чистота души» у Аполлония Тианского // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: Сборник трудов в честь В.Ф. Новодрановой. М., 2010. С. 509–513.
- [Рецензия:] Граффити и дипинти боспорской хоры // ВДИ. 2010. 4. С. 166–171.

- Служение женщин в церкви: Исследования / Коллективная монография. Составители: свящ. А. Постернак, С.Н. Баконина, А.В. Белоусов. М., 2011.
- «Вечная» Ольвия: IPE I² 140 // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XV. Материалы чтений памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2011. С. 50–56.
- Предисловие к русскому переводу Textkritik П. Мааса // Аристей. Классическая филология и античная история. 2011. 4. С. 136–138.
- Флавий Филострат в религиозном контексте своего времени: Жизнь Аполлония и Героика. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета, 2012.
- The Most High God and the Fear of Divine. Epigraphical Sources from Europe and Anatolia. Vol. 1. Editura Universitatii Alexandru Ioan Cuza, 2012 (в соавторстве с Iulian Moga и Ștefan Teofil Grosu, на румынском яз.).
- De resurrectione apud Flauium Philostratum // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2012. С. 8–11 (на лат. яз.).
- [Рецензия:] Byzantinische Epigramme auf Fresken und Mosaiken / A. Rhoby. Wien, 2009; Byzantinische Epigramme auf Ikonen und Objekten der Kleinkunst / A. Rhoby. Wien, 2010 // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия, 5(43). 2012. С. 119–121.
- Письмо Кледика из Гермонассы // Древности Боспора. 2012. Т. 16. С. 11–20 (в соавторстве с С.Ю. Сапрыкиным).
- De defixionum tabellis in Olbia Pontica reperitis // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2012. 5. С. 11–20 (на лат. яз.).
- Epigraphica Pontica: Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2011 г. // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2012. 6. С. 206–225.
- Zeul cel Preaînalt și frica de divinitate. Documente epigrafice din Europa și din Anatolia. T. 1. (The Most High God and the Fear of Divine. Epigraphical Sources from Europe and Anatolia. Vol. 1). Editura Universitatii Alexandru Ioan Cuza, 2012 (в соавторстве с Iulian Moga и Ștefan Teofil Grosu).
- Some Aspects of Philostratean Religiosity: Spiritual Sacrifice and Love to God // Angels, Demons and Representations of Afterlife within the Jewish, Pagan and Christian Imagery / I. Moga (Coord.). Editura Universitatii Alexandru Ioan Cuza. Iași, 2013. P. 163–176.
- A Letter of Kledikos from Hermonassa // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2013. 185. S. 153–160 (в соавторстве с С.Ю. Сапрыкиным).

- К Ольвийской надписи IOSPE I (2) 140 // ВДИ. 2013. 2. С. 158–164.
- Romans in the North Black Sea Region: Greco-Roman Bilingualism in Olbia // Exploring the Hospitable Sea Proceedings of the International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 21–23 September 2012, edited by Manolis Manoledakis. Vol. 2498 of British Archaeological Reports. Archeopress. Oxford, 2013. P. 181–186.
- Квири́н // Православная энциклопедия. Т. 32. М., 2013. С. 298–299.
- Два фрагмента свинцовых пластин из Пантикапея // Древности Боспора. 2013. Т. 17. С. 269–276 (в соавторстве с С.Ю. Сапрыкиным и Н.Ф. Федосеевым).
- Epigraphica Pontica: Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2012 г. // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2013. 8. С. 153–170.
- Городище Артезиан в Восточном Крыму. (Его жители и культы) // ВДИ. 2014. 3. С. 134–162 (в соавторстве с С.Ю. Сапрыкиным и Н.И. Винокуровым).
- New Magical Inscription from Panticapaeum's Necropolis // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2014. Bd. 190. S. 145–148 (в соавторстве с Н.Ф. Федосеевым).
- On Some Possible Sources for Philostratus Vita Apollonii 3.34 // Classical Quarterly. 2014. Vol. 64, no. 2. P. 787–792.
- К новому изданию одного ольвийского магического остракона // ΕΛΕΝΕΙΑ. Litterulae chartulaeque ab amicis et discipulis ad Helenam Leonidae f. Ermolaeva pro munere natalicio missae. Письма и открытки ко дню рождения Е.Л. Ермолаевой. Petropoli, 2014. С. 63–67.
- Epigraphica Pontica: Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2013 г. // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2014. 10. С. 163–170.
- К новому изданию двух греческих заклятий с территории Северного Причерноморья // Индоевропейское языковедение и классическая филология-XIX. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 22–24 июня 2015 г. СПб., 2015. С. 54–61.
- Два новых заклятия с ольвийской хоры // Аристей. Вестник классической филологии и древней истории. 2015. 12. С. 170–191 (в соавторстве с М. Дана и Н.И. Николаевым).
- [Рецензия:] Schmitz Th.A., Wiater N. (Eds.). The Struggle for Identity: Greeks and their Past in the First Century BCE. Stuttgart, 2011 // Ancient West and East. 2015. No 14. P. 427.

- [Рецензия:] *Chaniotis A.* (Ed.). *Ritual Dynamics in the Ancient Mediterranean. Agency, Emotion, Gender, Representation.* Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2011 // *Ancient West and East.* 2015. No 14. P. 364–365.
- [Рецензия:] *Cojocararu V., Schuler Chr.* (Hrsgg.). *Die Außenbeziehungen pontischer und kleinasiatischer Städte in hellenistischer und römischer Zeit.* Stuttgart, 2014 // *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории.* 2015. 11. С. 324–328.
- Epigraphica Pontica: Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья.* 2014 г. // *Аристей. Вестник классической филологии и древней истории.* 2015. 12. С. 192–217.
- [Перевод с фр.] Руссе Д. Труды Луи Робера, эллиниста и историка греческой цивилизации // *ВДИ.* 2015. 4. С. 172–181.
- [Перевод с фр.] Робер Л. География и филология, или земля и бумага // *ВДИ.* 2015. 4. С. 182–195.
- Новое defixio из античного некрополя Пантикапея // *ВДИ.* 2016. 1. С. 135–140 (в соавторстве с Н.Ф. Федосеевым).
- A New Defixio From Ancient Panticapaeum's Necropolis // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.* 2016. Vol. 22, no. 1. P. 18–25 (в соавторстве с Н.Ф. Федосеевым).
- Der imaginäre Norden in der literarisch-heroischen Welt des Flavius Philostratus // *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории.* 2016. 13. С. 212–220.
- Deux nouvelles defixionum tabellae du territoire d'Olbia du Pont // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 2016. Bd. 197. S. 167–179 (в соавторстве с М. Дана и Н.И. Николаевым).
- Some Observations on Defixiones From Olbia and Bosphorus // М. Manoledakis (ed.). *The Black Sea, in the Light of New Archaeological Data and Theoretical Approaches. Proceedings of the 2nd International Workshop on the Black Sea in Antiquity held on Thessalonki in 18–20 September 2015.* Oxford, 2016. P. 41–43.
- [Рецензия:] *Ceccarelli P.* *Ancient Greek Letter Writing. A Cultural History (600 BC — 150 BC).* Oxford: Oxford University Press, 2013 // *Journal of Hellenic Studies.* 2015. Vol. 135. P. 201–202.
- Введение в римскую эпиграфику (программа) // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2016. С. 308–314.
- Нуччо Ордине о пользе бесполезного: «ненаучная» рецензия // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2016. С. 9–16.
- [Рецензия:] *Войтенко А.А.* *Египетское монашество в IV в.: Жизнь преп. Антония Великого, Лавсаик, История монахов.* М.:

- ЦЕИ РАН, 2012 // Византийский временник. 2016. Т. 74, № 99. С. 344–346.
- Epigraphica Pontica: Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2015 г. // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2016. 14. С. 246–273.
- «Материальный поворот» в современных исследованиях античной, средневековой и новоевропейской магии // Аристей. Вестник классической филологии и древней истории. 2017. 15. С. 241–273.
- Une nouvelle defixio du territoire d'Olbia du Pont // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2017. Bd. 204. S. 162–165 (в соавторстве с М. Dana).
- Античность на Ломоносовских чтениях исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: кафедра истории древнего мира и кафедра древних языков (апрель 2017, г. Москва) // Вестник древней истории. 2017. Т. 77, № 4. С. 1047–1049 (в соавторстве с Н.В. Бугаевой).
- К новому изданию ольвийского заклятия IGDOP 109 // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXI (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 26–28 июня 2017 г. / Отв. редактор Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2017. С. 48–62.
- Новое греческое заклятие из Никония // Аристей. Вестник классической филологии и древней истории. 2017. 16. С. 55–64.
- Серебряные канфары из слоя пожара 46/ 47 г. времени боспоримской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы международной научной конференции, Севастополь, 10–12 октября 2017 года. Саки, 2017. С. 31–38 (в соавторстве с Н.И. Винокуровым и М.Ю. Трейстером).
- Религия. Во что и как верили древние греки и римляне // Курс «Что такое античность?» (Arzamas: <http://arzamas.academy/materials/1287>).
- Годовикова Лидия Николаевна**
- Николай Дамасский*. История (Фрагменты) // ВДИ. 1960. 4 (перевод).
- Герман Лей*. Очерки по истории средневекового материализма. М., 1962 (перевод латинской части).
- Музыкальная эстетика западноевропейского Средневековья и Возрождения. М., 1966 (перевод фрагментов).
- Сведения о России XVI в. Паоло Кампани // Вестник МГУ. Серия История. 1969. № 6 (перевод).

- «Московское посольство» А. Поссевино // Вестник МГУ. Серия История. 1970. № 5.
- Исторические сочинения Поссевино о России XVI в.: Автореф. канд. дис. М., 1971.
- Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. / Пер., вступ. ст. и комм. Л.Н. Годовиковой. М., 1983.
- Квинт Курций Руф.* Римская история. 2-е изд. М., 1993 (участие в переводе).
- Иностранные писатели XVI в. о русском городе // Русский город: Исследования и материалы. Вып. 8. М., 1986.

Дрбоглав Донат Александрович

- К вопросу о происхождении правой стороны «W» и «U-V» // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М.: Наука, 1974.
- Грамота № 488 // Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1962–1976 годов. М.: Наука, 1978.
- Эпиграфическое значение меча из Московского Кремля (Миф о Гигелине) // СА. 1978. № 2.
- Надгробия иноземцев из Серпухова // СА. 1979. № 4 (в соавторстве с В.В. Шиловым).
- Европейский средневековый меч, найденный в Западной Сибири // ПКНО 1980. Л.: Наука, 1981 (в соавторстве с А.Н. Кирпичниковым).
- Загадки латинских клейм на мечах IX–XIV вв. (Классификация, датировка и чтение надписей). М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Первые результаты поиска «Анонима» Дабелова в Архиве магистрата Тарту // АЕ за 1984 год. М.: Наука, 1986.
- История неоконченного поиска // Встречи с историей. Научно-популярные очерки. М.: Молодая гвардия, 1987.
- Устойчивые сочетания сокращений в клинковых надписях // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1987. № 5 (в соавторстве с Б.А. Макеевым).
- Камни рассказывают... Эпиграфические латинские памятники. XV — первая половина XVII в. (Москва, Серпухов, Астрахань). М.: Изд-во МГУ, 1988.
- К вопросу об античной библиотеке Ивана Грозного // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1991. № 2.
- Учебное пособие по средневековой латыни. М.: Изд-во МГУ, 1993.
- Немецкая берестяная грамота из Новгородских раскопок // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ / Отв. ред. И.С. Чичуров. М.; СПб.: Алетейя, 2000. С. 116–123.
- Грамматика латинского языка. М.: МАКСПресс, 2003.

Функции герундива (к методике преподавания) // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 2 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2009. С. 336–341.

Егоров Александр Сергеевич

К вопросу о локализации потустороннего мира у Эмпедокла // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 2 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2009. С. 72–81.

Эмпедокл на Этне // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2010. 2. С. 15–25.

[Рецензия:] P. Ovidi Nasonis Metamorphoses. Ed. R.J. Tarrant. Oxford: Oxford University Press, 2004. (Scriptorum Classicorum Bibliotheca Oxoniensis) // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2011. 3. С. 154–156.

Живлова Нина Юрьевна (до замужества — Чехонадская)

Святой Гильда и падение Римской Британии / Автореферат канд. дис. М., 2001.

Гильда об узурпации Магна Максима // ВДИ. 2002. 2. С. 33–42.

Гильда Премудрый. О гибели Британии / Пер., вступ. статья Н.Ю. Чехонадской. СПб.: Алетейя, 2003. С. 464.

Святой Гильда и ирландская традиция, или Три возраста Гильды // Атлантика: Записки по исторической поэтике. 2004. Т. 6. С. 192–206.

Галльская табличка из Ларзака: прагматика и жанр // Заговорный текст: генезис и структура. М.: Индрик, 2005. С. 73–92 (в соавторстве с Т.А. Михайловой).

A swan uncarved: Russian and Irish heroes breaking the table etiquette // Parallels between Celtic and Slavic: proceedings of the First International Colloquium of Societas Celto-Slavica held at the University of Ulster. Vol. 1. The Stationery Office Coleraine. Ulster, 2005. P. 201–215.

Молитва в воде в кельтской агиографии // Кельтская церковь. Материалы конференции в МГУ 24 апреля 2006 г. / Под ред. Н.Ю. Чехонадской. М.: «Деловой ритм», 2006. С. 111–129.

О так называемых кратких дифтонгах в древнеирландском языке // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспектах. Материалы V Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию / Под общей ред. В.А. Кочергиной. Сост.: А.М. Белов, В.К. Казарян, Е.В. Панина / Под ред. А.М. Белова, В.К. Казарян. М., 2007. С. 302–315.

- Der Wagen und der Wagenlenker in den irischen Heiligenleben // Akten des 4. Symposiums deutschsprachiger Keltologinnen und Keltologen. Linz 17.-21. Juli 2005 / Hrsg. von H. Birkhan. Wien, 2007. P. 99–109.
- The unheroic biography of Bricriu mac Carbada // Proceedings of the 2nd International Conference on the Ulster Cycle Tales (National University of Ireland at Maynooth, June 2005) / Ed. by R. Ó hUiginn. Maynooth, 2008. P. 232–243.
- Из истории преподавания древнеирландского языка // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 2 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2009. С. 342–366.
- Юридические тексты и саги в ирландской культуре: несколько наблюдений // Проблемы источниковедения. Т. 2. М., 2010. С. 111–126.
- Ирландия (исторический очерк): Античность. Раннее средневековье. Распространение христианства. Церковное устройство. IX–XII вв.; Археология дохристианская // Православная энциклопедия. Т. 26. 2011. С. 531–546, 585–587.
- Трактат о матерях святых Ирландии // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2012. С. 266–382 (в соавторстве с А.Р. Соловьевой).
- Rare and unique names of «non-Indo-European» type and the case of Dallán Forgaill // Yn llawen iawn, yn llawn iaith: Proceedings of the 6th International Colloquium of Societas Celto-Slavica. Vol. 7 of Studia Celto-Slavica. University of Wales Centre for Advanced Welsh and Celtic Studies Aberystwyth, 2015. P. 155–168.
- Генеалогии и раннее историописание в Ирландии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. Древнейшие государства Восточной Европы. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 324–364.
- «А теперь глазки выньми...»: Поэт и король в древней Ирландии // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2014–2016. М.: Индрик, 2016. С. 149–188.

Касьянова Мария Ивановна

- Некоторые замечания о мифе об Айоне и Тифоне в поэме Нонна Панополитанского «Деяния Диониса» // Индоевропейское языкознание и классическая филология — X. Материалы чтений, посвященных памяти Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2006. С. 124–130.

- Миф о Тифоне и Айоне в поэме Нонна Панополитанского «Деяния Диониса» // Вопросы классической филологии. Вып. XIV. Scripta mediterranea. М., 2006. С. 84–89.
- О соотношении сюжета и фабулы в I песни поэмы Нонна Панополитанского «Деяния Диониса» // Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Бюллетень. Вып. 6. М., 2007. С. 72–76.
- Буколические элементы в I–II песнях поэмы Нонна Панополитанского «Деяния Диониса» // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2008, №3. С. 94–103.
- Что такое Аримы? К вопросу о локализации мифа о Тифоне в поэме Нонна Панополитанского «Деяния Диониса» // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XII. Материалы чтений, посвященных памяти Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2008. С. 220–223.
- Кто такие «Трехтелесные Тифоны»? О возможной интерпретации Eur. Herc. 1271–1273 // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2010. 1. С. 53–69.
- Метафора «ткать гимн» в поэме Нонна Панополитанского «Деяния Диониса» // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2012. С. 86–94.

Козаржевский Андрей Чеславович

- Учебник древнегреческого языка М., 1962 (в соавторстве с В.С. Соколовым).
- Учебник латинского языка для нефилологических гуманитарных факультетов университетов. М., 1971 (2-е изд., испр. и доп. — М., 1981).
- Искусство полемики. М., 1972.
- Учебник древнегреческого языка для нефилологических гуманитарных факультетов университетов. М., 1975 (2-е изд., испр. и перераб. — М., 1993; 3-е изд., испр. и доп. — М., 1998).
- Античное ораторское искусство. М., 1980.
- К вопросу о греко-римских традициях в новозаветном каноне // Историчность и актуальность античной культуры. Тбилиси, 1980.
- Мастерство устной речи лектора. М., 1983.
- Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М., 1985.
- Пропаганда памятников культуры на историческом факультете Московского университета // Вестник Московского университета. 1985. № 4.

- Ленинский район — центр истории, культуры, архитектуры // Московский университет. 1987. 1 мая.
- Я вас люблю, столица // Московский университет. 1987. 8 сент.
- Социально-исторические основы топонимики московских культовых сооружений // Вестник Московского университета. 1988. № 4.
- Знаем ли мы столицу? // Московский университет. 1989. 16 янв.
- По улице просвещения (Никольская) // Московский университет. 1989. 27 апр.
- По бывшей Варварке // Московский университет. 1989. 3 нояб.
- А.И. Введенский и обновленческий раскол в Москве // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1989. № 1.
- Ожерелье центральных площадей // Московский университет. 1990. № 9.
- Художественно-историческая ценность интерьеров действующих московских храмов // Вестник Московского университета. 1991. № 1.
- По древнему Остожью // Московский университет. 1991. № 8.
- Как это сказать по-московски? // [Интервью] Московский комсомолец. 1991. 1 авг.
- Учебное пособие по латинскому языку для юридических факультетов университетов. М., 1991.
- Топонимия московских храмов // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1991. № 1.
- Церковно-приходская жизнь в Москве в 1920–30-е гг. // Журнал Московской Патриархии. 1992. № 11–12.
- Храм Ильи Обдыденного в 1920–1930-е годы // Московский журнал. 1992. № 5.
- Заметки о церковно-приходской жизни в 1920–1930-е годы // Журнал Московской патриархии. 1992. № 11–12.
- Улица-музей (Пречистенка) // Московский университет. 1993. № 3.
- Вези меня, извозчик, на Арбат... // Московский университет. 1994. № 7.
- Интервью с А.Ч. Козаржевским // Татьяна день. 1995. № 1.
- Звуковой фон Москвы 20–30-х годов // Московский журнал. 1995. № 10.
- Московский православный месяцеслов. М., 1995.
- Звуки Москвы. Варшава, 1996.
- Воспоминания о храме Христа Спасителя // Московский журнал. 1996. № 1.
- О музыкальной жизни Москвы в 1930–1940-е годы // Московский журнал. 1996. № 5.
- Из воспоминаний об ИФЛИ // Московский журнал. 1997. № 1.

Три серии диапозитивов с брошюрами: Памятники зодчества старой Москвы. М., 1987; Что таят московские дворы. М., 1988; Возрожденные памятники московского зодчества. М., 1990.

Козлова Галина Глебовна

Учебник по латинскому языку. М.: Высшая школа, 1980.

Александр Гваньини. Описание Московии. М.: «Греко-Латинский кабинет», 1997 (перевод и предисловие).

Ксенофонт Эфесский. Эфесские повести / Вступ. ст., перевод с древнегреч. и примеч. Г.Г. Козловой // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ / Отв. ред. И.С. Чичуров. М.; СПб.: Алетейя, 2000. С. 124–144.

LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную культуру. Часть IV. Книга 3. Хрестоматия латинских текстов — комментарии. М.: Флинта; Наука, 2002 (в соавторстве с А.В. Подосиновым и М.С. Касьян).

Самоучитель латинского языка. М.: Флинта, 2003 (2-е изд. 2006; 3-е изд. 2008).

Латинско-русский и русско-латинский словарь. М.: Флинта; Наука, 2004 (в соавторстве с А.В. Подосиновым, А.М. Беловым и А.А. Глуховым).

Корчагин Алексей Олегович

О жертве всеожжения в греческой Библии // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIV. Материалы чтений памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2010. Т. II. С. 76–82.

Вина и жертва повинности в Ветхом Завете // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XV. Материалы чтений памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2011. С. 167–173.

О древнееврейском термине жертвы *minha* и его эквивалентах в Септуагинте // Вестник МГУ. Филология. № 4 (июль-август). М., 2011. С. 102–108.

Бытие 4:3–5 (к вопросу об интерпретации) // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVIII. Материалы чтений памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2014. С. 463–472.

О жертве всеожжения в греческой Библии // Материалы XVII конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М., 2010. С. 392–393.

- О жертве повинности в Ветхом Завете // Материалы XVII конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М., 2011. С. 255–256.
- Переводы из Горация // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2015. 12. С. 143–146.
- Лексика жертвоприношения в Масоретском тексте и в Септуагинте / Автореферат канд. дис. М., 2016.
- О древнееврейском термине קִשְׁרָה в 6-й главе I книги Царств и о его трактовке в Септуагинте // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2016. С. 17–27.
- «Тростник, колеблемый ветром»: к интерпретации Мф. 11:7 и Лк. 7:24 // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXI (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 26–28 июня 2017 г. / Отв. редактор Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2017. С. 411–423.
- Переводы из Горация // Аристей. Вестник классической филологии и древней истории. 2017. 15. С. 128–134.

Крюков Алексей Михайлович

- Античные реминисценции в контексте гомилий Михаила Хониата // ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ: Юбилейный сборник в честь 60-летия проф. Игоря Сергеевича Чичурова. М., 2006. С. 205–217.
- Земные скорби византийской провинции в контексте проповедей Михаила Хониата // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXI Международному конгрессу византинистов. СПб., 2006. С. 110–119.
- Беседа Михаила Хониата об унынии [Предисловие, публикация, перевод и комментарий] // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ / Отв. ред. И.С. Чичуров. М.; СПб.: Алетейя, 2000. С. 213–240.
- Образованный проповедник на провинциальной кафедре: к вопросу об аудитории огласительных поучений Михаила Хониата // Византийский временник. 2008. Т. 67. С. 76–88.
- Византийцы и их соседи в проповедях Михаила Хониата // Причерноморье в Средние века / Под ред. С.П. Карпова. Т. 7. М.; СПб., 2009. С. 33–53.
- Византийцы и русские в сфере искусства проповеди (на примере поучений Михаила Хониата и Серапиона Владимирского) // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXII Международному конгрессу византинистов. М.; СПб., 2011. С. 139–160.

- Проблема литературного стиля в византийской проповеди XII в. // Византийский временник. 2012. Т. 71. С. 102–122.
- Элементы аскетической традиции в византийской проповеди «высокого стиля» конца XII в. // Византийский временник. 2014. Т. 73. С. 108–126.
- К вопросу о рукописной традиции гомилий Михаила Хониата на Крестопоклонную неделю и неделю Ваий // Византийский временник. 2015. Т. 74. С. 127–138.
- Ученая традиция и провинциальные реалии в гомилиях митрополита Афинского Михаила Хониата (1182–1205 гг.) / Автореферат канд. дис. М., 2015.
- Цитата и контекст в поучениях Михаила Хониата // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXIII Международному конгрессу византинистов / Под ред. С.П. Карпова, М.В. Бибилова. СПб., 2016. С. 102–110.

Кувшинская Ирина Владимировна

- Восхождение на гору мудрости. Латинские надписи Сиенского собора // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 2 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2009. С. 103–132.
- Согора Аугеа. Латинские надписи храма Знамения в усадьбе Дубровицы // Ежегодник «Архитектурное наследие». Т. 53. М., 2010. С. 84–91.
- «Сад императорских миссионеров». Материалы по истории латинской школы в Немецкой слободе // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2011. 4. С. 235–251.
- Труды и дни императорской миссии. Католический храм Немецкой слободы на рубеже XVII–XVIII веков // Ежегодник «Архитектурное наследие». Т. 57. М., 2012. С. 125–138.
- Две легенды Иакова Ворогинского. О Рождестве Христовом. О Богоявлении Господнем. [Статья, перевод] // Сборник «Искусствоведение». Государственный Институт искусствоведения МК РФ. М., 2013. Т. 3–4. С. 151–173.
- История Святого Креста: Фрески Пьеро делла Франческа в церкви Святого Франциска в Ареццо. Иаков Ворогинский. Об Обретении Креста Господня. О Воздвижении Креста Господня. [Статья, перевод] // Сборник «Искусствоведение». Государственный Институт искусствоведения МК РФ. М., 2014. Т. 1–2. С. 345–369.
- Корнелий де Бруин. Петровская Москва глазами художника // Сборник «Россия-Нидерланды. Диалог культур в Европейском

- пространстве. Материалы V международного петровского конгресса». СПб.: Европейский дом, 2014. С. 367–377.
- Scotia me genuit... Судьба библиотеки Патрика Гордона // Сборник «Россия-Великобритания. Пять веков культурных связей. Материалы VI международного петровского конгресса». СПб.: Европейский дом, 2015. С. 724–732.
- Святой Эгидий, византиец на Западе. Житие и почитание / Sant'Egidio, un bizantina in Occidente. [Коллективная монография]. Переводы: Житие Святого Эгидия. Книга чудес Святого Эгидия. СПб.: Алетейя, 2015.
- Паломничество Святой Урсулы. История создания легенды и ее отражение в искусстве XIV–XV веков. Иаков Ворагинский. О святой Урсуле. [Статья, перевод] // Сборник «Искусствознание». Государственный Институт искусствознания МК РФ. М., 2016. Т. 1–2. С. 298–315.
- Золотая легенда Иакова Ворагинского. Переводы. О Благовещении Господнем. О Святой Марии Магдалине // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2016. С. 214–234.
- Иаков Ворагинский. Золотая легенда. Т. 1–2. Переводы, вступительная статья, комментарии. М.: Издательство Францисканцев, 2017 (в соавторстве с И.И. Аникьевым).
- Майорова Наталья Геннадьевна** (до замужества — **Фомичёва**)
- Данные традиции о правлении Тулла Гостилия и Анка Марция // Общество и государство в древности и Средние века. М., 1986. С. 35–50.
- Проблема появления gentes minores при Тарквинии Древнем // Из истории древнего мира и средних веков. М., 1987. С. 27–40.
- Социальное развитие Рима в VII — VI вв. до н. э. Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1987.
- Семья в Риме VII — начала VI в. до н. э. // Межвузовский сборник научных статей «Античность Европы». Пермский ун-т, 1992. С. 3–8.
- Социальные структуры царского Рима и проблема появления gentes minores при Тарквинии Старшем // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С. 116–119.
- Фециалы: религия и дипломатия в древнейшем Риме (VII в. до н. э.) // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 97–125.
- Власть трибунов и фециальное право в Риме IV в. до н. э.: к интерпретации Кавдинского эпизода // Древнее право. 1996. № 1. С. 76–79.

- Институт фециалов в раннем Риме // Древнее право. *JVS ANTIQVVM*. 1998. № 1(3). С. 78–81.
- Хроника VII коллоквиума романистов Центрально-Восточной Европы и Италии (Рим, 3–5 декабря 1998 г.) // Древнее право. *JVS ANTIQVVM*. 1999. № 2(5). С. 202–209.
- Римские фециалы: кто они? // Труды кафедры древних языков / Отв. ред. И.С. Чичуров. М.; СПб.: Алетейя, 2000. С. 58–71.
- Розенталь И.С., Соколов В.С.* Учебник латинского языка. Для юридических и иных гуманитарных вузов и факультетов / Изд. подг. Д.В. Дождев, Н.Г. Майорова. М.: Норма, 2006.
- Коллегия фециалов // Жреческие коллегии в раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. М., 2001. С. 142–179.

Макеев Борис Александрович

- Устойчивые сочетания сокращений в клинковых надписях // Вестник МГУ. История. 1987. №5 (в соавторстве с Д.А. Дрбоглавом.)
- Закономерности развития средневековых латинских эпиграфических сокращений IX–XV вв. // Вестник МГУ. История. 1989. №3.
- Готические письма // БРЭ. Т. 7. 2007.
- Каролингский минускул // БРЭ. Т. 12. 2008.

Мосолкин Алексей Владиславович

- Об источниках Полибия в III.22.1 // *Studia historica*. М., 2009. Вып. IX. С. 86–98.
- [Рецензия:] *Fraschetti A.* The Foundation of Rome. Edinburgh University Press, 2005 // *Ancient West and East*. 2009. Vol. VIII. P. 362–363.
- Прекрасный мыс и датировка первого римско-карфагенского договора // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 30–38.
- Эней, Энея, Энос // *Gaudeamus igitur*. Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 286–293.
- Несколько слов к русскому переводу «Александры» Ликофрона // ВДИ. 2011. 1. С. 216–218.
- Эней на Делосе // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2012. С. 76–85.
- Понятие ΑΚΡΙΒΟΣ: вопрос о структуре «греческих анналов» Кв. Фабия Пиктора // *Antiquitas Aeterna*. 2014. Вып. 4. С. 181–194.

Внешняя политика Рима и поиск «троянского наследия» // Пунические войны: история великого противостояния. Военные, дипломатические, идеологические аспекты борьбы между Римом и Карфагеном. СПб., 2016. 143–154.

Tabula Piаса Capitolina: мог ли Стесихор знать о путешествии Энея к берегам Италии? // Эпиграфика и нумизматика. 2015. 19. С. 26–39.

Какого роста был Одиссей? // ΡΕΝΤΕΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре. М.: Алькор Паблишерс, 2016. С. 51–62.

Эней, фригийцы и алойкия (Radt 1999, fr. 373) // ВДИ. 2015. 3. С. 109–123.

Мелинно. Гимн богине РOME (Suppl. Hell. 541) // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2016. 14. С. 231–243 (в соавторстве с Ю.Е. Краснобаевой).

Нагайцева Татьяна Сергеевна

Методические рекомендации по курсу «Латинский язык». М.: Изд-во Юридический колледж МГУ, 1997.

Новосадский Николай Иванович

(См. библиографию его трудов выше в статье А.В. Белоусова.)

Парфенова Елизавета Глебовна

Статьи «Аналитики», «Категории», «Об истолковании», «Органон», «Тошика» в сборнике: Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

Эволюция философских взглядов Аристотеля и относительная хронология его сочинений // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2016. С. 44–65.

Подосинов Александр Васильевич

LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть I. Первый год обучения. 10-е издание. М.: Флинта; Наука, 2008 (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).

LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть III. Третий год обучения. 2-е издание. М.: Флинта; Наука, 2008 (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).

- Морские проливы в античной картине мира: их значение и функции // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2008. С. 361–363.
- О чтении, переводе и издании латинских авторов в средней школе // *Discipuli magistro* / Изд. Н.П. Гринцер, Д.О. Торшилов (*Orientalia et classica XV*). М., 2008. С. 473–481.
- Disciplina Etrusca* и процессии в Риме // Вестник истории, литературы, искусства. Т. VI. М., 2008. С. 53–72.
- Литургическое движение в сакральном пространстве: Об античных истоках восточнохристианской обрядности // Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Индрик, 2009. С. 50–65.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. I. Античные источники. М., 2009. 352 стр.
- Публий Вергилий Марон*. Первая книга «Энеиды» [Латинский текст, русский перевод, введение и комментарий] / Общая редакция. 2-е изд., испр. М.: Импэто, 2009. 104 стр.
- Марк Туллий Цицерон*. Первая речь против Катилины. [Латинский текст, русский перевод, введение, комментарий и приложение] / Общая редакция. М.: Импэто, 2009. 96 стр.
- Сильвий Италик*. Пуника (поэма о Второй Пунической войне). Книга Первая. [Латинский текст, русский перевод, введение и комментарий] / Общая редакция. М.: Импэто, 2009. 88 стр.
- Архетипы восприятия пространства у homo sapiens // Проблемы истории древнего мира и раннего средневековья. Межвузовский сборник. Вып. 1. Алматы, 2009. С. 305–317.
- «Это Иерусалим! Я поставил его среди народов...». О месте Иерусалима на средневековых картах // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2009. С. 11–34.
- Агафемер*. Очерк географии. Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарий // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 2 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2009. С. 167–181.
- Мифы и легенды древнего Рима // Большая хрестоматия легенд и мифов. М.: Астрель: АСТ, 2009. С. 379–423.
- Barbarians and Greeks in the Northern Pontus in the Roman Period: Dio Chrysostom's Account of Olbia, and Archaeology // *Ancient West and East*. 8. Leuven; Paris; Walpole (MA), 2009. P. 147–168.
- Zur Ausrichtung antiker kultischer Umzüge // *Die Landschaft und die Religion*. Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des

- Altertums / Hrsg. von E. Olshausen und V. Sauer. Stuttgart, 2009. S. 240–257 (Geographica Historica, Band 26).
- Латинско–русский и русско–латинский словарь. 4-е изд. М.: Флинта; Наука, 2009 (в соавторстве с А.М. Беловым, А.А. Глуховым и Г.Г. Козловой).
- Время и пространство в архаической картине мира // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы). М.: Кругъ, 2010. С. 362–376.
- LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть V. Грамматика латинского языка. 6-е изд. М.: Флинта; Наука, 2010.
- LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть II. Второй год обучения. 4-е издание. М.: Флинта; Наука, 2010 (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
- Карта и текст: два способа репрезентации географического пространства в античности и средневековье // Древнейшие государства Восточной Европы, 2006 г. Пространство и время в средневековых текстах. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 5–21.
- Как Александр Македонский оказался на Дону? (Пространство пути и пространство карты) // Древнейшие государства Восточной Европы, 2009 г. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М.: Индрик, 2010. С. 264–284.
- Задачи преподавания латинского языка в современной средней школе // Интеллектуальное образование и греко-латинская словесность в России (1995–2010 годы). М.: Лабиринт, 2010. С. 186–197.
- К истории олимпиад по латинскому языку // Сборник материалов российских олимпиад по латинскому языку. СПб.: Нестор-история, 2010. С. 3–5.
- Уроки латыни приобщают школьников к мировой культуре // РИА НОВОСТИ. Аналитика и комментарии. 15.01.2010. URL: http://rian.ru/edu_analysis/20100115/204595532.html.
- De nonnullis locis communibus in barbaris septentrionalibus describendis apud scriptores Latinos // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2010. 1. С. 35–40.
- О семантике латинских этнонимов с суффиксом -ic- // Классика... и не только. Нине Владимировне Брагинской. (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XXXIII). М., 2010. С. 158–172.

- Europa as an island in ancient and medieval geocartography // Proceedings of the 14th International Conference of Historical Geographers. Kyoto 2009. Kyoto University Press. 2010. P. 220–221.
- Путешествие по античной ойкумене: о принципах организации географического описания в «Хорографии» Помпония Мелы // Одиссей: человек в истории. 2009. Путешествие как историко-культурный феномен / Гл. ред. А.О. Чубарьян. 2010. С. 11–23.
- Вновь найденная поздневизантийская карта мира // Византийский временник. 69 (94). М., 2010. С. 230–247.
- Таманский полуостров в античной картографии // Античное наследие Кубани: В 3 т. Т. 1. М., 2010. С. 373–386.
- Возникновение Восточного государства: от полиса к царству // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 19–21 апреля 2011 г. Материалы конференции. М., 2011. С. 224–232.
- Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М.: Индрик, 2011 (в соавторстве с М.В. Скржинской).
- Публий Патавий Стаций*. «Ахиллеида». [Латинский текст, русский перевод, введение и комментарий] / Общая редакция. М.: Импэто, 2011. 118 стр.
- Изучение пространственной картины мира у архаических народов Евразии в свете историко-антропологических идей А.Я. Гуревича // Образы прошлого. Сборник памяти А.Я. Гуревича. СПб., Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 116–132.
- Anonymi Periplus Ponti Euxini (2037) // Die Fragmente der Griechischen Historiker continued Part V. Editor in Chief: H.-J. Gehrke. Brill, 2011. Brill Online. Harvard University. 28 August 2011 (URL: http://www.brillonline.nl/subscriber/entry?entry=jcv_a2037).
- Le royaume du Bosphore Cimmérien aux époques grecque et romaine: Un aperçu // Études pontiques. Histoire, historiographie et sites archéologiques du bassin de la mer Noire / Éd. par Pascal Burgunder (Études de lettres. 2901–2). Lausanne, 2012. P. 87–109.
- Bithynia, Paphlagonia and Pontus on the Tabula Peutingeriana // The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity: Aspects of archaeology and ancient history / Ed. G.R. Tsetschladze. (British Archaeological Reports, International Series 2432). Oxford, 2012. P. 203–206.

- Гекатей Абдерский*. «О гипербореях». Введение, древнегреческий и латинский текст фрагментов // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2012. С. 146–185.
- Oben und unten. Begriffe der Raumorientierung in antiken Texten // Vermessung der Oikumene — Mapping the Oecumene / Hrsg. von K. Geus und M. Rathmann. Berlin: Walter de Gruyter, 2012. S. 5–23.
- Сведения Диона Хрисостома о варваризации Ольвии в I в. н. э. и данные археологии и эпиграфики // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2012. 6. С. 157–187.
- Роман о гипербореях Гекатея Абдерского (проблемы интерпретации) // ВДИ. 2013. 1. С. 116–129.
- Imagines mundi: античность и средневековье. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013 (в соавторстве с Т.Н. Джаксон и И.Г. Коноваловой). 422 с.
- Das Schwarze Meer in der geokartographischen Tradition der Antike und des frühen Mittelalters. IV. Odysseus im Schwarzen Meer? Okeanische Fahrten der griechischen Helden und archaisches Weltbild der Griechen // Ancient West and East. 12. Leuven; Paris; Walpole (MA), 2013. S. 205–236.
- Валерий Флакк*. Аргонавтика. Книга Первая. [Латинский текст, русский перевод, введение и комментарий] / Общая редакция. М.: Импэто, 2013. 104 с.
- Античные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. С. 23–72.
- Странствования Ио в «Прометее Прикованном» Эсхила и архаическая картина мира греков // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2013. 7. С. 20–45.
- Топонимия на перекрестке культур: древнескандинавское название Азовского моря и устная традиция // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 2011 г.: Устная традиция в письменном тексте. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. С. 165–191.
- География и географические знания в античном романе (некоторые наблюдения) // Вторые и третьи Аверинцевские чтения. К 75-летию со дня рождения академика С.С. Аверинцева / Под ред. О.В. Раевской. М.: Изд-во МГУ, 2013. С. 200–222.
- The Indians in Northern Europe? On the Ancient Roman Notion of the Configuration of Eurasia // The Periphery of the Classical World in Ancient Geography and Cartography / Ed. by Alexander

V. Podossinov. Leuven; Paris; Walpole, Ma, 2014 (Colloquia antiqua 12). P. 133–145.

Плавание по Северному океану в античности: миф, утопия, реальность // ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти Аркадия Анатольевича Молчанова (1947–2010). М., 2014. С. 83–98.

Образование Восточного царства в свете теории протоэллинизма // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 г. Проблемы эллинизма и образования Восточного царства / Отв. ред. тома А.В. Подосинов и О.Л. Габелко. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. С. 123–140.

Миграции народов в «Космографии» Равеннского Анонима // XXVII конференция «Славяне и их соседи», посвященная памяти В.Д. Королюка: Рассказы о путешествиях, паломничествах, миграциях в источниках Средних веков и раннего Нового времени. М., 2014. С. 66–70.

Был ли Овидий в ссылке? // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2014. 9. С. 263–268.

Понятие «Скифия» от Эсхила до Блока: геополитические, географические, этические коннотации // Antiquitas Aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. 4. Нижний Новгород, 2014. С. 335–360.

Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи. М.: Языки славянских культур, 2015. 200 с.

AnPPE: Translation; commentary in progress // Colloque international: «La mer Noire (4e-7e siècles apr. J.-C.): la fin du monde antique, début d'un ordre nouveau?» / Ed. H.-J. Gehrke, A. Dan, A. Podossinov. Preprint. Paris, 2015. P. 416–443.

Verbindung zwischen dem Schwarzen Meer und der Adriatik durch Ozean und/oder Donau im Weltbild der archaischen Griechen // The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th Century BC — 10th Century AD). Proceedings of the Fifth International Congress on Black Sea Antiquities (Belgrade — 17–21 September 2013) / Ed. by G.R. Tsetskhladze, A. Avram, J. Hargrave (BAR International Series). Oxford, Archaeopress, 2015. P. 125–130.

География Скифии в античной литературе от Эсхила до Оросия // Скифия: Образ и историко-культурное наследие. Материалы конференции 26–28 октября 2015 года / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2015. С. 84–89.

Овидий в поэзии Манделштама и Бродского: Парадоксы рецепции // Музы у зеркала. Античные мотивы в русской литературе / Отв. ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Новый хронограф, 2015. С. 515–540.

- Wissenschaftliche Reisen in der Antike // Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens. Internationales interdisziplinäres Alexander-von-Humboldt-Kolleg in St. Petersburg 16.-19. April 2013 / Hrsg. von Larissa Polubojarinova, Marion Kobelt-Groch und Olga Kulischkina. Kiel: Solivagus, 2015. S. 170–179.
- Place names as markers of cultural interaction: From the Greek *Μαϊώτις* to the Old Norse *Ellipaltar* through Gothic mediation // *Byzantinoslavica. Revue internationale des études byzantines*. LXXX. 1-2. Praha. Prague: Slovanský ústav AV ČR, 2015. P. 75–89 (в соавторстве с Т.Н. Джаксон).
- Reisen im Nordozean in der antiken Dichtung, Wissenschaft und Novellistik // *Orbis terrarum. Zeitschrift für historische Geographie der Alten Welt*. 13. 2015. S. 215–226.
- Тит Кальпурний Сикл.* Буколики [Латинский текст, русский перевод, введение и комментарий] / Общая редакция. М.: Импэто, 2016. 105 стр.
- Karte und Text: zwei Wege der Repräsentation des geographischen Raums in der Antike und im frühen Mittelalter // *La letra y la carta: descripción verbal y representación gráfica en los diseños terrestres grecolatinos. Estudios en honor de Pietro Janni* / Ed. Francisco J. González Ponce, Francisco Javier Gómez Espeloshín, Antonio L. Chávez Reino. Sevilla: Editorial Universidad de Sevilla; Madrid: Servicio de publicaciones de la Universidad de Alcalá, 2016. P. 3–32 (Monografías de GANHA 1).
- К вопросу о преемственности этногеографических представлений в топонимии Северного Причерноморья // *Стародавнє Причорномор'я*. Вип. XI. Одеса, 2016. С. 174–180 (в соавторстве с Т.Н. Джаксон).
- К внешнему облику скифов в Афинах и в Северном Причерноморье // *Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ*. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2016. С. 28–43.
- К вопросу о времени создания «Певтингеровой карты» // *ВДИ*. 2016. 4. С. 938–955.
- Рипейские горы в античной и средневековой геокартографии // *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории*. 2016. 14. С. 53–160 (в соавторстве с А.О. Денисовым).
- Острова в Балтийском море в античной литературе от Гомера до Иордана // *Историческая география*. 3. 2016. С. 187–214.
- Скифия в историко-географической традиции Античности и Средних веков. М.: Аквилон, 2016 (в соавторстве с Т.Н. Джаксон и И.Г. Коноваловой).

Помпониус Мела. Хорография / Под общей редакцией А.В. Подосинова. М., Университет Дм. Пожарского, 2017 (Античная библиотека. Латинская серия. Т. II).

Северная Евразия в античной и раннесредневековой картографии // *Т.Н. Джексон, И.Г. Коновалова, А.В. Подосинов, А.А. Фролов*. Северная Евразия в картографии античности и средних веков. М.: Аквилон, 2017. С. 13–218.

Приходько Елена Владимировна

Оракулы в раннеклассической греческой литературе // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 191–197.

Лексика словесной мантики (VIII–IV вв. до н. э.) / Автореферат канд. дис. М., 1994.

Оракул: кто это? или что это? // Классическая филология на современном этапе. М., 1996. С. 109–119.

Μαντεία: от «божественного знания» до «человеческой интуиции» // Античность и средневековье Европы. Пермь, 1996. С. 12–22.

Феофраст. О камнях / Пер. с древнегреческого Е.В. Приходько // Античность и средневековье Европы. Пермь, 1996. С. 231–245.

Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 592 с.

Орре А. Расщелина в Дельфах / Пер. с англ. Е.В. Приходько // Е.В. Приходько. Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 433–479.

Холленд Л. Мантический механизм в Дельфах / Пер. с англ. Е.В. Приходько // Е.В. Приходько. Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 480–502.

Фонтенроуз Дж. Мантическое заседание // Дж. Фонтенроуз. Дельфийский оракул: его изречения и систематизация каталога ответов. Гл. 7. / Пер. с англ. Е.В. Приходько // Е.В. Приходько. Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 503–558.

Аргайл А. Χρησιμολογὸς καὶ μάντις / Пер. с англ. Е.В. Приходько // Е.В. Приходько. Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 559–560.

Бельмастые пророчества // Р.Б. Онианс. На коленях богов. М., 1999. С. 5–10 (в соавторстве с Л.В. Сумм).

- Расщелина в Дельфах: правда и вымысел // Труды кафедры древних языков / Отв. ред. И.С. Чичуров. М.; СПб.: Алетейя, 2000. С. 33–45.
- Мантика (искусство прорицания Древней Греции). Программа спецкурса // Труды кафедры древних языков / Отв. ред. И.С. Чичуров. М.; СПб.: Алетейя, 2000. С. 315–319.
- Была ли Пифия безумной? // ΣΤΡΩΜΑΤΕΙΣ. Вопросы классической филологии. Вып. XII. Сборник статей в честь Азы Алибековны Тахо-Годи. М., 2002. С. 124–140.
- Дельфийский оракул: приподнимаю завесу тайны / Контригра. Ноябрь 2002. С. 74–77.
- «Приветствуй дар, посылаемый богом!», или о неписанных законах дельфийского благочестия // ΣΤΕΦΑΝΟΣ. Сборник научных трудов. М., 2005. С. 345–359.
- «Ведаю я песчинок число...», или Жизнеописание одного оракула // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 2 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2009. С. 24–71.
- Алфавитный оракул из Олимпа: очерк истории изучения. // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2012. С. 12–75.
- Оракул Зевса в Олимпии по свидетельствам современников // Олимпийские игры в политике и культуре: сборник статей участников ежегодной межвузовской научной конференции «Восток и Запад: приоритеты эпох». Москва, РУДН, 19 апреля 2013 г. М., 2013. С. 10–45.
- Идебесс — древний город, затерянный в ликийских горах // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2013. 8. С. 121–152.
- Что такое «алфавитный оракул»? // *Lanterna nostra*. К юбилею профессора Ии Леонидовны Маяк. СПб.: Алетейя, 2014. С. 91–101.
- Новый поворот в судьбе оракула по астрагалам из деревни Йарыкёй // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2014. 9. С. 58–95.
- Гёкташ Калеси — сторожевой пост ликийских пиратов // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2014. 9. С. 163–184.
- Адады — древний город центральной Писидии. Часть I // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2014. 10. С. 181–219.
- Адады — древний город центральной Писидии. Часть II // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2015. 11. С. 233–292.

- Скальное святилище с алфавитным оракулом на земле Кибирь // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2015. 12. С. 218–279.
- Август Шёнборн в поисках забытых городов Малой Азии // Путь интеллектуала в науке и творчестве. Литературный институт им. А.М. Горького. Кафедра общественных наук и кафедра зарубежной литературы. 26 марта 2015 // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2015. № 1. С. 120–122.
- Оракул по пяти астрагалам из города Адады в Писидии // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2016. С. 72–166.
- Сура — ликийское поселение с оракулом по рыбам. Часть 1. Миры и Сура: история и руины // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2016. 13. С. 127–192.
- Сура — ликийское поселение с оракулом по рыбам. Часть 2. Из Мир в Суру: путешественники и ученые // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2016. 14. С. 274–343.
- Об одном не учтенном словарями значении слова $\delta\acute{\iota}\nu\eta$ // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXI (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 26–28 июня 2017 г. / Отв. редактор Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2017. С. 698–713.
- Что побудило Артемидора создать глагол $\delta\nu\acute{\alpha}\zeta\omega$? // Проблемы ближней и дальней реконструкции. Материалы IX Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Олега Сергеевича Широкова (1927–1997) / Под ред. В.К. Казаряна. М.: МЦНМО, 2017. С. 308–317.
- Поэзия скальных святилищ Писидии и Кибиратиды // Литература и культура эллинизма. Сборник статей по материалам конференции памяти В.П. Завьяловой (Москва, 14–15 ноября 2016 года). М.: Изд-во Московского университета, 2017. С. 58–71.
- Сура — ликийское поселение с оракулом по рыбам. Часть 3. Процедура вопрошения: вещей дух и служители // Аристей. Вестник классической филологии и древней истории. 2017. 16. С. 120–179.

Смыка Ольга Викторовна

- О композиции «Аргонавтики» Аполлония Родосского // Вопросы классической филологии. Вып. 3–4. М.: Изд-во МГУ. 1971. С. 344–364.

- Некоторые замечания об источниках «Аргонавтики» Аполлония Родосского // Вопросы классической филологии. Вып. 5. М.: Изд-во МГУ. 1973. С. 108–123.
- Замечания о каталоге в «Аргонавтике» // Вопросы классической филологии. Вып. 6. М.: Изд-во МГУ. 1975. С. 105–114.
- Дионисий Галикарнасский*. Письмо к Помпею. [Перевод с древнегреческого] // Античные риторика. М.: Изд-во МГУ. 1978. С. 222–233.
- Менандр*. Фрагменты. [Перевод с древнегреческого] // Менандр. Комедии. Фрагменты. М.: Наука, 1978. С. 271–272, 288–350.
- Эпитеты Зевса в «Аргонавтике» Аполлония Родосского // Образ и слово. М.: Изд-во МГУ. 1980. С. 58–68.
- Намаццан*. Возвращение на родину. [Перевод с латинского] // Поздняя латинская поэзия. М.: Художественная литература, 1982. С. 283–302.
- Греческая мелика: земледельческие обрядовые песни (1,4,5), походная песнь, застольные песни (1–27), гимны богам: Дионису (1,2,4), Мойрам, Матери богов, Пану, всем богам, Артемиде, другим богам (6); из других хорových жанров (1–3), любовная лирика (1). [перевод с древнегреческого] // Древнегреческая мелика. М.: Книга, 1988. С. 391, 393, 394, 396–406, 411–414, 422–425, 427–428, 431–432, 436–439, 441–442.
- Орфические гимны. Прокл, Гимны. Синезий, Гимны (1, 4, 5) [Перевод с древнегреческого] // Античные гимны. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 174–267, 271–279, 283–293.
- Арриан*. Индия [Перевод с древнегреческого] // История и культура древней Индии. М.: Восточная литература, 1990. С. 270–290.
- Софокл*. Фрагменты 50, 54, 55, 159, 265, 284, 352. [Перевод с древнегреческого] // *Софокл*. Драмы. М.: Наука, 1990. С. 386, 390, 391, 401, 412, 413, 423.
- Дион Хрисостом*. Речи 21, 51, 53, 55 [Перевод с древнегреческого] // Античность в контексте современности. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 174–191.
- Прокл*. Гимны. [Перевод с древнегреческого] // *Прокл*. Первоосновы теологии. М.: Изд. Группа «Прогресс», 1993.
- Эринна*. Прялка; *Каллимах*. Причины, фр. 1; О городах Сицилии, фр. 43; Могила Симонида, фр. 64; Аконтий и Кидиппа, фр. 67–74; фр. 178; Ямбы, фр. 191, 229; Гекала, фр. 384. Земледельческие обрядовые песни (1,4,5), походная песнь, застольные песни (1–27), гимны богам: Дионису (1,2,4), Мойрам, Матери богов, Пану, всем богам, Артемиде, из других хорových жанров (1,2,3) [Перевод с древнегреческого] // Эллинские поэты VII–III вв. до н. э. Эпос.

Элегия. Ямбы. Мелика. / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Ладомир, 1999. С. 206–207, 210–211, 292–294, 295–296, 298–301, 391, 400–401, 401–405, 405–407, 409–411, 413–414.

Мануил Фил. Поэтические произведения. [Вступительная статья и перевод с древнегреческого стихотворений по изданию Э. Миллера: II,397; II,198; II,399; II,279; II,278; II,400; I,226; I,376; II,400–405; I,213] // Труды кафедры древних языков / Отв. ред. И.С. Чичуров. М.: СПб.: Алетей, 2000, С. 241–255.

Manuel Philes as poeta doctus // XXe Congrès International des Études Byzantines, Collège de France — Sorbonne, 19–25 Août 2001. Pre-Actes. V. III. Communications Libres. Paris, 2001. P. 47.

Арриан. Индия. [Перевод с древнегреческого] // История Древнего Востока. Тексты и документы: учебное пособие / Под ред. В.И. Кузицина. М.: Высшая школа, 2002. С. 462–471.

Сонник Мага Астрампсиха. [Перевод с древнегреческого] // Сборник филологического факультета МГУ, Vtriusque Linguae Grammaticorum Academiae Moscouiensis Elisabetanae Lomonosouiana Stationis Socii et Alumni. М., 2009. URL: <http://www.philol.msu.ru/~classic/doc/sbornik--a-a-tachogodi.pdf>, С. 298–302.

Мануил Фил. Стихи на разные темы. [Перевод с древнегреческого] «Гимны стихиям, или подражание Писиде», «Четыре эпитафии Андронику II», «О свойствах животных», «Переложение третьего псалма Давида» и других стихотворений по изданию Э. Миллера: II, 397–398, I,33; I,33(2), I,37; II,260–279 // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 2 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2009. С. 251–263.

Мануил Фил. Славословие императору. [Вступительная статья и перевод с древнегреческого] // Вопросы классической филологии. Вып. XV. ΝΥΜΦΩΝ ΑΝΤΡΩΝ. Сборник статей в честь А.А. Тахо-Годи. Серия: Вопросы классической филологии. М.: Никея. Т. 15. С. 547–555.

Мануил Фил. О растениях. Роза. [Перевод с древнегреческого и комментарий] // *Orientalia et classica*. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XXXIII. Классика... и не только. Нине Владимировне Брагинской. М.: Из-во РГГУ, 2011. С. 458–461.

Мануил Фил. Человек, разговаривающий с Душой. [Вступительная статья и перевод с древнегреческого] // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2012. С. 256–265.

Из Хроники Константина Манассии. [Вступительная статья и перевод с древнегреческого] // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2012. С. 228–246.

Квинт Смирнский. После Гомера. Погребальные игры в честь Ахилла (IV песнь, 61–595). [Перевод с древнегреческого] // Олимпийские игры в политике и культуре: сборник статей участников ежегодной межвузовской научной конференции «Восток и Запад: приоритеты эпох». Москва, РУДН, 19 апреля 2013 г. М.: Российский университет дружбы народов. 2013. С. 170–187.

Клавдий Рутимий Намациан. Возвращение на родину. [Перевод с латинского] // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2014. № 3. С. 150–165.

Филострат Старший. Картины. 6. Аррихион. [Перевод с древнегреческого] // Традиции античного олимпизма в мировой культуре: от древности до наших дней. М.: Изд-во Литературного института имени А.М. Горького, 2015. С. 265–266.

Мануил Фил. Из поэмы «О свойствах животных» (I, 80 ст.) «Об орлах». [Перевод с древнегреческого] // *Arts docendi*. Искусство научить. К 90-летию латиниста Н.А. Федорова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 218–224.

«Музы» Алексея Комнина [Вступительная статья и перевод с древнегреческого] // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2016. С. 235–253.

Константин Манасси. Жизнь Оппиана. [Вступительная статья и перевод с древнегреческого] // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2016. С. 254–260.

Византийский поэт Мануил Фил. Из стихов о животных, адресованных императору Михаилу IX Палеологу. [Вступительная статья и перевод с древнегреческого] // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2016. С. 261–275.

Соколов Виктор Сергеевич

(См. библиографию его трудов выше в публикации А.О. Корчагина.)

Ткаченко Наталья Георгиевна

- Вместо Палестины — Ливония // Вестник МГУ. Серия 8: История. М.: Изд-во МГУ. 2. 59–77 (в соавторстве с М.Н. Бойцовым).
- Папство как вдохновитель усиления и расширения агрессивной деятельности Тевтонского Ордена // Вестник МГУ. Серия 8. История, № 6. 1984. С. 25–33 (в соавторстве с А.Н. Масан).
- Трактат «О безмятежности духа» Луция Аннея Сенеки / Вступительная статья и перевод Н.Г. Ткаченко // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ / Отв. ред. И.С. Чичуров. М.; СПб.: Алетейя, 2000. С. 162–200.
- Комментарии к трактату Сенеки «О безмятежности духа» // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 2 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2009. С. 209–242.

Федорова Елена Васильевна

- Латинская эпитафия. М.: Изд-во МГУ, 1969.
- Латинские надписи. М.: Изд-во МГУ, 1976.
- Императорский Рим в лицах. М.: Изд-во МГУ, 1979.
- Введение в латинскую эпитафику. М.: Изд-во МГУ, 1982.
- Знаменитые города Италии. Рим. Флоренция. Венеция. М.: Изд-во МГУ, 1985.
- Люди императорского Рима. М.: Изд-во МГУ, 1990.
- Ранняя латинская письменность XVII–II вв. до н. э. М.: Изд-во МГУ, 1991.
- Повесть о счастливом человеке: [О режиссёре В.Ф. Фёдорове]. М.: Ключ, 1997.
- Париж. Века и люди от основания города до Эйфелевой башни. М.: Изд-во МГУ, 2000.
- Англия. Тысячелетия и люди от каменного века до башни королевы Виктории. — М.: Новый ключ, 2002.
- Испания. Века. Люди. Искусство. М.: Новый ключ, 2002.
- Мальта. Тысячелетия. Люди. Тайны. М.: Новый ключ, 2003.
- Беспокойная жизнь мастера Бенвенуто. Историческая повесть. М.: Новый ключ, 2003.
- Люди Древнего Египта. М.: Новый ключ, 2003.
- Люди прекрасной Франции. М.: Изд-во МГУ, 2003.
- Малая Азия: Тысячелетия. События. Творения. М.: Новый ключ, 2004.
- Путешествие по Узбекистану. М.: Новый ключ, 2004.
- Мифы и реальность Древней Греции. М.: Изд-во МГУ; Наука, 2005.
- Неаполь и его окрестности. Века. Люди. Искусство. М.: Изд-во МГУ; Наука, 2005. (В соавторстве с М.М. Лесницкой).

- Сицилия. Века. Люди. Искусство. М.: Новый ключ, 2005.
- Визуально-лекционный курс «Памятники мировой истории и культуры». Перечень диапозитивов и текст к ним. Часть первая. Греция и Италия. М.: Новый ключ, 2006.
- Исторические заметки. М.: Новый ключ, 2006.
- Человек в истории Западной Европы. М.: Новый ключ, 2007.
- Человек в истории Западной Европы. Часть вторая. Рим — Вечный город. М.: Новый ключ, 2007.
- Давние века истории России. М.: Новый ключ, 2008.
- Подлинные голоса Древнего Рима. М.: Новый ключ, 2008.
- Знаменитые женщины мировой истории. М.: Новый ключ, 2009.
- Гибель С.А. Есенина — закономерность или случайность? М.: Новый ключ, 2010.
- Милан. Века и люди (Ум и глупость как движущие силы истории). М.: Новый ключ, 2010.
- Эпизоды из жизни средневекового Рима. М.: Новый ключ, 2011.
- Гибель В.В. Маяковского — закономерность или случайность? М.: Новый ключ, 2011.

Финогентова Елена Викторовна

- Лоренцо Валла.* История деяний Фердинанда, короля Арагона. [Вступительная статья, перевод и комментарий] // Средние века. Вып. 59. М., 1997. С. 253–267.
- Гуманистические идеи Антонио Беккаделли в его сочинении «Изречения и деяния неаполитанского короля Альфонса Арагонского» // Культура Возрождения и власть. М., 1999. С. 27–37.
- Бартоломео Фацио об исключительных свойствах человеческой природы // Человек в культуре Возрождения. М., 2002. С. 45–55.
- Тит Ливий и Лоренцо Валла: два Тарквиния. Проблема исторического мифа // Миф в культуре Возрождения. М., 2003. С. 67–72.
- Лоренцо Валла.* Исторические рассуждения. [Вступительная статья, перевод и комментарий] // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 233–241.
- Лоренцо Валла.* Письмо о Тарквиниях. Два Тарквиния, Луций и Аррунт — сыновья или внуки Тарквиния Древнего. [Вступительная статья, перевод и комментарий] // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 241–253.
- Художественное восприятие в идеологии итальянского гуманизма. Петрарка. Валла. Альберти // Франческо Петрарка и европейская культура. М., 2007. С. 119–128.

Спор о языке истории между Лоренцо Валлой и Бартоломео Фацио // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 2 // Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2009. С. 89–102.

Чичуров Игорь Сергеевич

Хронография Феофана и ранневизантийская историографическая традиция IV–VIII вв. М., 1976.

Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, перевод, комментарий / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М.: Наука, 1980.

Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV — нач. IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1983. С. 5–146.

Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М.: Наука, 1991.

Die byzantinische Ausstrahlung nach Rußland und ihre Akzeptanz: Sinn und Charakter des byzantinischen Einflusses auf das altrussische Geistesleben // Byzanz und seine Nachbarn / Hrsg. von A. Hohlweg. München, 1996. S. 263–275.

Схизма 1054 г. и антилатинская полемика в Киеве (середина XI — начало XII в.) // *Russia Mediaevalis*. 1997. Bd. 9. S. 43–53.

Ein antilateinischer Traktat des Kiever Metropoliten Ephraim im Codex Vaticanus Graecus 828 // *Fontes Minores*. Bd. 10. Frankfurt am Main, 1998 [1999]. S. 319–356.

Епископ Порфирий (Успенский) как византинист // Богословские труды. № 35: К 150-летию Русской Духовной миссии в Иерусалиме (1847–1997). М., 1999. С. 205–208.

Vaticanus graecus 840 и современная проблематика формирования христианской государственной идеологии средневековья: («Княжеские зеркала» в Византии и на Руси) // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем: Христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. Сборник тезисов XIX конференции памяти В.Д. Королюка / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2000. С. 142–144.

Александрийская Православная Церковь (Александрийский патриархат) от основания до середины VII в. // Исторический Вестник. 2000. Вып. 2 (6). С. 63–101.

Неизвестная редакция «Второго поучения» Василия I (867–886) Льву VI. Предисл., публ. и пер. // Труды кафедры древних язы-

- ков исторического факультета МГУ // Отв. ред. И.С.Чичуров. М.; СПб.: Алетейя, 2000. С. 201–212.
- Современная проблематика изучения истории Церкви // История древней Церкви в научных традициях XX века: Материалы науч.-церк. конф., посвящ. 100-летию со дня кончины В. Болотова / Отв. ред. еп. Тихвинский Константин (Горянов), М.Б. Пиотровский. СПб., 2000. С. 145–149.
- Le schisme de 1054 et la polémique anti-latine des métropolitains kiéviens (milieu XIe — début XIIe siècle) // XXe Congrès international des études byzantines. Pré-actes. Vol. III: Communications libres. Paris, 2001. P. 136.
- Элементы римского права в греко-православном каноническом праве // Forum Romanum: Доклады III Международной конференции «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права» / Отв. ред. В.В. Дементьева. М., 2003.
- XVI Всероссийская научная сессия византинистов // Византийский временник. 2004. Т. 63. С. 286–291 (в соавторстве с А.А. Войтенко, А.М. Крюковым, М.А. Курышевой).
- Византия и Запад (950-летие схизмы христианской Церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами) // XVII Всероссийская научная сессия византинистов (Москва 26–27 мая 2004 года) // Византийский временник. 2005. Т. 64. С. 313–315 (в соавторстве с А.А. Войтенко, А.М. Крюковым, М.А. Курышевой).
- Греческие проскинитарии и русские хождения — типология и особенности восприятия (Доклад на Второй общецерковной конференции «Православное паломничество: традиции и современность», 28–29 ноября 2005 г.) // Православный паломник. М., 2006. № 5. С. 76–77.
- Антилатинский трактат киевского митрополита Ефрема (ок. 1054/55–1061/62 гг.) в составе греческого канонического сборника Vatic. gr. 828 // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Вып. 3 (19). 2007. С. 107–131.
- Избранные труды: К 60-летию Игоря Сергеевича Чичурова. М., 2007. 272 с.
- Статьи в энциклопедиях: Авелланово собрание // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 123; Автократор // Там же. С. 202; Агафий Схоластик (Миринейский) // Там же. С. 239; Агафон [архидиакон польский] // Там же. С. 243; Александрийская Православная Церковь (Александрийский патриархат) (история от основания до сер. VII в.) // Там же. С. 559–577; Александрийская хроника // Там же. С. 594; Аноним Валезия // Там же. Т. 2. М.,

2001. С. 473; Аноним церковный // Там же. С. 475; Антиохийская Православная Церковь (Антиохийский патриархат) (история от основания до сер. VII в.) // Там же. С. 501–513; Афанасий I Великий (в соавторстве с В.В. Асмусом) // Там же. Т. 4. М., 2002. С. 22–29; Бек, Ханс Георг // Там же. С. 461–462; Византийская империя (введение) // Там же. Т. 8. М., 2004. С. 125–130; Византийская империя (ранневизантийский период, в соавторстве с А.А. Чекаловой) // Там же. Т. 8. М., 2004. С. 131–141; Византиноведение (в соавторстве с И.Н. Поповым) // Там же. С. 388–401; Каждан А.П. // Большая российская энциклопедия. Т. 12. М., 2008. С. 383.

Шабара Ирина Юрьевна

Латинские панегирики конца III–IV веков как исторический источник (Программный характер Галльских панегириков) / Автореферат канд. дис. М., 1984.

Галльские панегирики // Вопросы истории. 1985. № 12. С. 174–179.

Латынь — мёртвый язык?! // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1996. № 2. С. 52–59.

Опыт исследования галльских панегириков количественными методами // ВДИ. 1993. 3. С. 147–161.

Слався, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997.

Небесное видение как элемент земной политики Константина Великого // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ / Отв. ред. И.С. Чичуров. М., СПб.: Алетейя, 2000. С. 98–108.

Риторические способы диффамации политического противника (По материалам сборника XII Panegyrici Latini) // МИЖ. 2000. 12. Части 1–4.

Латинский язык в таблицах / Учебное пособие. М., 2001. 112 с.

Позднеримская публицистика в IV веке // История Древнего Рима. Тексты и документы: в 2-х томах / Под ред. В.И. Кузищина. Т. 1. Общество. Государство. Религия. Раздел 24. М., 2004. С. 358–374.

II. Оптациан Порфирий. Панегирик императору Константину // Кентавр / Centaurus. *Studia classica et medievalia*. 2008. № 4. С. 43–60.

Grammatica Latina. Латинский язык для переводчиков. Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Плиний Старший. Естественная история. Книга VIII, §§ 142–224 / Перевод с латинского языка и комментарии // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 2 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2009. С. 182–208.

- Трактат Л. Бруни «О правильном переводе» / Вступит. статья, перевод с латинского и комментарии // Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода. 2010. № 1. С. 27–65.
- Особенности перевода с древних языков (от подстрочника к переводу) / Труды Высшей школы перевода (факультета). Книга первая. 2005–2010. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 386–397.
- Эпитет как средство создания хвалебного портрета императора // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2012. С. 95–114.
- Плиний Старший*. Естественная история. Книга VIII, §§ 1–141 / Перевод с латинского языка и комментарии // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2012. С. 186–227.
- Перевод античного текста: вариативность результата / *Lanterna nostra*. Сборник в честь профессора И.Л. Маяк. М.: Алетейя, 2014. С. 388–397.
- Цицерон и Иероним: античные теоретики перевода // Восток, Европа, Америка в древности. Вып. 3. Сб. науч. трудов XVIII Сергеевских чтений / Глав. ред. С.Ю. Сапрыкин; отв. ред. И.А. Ладынин. М., 2014. С. 287–293 (Труды исторического факультета МГУ: вып. 68; Сер. 2. Исторические исследования: 2а).
- Либаний*. Речи XIX–XXIII / Вступит. статья, пер. с древнегреч. и комментарии // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2015. 9. С. 160–232.
- Латинские панегирики / Вступительная статья, перевод и комментарии И.Ю. Шабага. М.: Университет Дм. Пожарского, 2017. 672 с. (Античная библиотека. Латинская серия. Т. I).
- Константин и Максенций: методы политической борьбы // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2016. С. 178–192.
- Древнегреческая морфология в таблицах: Учебное пособие. М.: Изд-во УНЦ ДО, 2017. 60 с.

Приложения

А.В. Белоусов

НАУЧНЫЕ СЕМИНАРЫ КАФЕДРЫ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ В 2009–2017 гг.

Занятия древней историей, основой которых и, по сути, единственной сокровищницей серьезной научной методы является классическая филология, требуют особенного умения читать, искусства медленного чтения, овладеть которым невозможно, если историк не следует известной максиме, метко сформулированной еще знаменитым учителем Ф. Ницше и Ф.Ф. Зелинского Фридрихом Ричлем: *lesen, viel lesen, sehr viel lesen, möglichst viel lesen!* Ведь настоящая ученость историка и филолога-классика состоит не в том, чтобы быть лишь в курсе десятков сотен новейших монографий, издающихся множеством зарубежных издательств ежегодно, а в том, чтобы любое событие, любая древняя цитата быстро вызвали в памяти правильные аллюзии и культурный контекст, созданный научным чтением источников. Поскольку знание античной литературы и древних документов совершенно невозможно вне греческого и латинского языков, постольку специалист-классик должен стремиться к доскональной начитанности в античной письменности именно на языке оригинала. Само это чтение столь разнородных памятников древней письменности требует умения рассматривать эти памятники в их собственном существе, оценивать их в их собственном литературном и документальном достоинстве, а не как подшивку газет с однообразными текстами на пожелтевших страницах.

Сотрудники кафедры, большинство из которых занимается самостоятельными учеными разысканиями, с самого начала понимали необходимость собственного читательского семинара, на котором бы практиковалось научное историко-филологическое чтение древних текстов, чтение не курсивное, а вопрошающее, внимательное чтение, пробуждающее действительное знание античной литературы. В конце нулевых годов спорадически возникали такого рода семинары, например, семинар по чтению «Аякса» Софокла и семинар по «Ахарням» Аристофана, которые, впрочем, просуще-

ствовавали недолго. Гораздо более продуктивным оказалось создание в 2013 году более долговечных семинаров по греческой эпиграфике и латинской литературе эпохи Возрождения.

Семинар по греческой эпиграфике под руководством А.В. Белоусова был создан с целью изучения греческих надписей и научения их читать для самостоятельных исследований участников. Основой семинара является классический сборник исторических греческих эпиграфических документов Вильгельма Диттенбергера *Sylloge inscriptionum Graecarum*, сплошное чтение которого с внимательным изучением дальнейшей истории исследования приведенных в нем надписей является и прекрасным средством познания для специалистов, и незаменимым Введением в науку греческой эпиграфики для тех, кто только приступает к занятиям ею. Ежегодно семинар начинается с нескольких вводных занятий, рассчитанных на только что пришедших в семинар новичков, а надписи распределяются по участникам семинара с тем, чтобы, когда придет очередь, участник мог руководить чтением и научным комментарием доставшегося ему памятника. Подготовка надписи для семинара требует не только внимательного изучения комментария В. Диттенбергера в его сборнике, но и досконального изучения предшествующей и последующей научной традиции изучения конкретного эпиграфического документа. Коллега, который руководит чтением на следующем семинаре, загодя рассылает остальным участникам фотографии читаемых надписей и их эстампажей, а также базовую литературу, имеющую отношение к данным текстам. За четыре года существования семинара оформилась его структура и определенная динамика, участники-ветераны и новички с увлечением и азартом занимаются чтением греческих надписей и комментируют их. Для многих из участников семинар стал настоящим посвящением в греческую эпиграфику, которого не могут дать лекции по этой дисциплине: только практическое чтение надписей и их историко-филологическая контекстуализация способны научить этой непростой науке. В семинаре также делаются отдельные доклады и сообщения о старых и новых эпиграфических находках, а также о новых методах в эпиграфике (например, 3D-моделирование). В семинаре участвуют не только сотрудники кафедры, но и коллеги, студенты и аспиранты с других кафедр и факультетов Университета.

Гуманистический семинар под руководством Г.С. Беликова и А.В. Белоусова имеет своей целью более внимательное изучение ренессансной латинской литературы. Особенностью этого семина-

ра является то, что обсуждение прочитанного происходит исключительно на латинском языке и, таким образом, одной из основных задач семинара является практическое изучение латинского языка, без активного знания которого чтение как античной так и новолатинской литературы носит полудлюбительский и неизбежно слабонаучный характер. Первые два года участники семинара читали сочинение Франческо Петрарки *De secreto conflictu curarum mearum*, а потом участники перешли к чтению сборника *Adagia* Эразма Роттердамского. Распределение фрагментов текста происходит схожим образом с практикой эпиграфического семинара и, таким образом, каждый отрезок текста имеет своего первенствующего комментатора и толкователя. Заседания семинара проходят в легкой непринужденной обстановке, за непринужденной беседой вокруг сочинения избранного ренессансного писателя. Участвуют в семинаре коллеги и учащиеся Московского университета и некоторых других столичных вузов.

Недавно возникший семинар **по чтению аттической драмы** под руководством Г.С. Беликова объединяет в своем кругу несколько коллег с кафедры и специалистов из иных мест. За два года была прочитана и откомментирована знаменитая трагедия Софокла «Эдип царь», в текущем академическом году участники собираются читать одну из трагедий Эврипида. К сожалению, недолго просуществовал **папирологический семинар** под руководством А.В. Белоусова и Е.Ю. Чепель (РАНХиГС), на котором практиковалось комментированное чтение греческих папирусов. В будущем мы надеемся восстановить этот семинар, на который пока что нам не хватает собственных сил и времени.

Уже много лет — с 2011 г. — существует межвузовский семинар «Античная литературная традиция об истории Восточной Европы: читаем Страбона», которым руководит А.В. Подосинов совместно с Л.И. Грацианской (РГГУ). В разное время его посещали студенты, аспиранты, преподаватели и исследователи из различных столичных институций (из МГУ, РГГУ, Ин-та языкознания РАН, Ин-та всеобщей истории РАН, ВШЭ, ПСТГУ, Московского гуманитарного университета, Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН). Принцип «медленного чтения» возведен здесь в ранг нормы, за 6 лет семинаристы смогли перевести лишь около 80 страниц греческого текста Страбона, описывающего Восточную Европу. Каждая фраза, каждое слово являются предметом скрупулезного анализа, дискуссии, работы со справочной и научной литературой, исследования истории слова, мысли, представления. Впереди — работа по комментированию и изданию

этого нового перевода, которая также грозит вылиться в многолетний семинарский труд.

Таким образом, на кафедре древних языков продолжают развиваться научные традиции, заложенные еще ее основателем Н.И. Новосадским и получившие добрую петербургскую прививку к московской классической школе. Семинары кафедры древних языков открыты всем желающим заниматься научным чтением древней и новой литературы, так как мы считаем, что настоящая наука не может ютиться по закрытым учреждениям, где она превращается в узника самой себя, в железных клетках с зенитными орудиями, направляющимися на все объявленное «чужим». Настоящая наука о классической древности создана изначально на основе свободного и открытого общения и может существовать только как *respublica litterarum*.

И.Ю. Шабага

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

Думаю, каждый преподаватель древних (и не только!) языков согласен с сентенцией *Grammatica est animal ferocissimum gravissime ulciscens iniuriae sui* (*грамматика есть зверь лютый, беспощадно карающий за неподчинение своим законам*), но не каждого студента удастся убедить в ее правоте. Ниже приводятся нелепые переводы студентов, которые позволяют себе вольно обращаться с грамматическими правилами.

Чаще всего ошибки возникают из-за того, что горе-переводчики берут не нужное, а похожее по звучанию слово. Например, в № 8 и № 10 вместо слова *genus* третьего склонения *род, категория* взято слово *genet* второго склонения *зять*; в № 13 вместо *ovis* *овца* — *ovum* *яйцо*, в № 22.1 вместо *mālum* *яблоко* — *mālum* *зло*; в № 33 вместо перфектной формы глагола *mittere* *посылать* — прилагательное *miser* *несчастный*; в № 37 вместо глагольной формы *canis* *ты поешь* использовано существительное *canis* *собака*, а в № 20 использовано не нужное по смыслу, а первое по порядку в словаре значение слова (*lapsus* *падение, ошибка*; *calamus* *стрела, перо*) и т. д.

Часто не обращают внимания на падежную форму грамматического имени, на глагольную форму и на присутствие той или иной синтаксической конструкции, в результате чего смысл высказывания извращается (№№ 1, 3, 14, 31, 36 и др.)

В ряде случаев переводы навеяны сходным звучанием античных и современных (с латинскими корнями) слов (см., например, №№ 11, 21, 25, 27, 35), а иногда создается впечатление, что «переводчик» творил в состоянии беспамятства, не задумываясь о смысле своего «перевода» (например, №№ 23, 24, 29, 32).

В общем, вариантов искажения подлинного смысла оригинального текста множество, и потому для публикации были отобраны лишь некоторые из них.

	Латинский / древнегреческий текст	Дословный перевод	Студенческий перевод
1.	Epicurum ego arbitror maximis erroribus animos hominum liberavisse.	<i>Я-то полагаю, что Эпикур освободил души людей от величайших заблуждений.</i>	Я думаю, что величайшим заблуждением Эпикура является освобождение душ людей.
2.	Habent sua fata libelli.	<i>Книги имеют свою судьбу.</i>	Они считают свои судьбы открытой книгой.
3.	Inimicus patriae fuisse Ti. Gracchus a patriciis putatur.	<i>Патриции считали, что Тибериус Гракх был врагом родины.</i>	Враг родины Тибериус Гракх считался патрицием.
4.	Cibum durum edunt et cotidie se exercent...	<i>⟨Германцы⟩ едят грубую пищу и ежедневно упражняются...</i>	Вместо того, чтобы есть грубую пищу, займитесь спортом.
5.	Spes bona confirmat animos datque vires.	<i>Добрая надежда укрепляет души и придает силы.</i>	Надежда на добро укрепляет дух одаренных мужчин.
6.	G. Gracchus novis rebus studebat.	<i>Гай Гракх стремился к государственному перевороту (досл.: к новым обстоятельствам).</i>	1. Гай Гракх занимался необычным ребусом. 2. Гай Гракх новым делом изумился.
7.	Catilina duos equites ad Ciceronem salutatum misit.	<i>Катилина послал двух всадников, чтобы те поприветствовали Цицерона.</i>	Цицерон и Катилина поздравили двух всадников.
8.	Caesaris tempore in Gallia duo genera hominum erant qui aliquo erant honore: druides et equites.	<i>Во времена Цезаря в Галлии было две категории людей, которые пользовались определенным почетом: друиды и всадники.</i>	Время Цезаря в Галлии — это дует людей и зятей, которых уважали друиды и всадники.
9.	Non datur ad Musas currere lata via.	<i>Не дано идти к Музам по широкой дороге.</i>	Ему не дают при Музах бегать по широкой дороге.
10.	Homo quidam interrogavit servum genere Laacedemonium...	<i>Некий человек спросил раба, родом спартанца...</i>	Зять — это честный и порядочный человек, который спросил у раба-спартанца...
11.	Taurus et musca.	<i>Бык и мушка.</i>	Турист в Москве.
12.	Antiqui caput sedem omnium fere sensuum nostrorum putabant.	<i>Древние считали голову местом пребывания почти всех наших чувств.</i>	1. Местоположение древней столицы все наши дикие чувства очищало.

	Латинский / древнегреческий текст	Дословный перевод	Студенческий перевод
			2. Голова седеет от диких наших мыслей.
13.	Custos ovium.	<i>Страж овец.</i>	Хранитель яиц.
14.	Apparuit id etiam caeco.	<i>Это очевидно даже слепому.</i>	Очевидно, он еще и слепой.
15.	Post scriptum.	<i>После написанного (приписка).</i>	Позже напишу!
16.	Vae, victis!	<i>Увы (= горе) побежденным!</i>	Увы, победа!
17.	Littera scripta manet.	<i>Написанное (досл.: написанная буква) остается.</i>	Буква, написанная рукой.
18.	Amici, diem perdidit!	<i>Друзья, я потерял день!</i>	Друзья день губят.
19.	Acta est fabula.	<i>Представление окончено.</i>	1. Поступок есть миф. 2. Дело — это сказка.
20.	Lapsus calami.	<i>Ошибка (досл.: ошибка пера).</i>	Падение стрелы.
21.	Ad usum delphini.	<i>Для использования дофином¹.</i>	Для употребления дельфина.
22.	Ab ovo usque ad mala.	<i>От яйца до яблок (т. е. с начала до конца).</i>	1. От яйца все беды. 2. Рецепт шарлотки.
23.	Dente lupus, cornu taurus petit.	<i>Волк наносит удар зубами, а бык — рогами.</i>	Зубы волка меньше, чем рога быка.
24.	Ex ungue leonem.	<i>По когтю льва (узнаешь).</i>	Бывший когтистый лев.
25.	Populus Romanus.	<i>Римский народ.</i>	Популярный роман.
26.	Servorum officia varia erant.	<i>Обязанности слуг разные.</i>	Служащие офисов были разные.
27.	Pereant dolores!	<i>Пусть сгинут страдания!</i>	Да сгинут доллары!
28.	Quantum satis.	<i>Сколько достаточно.</i>	Сколько схватишь.
29.	Equus fortior est asino.	<i>Конь сильнее осла.</i>	Сильный конь — это осел.
30.	Pater familias.	<i>Отец семейства.</i>	Фамилия отца.
31.	Medici causas morborum invenire student.	<i>Врачи стремятся установить причины болезней.</i>	Врач по причине болезни нашел студента.

¹ Значение афоризма: адаптированные для детей и юношей издания классиков. Первоначально таким образом были помечены классические древнегреческие и латинские произведения, составлявшие библиотеку дофина — наследника французского короля Людовика XIV.

	Латинский / древнегреческий текст	Дословный перевод	Студенческий перевод
32.	Memento mori.	<i>Помни о смерти.</i>	1. Момент смерти. 2. Не забудь умереть.
33.	Galli legatos ad Caesarem miserunt.	<i>Галлы отправили к Цезарю послов.</i>	Галлы собирались у несчастного Цезаря.
34.	Pede libero.	<i>Вольной/свободной ногой.</i>	Пьедестал свободы.
35.	Tabula rasa.	<i>Чистая доска.</i>	Чистая раса.
36.	Ars amandi.	<i>Искусство любви.</i>	Паши, любя.
37.	Eandem cantilenam canis.	<i>Ты поешь всё ту же песню.</i>	Все та же песня, собака!
38.	Lucius Sergius Catilina.	<i>Луций Сергий Катилина.</i>	Луций Сергий Кобелина.
39.	Servorum officia varia erant.	<i>Обязанности рабов были различными.</i>	Служащие офисов были разные.
40.	Mala gallina — malum ovum.	<i>От дурной курицы — дурное яйцо.</i>	Мало куриц — мало яиц.
41.	Sine legibus nulla est civitas.	<i>Без законов не бывает государства.</i>	Без легионов нет государства.
42.	Sibi parat malum, qui alteri parat.	<i>Себе готовит беду тот, кто готовит ее другому.</i>	Готовься к беде, к другому не готовься.
43.	Ἀνθρώπον τις ἀποκτείνας, ὑπὸ τῶν συγγενῶν αὐτοῦ ἐδιώκετο. Γενόμενος δὲ κατὰ τὸν Νεῖλον ποταμόν, λέοντος ἀπαντήσαντος, φοβηθεὶς ἀναβαίνει ἐπὶ τι δένδρον, ἐγγὺς δὲ τοῦ ποταμοῦ. Ἐπὶ δὲ τῷ δένδρῳ ἤβρε δράκοντα. Καὶ πάλιν τοῦτον φοβηθεὶς, ἔρριπεν αὐτὸν εἰς τὸν ποταμόν. Ἐν δὲ τῷ ποταμῷ ὄντα αὐτὸν κροκόδειλος κατέφαγεν. Τοὺς γὰρ φονέας καὶ γῆ, καὶ ἀήρ καὶ ὕδωρ μισοῦσιν.	<i>Некто, убив человека, был преследуем родственниками убитого. Оказавшись вблизи реки Нил, повстречав льва и испугавшись его, он залезает на какое-то дерево, растущее у реки. На дереве же он нашел змею. Испугавшись и ее, он бросился в реку. Но его, находящегося в реке, проглотил крокодил. Ибо убили и землю, и воздух, и воду.</i>	Всякого человека преследовал вследствие умерщвления родственников ему. Рожденный в реке Ниле встретившегося льва устранив, поднялся к фруктовому дереву окола своей реки. У дерева же нашел дракона. И вновь удалил самого себя в реку, устранив того. Ибо ненавидят убийцы и землю, и воздух, и воду (чистую).

	Латинский / древнегреческий текст	Дословный перевод	Студенческий перевод
44.	Οὐδεὶς ἔχων τι ἀγαθὸν δρᾶσαι τὴν πόλιν πενίᾳ κεκόλυται.	<i>Никому, имеющему возможность сделать нечто хорошее для го- рода, не препятствует бедность.</i>	Никто, имеющий нечто хорошее, не будет ме- шать полису своей бедностью.

После прочтения всех этих «перлов» поневоле согласишься, что горькая «судьба учителя — слушать учеников», хотя на самом деле фраза *Fabula magistri a puellis auditur* означает всего лишь «*девочки слушают рассказ учителя*».

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею кафедры древних языков	5
<i>И.И. Тучков</i> «Послания к древним», или важность классического образования	5
<i>С.П. Карпов</i> Древние языки в поле исторического знания	13
<i>А.В. Подосинов</i> Кафедра древних языков — прошлое, настоящее, будущее . .	15
<i>Г.Г. Козлова</i> Страницы истории кафедры древних языков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова	23
Из истории кафедры — personalia	28
<i>А.В. Белоусов</i> Николай Иванович Новосадецкий (1859–1941) — основатель кафедры древних языков исторического факультета МГУ: жизнь и труды по материалам Архива РАН	28
<i>А.О. Корчагин</i> Заведующий кафедрой Виктор Сергеевич Соколов (архивные материалы)	104
<i>Е.В. Фёдорова</i> Профессор В.С. Соколов — основатель кафедры древних языков	119
<i>Н.М. Мещерякова</i> Слово об учителе — В.С. Соколове	124
<i>Е.В. Фёдорова</i> Профессор А.Ч. Козаржевский — заведующий кафедрой древних языков в 1967–1995 гг.	126
<i>Н.Г. Майорова</i> Слово об учителе — А.Ч. Козаржевском	133

<i>Т.С. Нагайцева</i>	
Слово об учителе — Е.Б. Веселаго	136
<i>И.В. Ведюшкина</i>	
Памяти Л.А. Годовиковой	143
<i>Г.Г. Козлова</i>	
Scripti, quod memini, recordentur plura potentes	147
<i>Зоя Ножникова</i>	
Галина Глебовна Козлова	161
<i>Е.В. Федорова, Б.А. Макеев</i>	
Донат Александрович Дрбоглав	165
<i>А.В. Подосинов</i>	
Игорь Сергеевич Чичуров	170
<i>М.И. Чернышева</i>	
Игорь Сергеевич Чичуров (воспоминания)	177
<i>А.М. Крюков</i>	
Слово об учителе — И.С. Чичурове	195
<i>И.Л. Маяк</i>	
Наталья Геннадьевна Майорова	202
<i>М.Н. Славятинская</i>	
Слово о счастливом человеке: Елена Васильевна Федорова	204
<i>О.В. Смыка</i>	
Татьяна Сергеевна Нагайцева	221
Избранная библиография трудов сотрудников кафедры.	
Составители А.В. Мосолкин и Г.С. Беликов	223
Приложения	261
<i>А.В. Белоусов</i>	
Научные семинары кафедры древних языков в 2009–2017 гг.	261
<i>И.Ю. Шабана</i>	
Смех сквозь слезы	265

Научное издание

ТРУДЫ КАФЕДРЫ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ

Выпуск V

Ответственный редактор:

А.В. Подосинов

Редколлегия сборника:

А.В. Подосинов, И.Ю. Шабига

Оригинал-макет:

А.М. Крюков

Издательство «Индрик»

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.

17,0 п. л. Тираж 200 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87